

Санкт-Петербург
1999

Российский государственный педагогический университет
имени А.И. Герцена

ДИАЛЕКТНАЯ ЛЕКСИКОЛОГИЯ И ЛЕКСИКОГРАФИЯ: БРЯНСКИЕ ГОВОРЫ

К 90-летию проф. В.И. Чагишевой

Коллективная монография

Санкт-Петербург
Издательство РГПУ имени А.И. Герцена
1999

ББК. 81.021
Д 44

Авторы: Л.А. БАЛЯСНИКОВА, Н.И. БАТОЖОК, А.Ю. КОЖЕВНИКОВ, Н.В. КОЗЛОВСКАЯ, В.А. КОЗЫРЕВ, И.С. КУЛИКОВА, Ю.Б. ЛОБОВА, В.В. РЕЗЦОВ, И.Н. СМИРНОВ, В.Д. ЧЕРНЯК, Н.Л. ШУБИНА

Редакционная коллегия: В.А. КОЗЫРЕВ (ответственный редактор), В.Д. ЧЕРНЯК, А.Ю. КОЖЕВНИКОВ

Рецензенты: д-р филол. наук., проф. В.М. МОКИЕНКО, д-р филол. наук., проф. С.Г. ИЛЬЕНКО

Диалектная лексикология и лексикография: Брянские говоры. (*К 90-летию проф. В.И. Чагишевой*): Коллективная монография. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 1999. – 214 с.

Д-4602000000-43 **ББК 81.021**

ISBN 5-8064-0100-6

Светлой памяти
Веры Ивановны Чагишевой
посвящается

ПРЕДИСЛОВИЕ*

В числе актуальных направлений современной лингвистической науки остаются исследования русских народных говоров: описательная диалектология (полное системное изучение говоров отдельных регионов); историческая диалектология (история формирования диалектных различий и самих диалектов русского языка); диалектная лексикология, лексикография как база для синхронных и диахронических исследований в области лексики. Сегодня, на рубеже веков, в эпоху всеохватного распространения средств массовой информации, оказывающих огромное воздействие на языковое сознание носителей русского языка, в период умирания многих деревень, глубинных социальных изменений в крестьянской среде, с неизбежностью меняется характер и статус диалектного слова. Территориальные диалекты не умирают, но, как отмечает А.С.Герд, трансформируются в особые новые формы разговорной речи, в которой утрачиваются многие архаичные черты диалекта и развиваются новые особенности [Герд, 1998, с. 20]. В этих условиях особое значение приобретают исследования, опирающиеся на собиравшийся на протяжении десятилетий диалектный материал, а актуальной практической задачей остается создание региональных словарей, сохраняющих для будущих поколений исследователей сокровища народной речи.

В русской диалектологии установились два подхода к определению диалектного слова. Один из них, называемый дифференциальным, заключается в том, что диалектным признается слово, "имеющее локальное распространение и в то же время не входящее в словарный состав литературного языка (в любую его разновидность)" [Филин, 1961, с. 22]. При другом подходе, получившем

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда согласно проекту 96-04-06407.

название недифференциального, в качестве диалектного рассматривается слово, бытующее в русских народных говорах, вне зависимости от территории его распространения и наличия или отсутствия его в литературном языке. Несмотря на существенные различия, эти два подхода не являются взаимоисключающими. Применение дифференциального или недифференциального подхода к диалектному слову (и в целом к лексике русских народных говоров) определяется в диалектной лексикологии в зависимости от конкретных исследовательских задач. Сказанное относится и к диалектной лексикографии.

Дифференциальный подход успешно реализуется при изучении диалектного слова в историческом аспекте. Изучая современные диалекты (в том числе на лексико-семантическом уровне), историческая диалектология уделяет преимущественное внимание архаическим, реликтовым явлениям, утраченным литературным языком или никогда ему не принадлежавшим. Дифференциальный подход оказывается достаточным для ретроспективной характеристики диалектного слова.

Изучение диалектного слова в лексико-системном аспекте неизбежно должно ориентироваться на весь словарный состав диалекта как средства общения, поскольку необходимое условие лексико-системной характеристики – системная целостность наблюдаемого объекта. В этом случае недифференциальный подход к диалектному слову оказывается единственно возможным.

Лексикографический аспект изучения диалектного слова представлен реализацией обоих подходов (в зависимости от типа и назначения диалектного словаря).

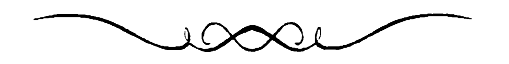
Лексикологические аспекты изучения диалектного слова находятся в тесной взаимосвязи с лексикографическим аспектом. Совершенно очевидно, что ни одна лексикографическая проблема не может быть решена вне лексикологического осмысления диалектного материала. Не менее очевидно и другое: лексикологическая проблематика (круг основных вопросов и глубина их изучения) в значительной мере определяется уровнем лексикографической деятельности. "Можно сказать, что лексикология вообще начинается с лексикографии. Что касается русской диалектной лексикологии, то это положение представляется бесспорным" [Сороколетов, 1981, с. 4].

Названные магистральные направления исследования диалектного слова определили основную проблематику изучения и описания брянских говоров на кафедре русского языка РГПУ им. А.И. Герцена. Некоторые ре зультаты этой работы, осуществлявшейся на протяжении почти пятидесяти лет, представлены в данной коллективной монографии.

История изучения брянских говоров имеет в РГПУ им. А.И. Герцена давнюю традицию и связана с научно-педагогической деятельностью профессора Веры Ивановны Чагишевой. Под ее руководством проведено более 30 студенческих диалектологических экспедиций, создано уникальное картотечное собрание брянской лексики и фразеологии общим объемом в миллион карточек-цитат, из которых свыше половины составляют материалы, собранные ею лично, создана надежная основа для всестороннего и углубленного изучения народной речи обширного региона русской диалектной территории. На базе собранных материалов написаны десятки дипломных работ, защищено более 20 кандидатских диссертаций. Проведенная исследовательская и лексикографическая работа получила признание среди специалистов. Как отмечается в недавно вышедшей "Истории русской лексикографии", "положение брянских говоров на территории, где встречаются три славянских народа, определило их большую самобытность, наличие консервативных особенностей. Значение Словаря брянских говоров неоценимо для решения многих проблем истории русского языка и его говоров и вообще истории трех славянских народов" [История русской лексикографии, 1998, с. 557].

Работа по обработке материалов картотеки, изучению словарного состава и изданию Словаря брянских говоров, начатая профессором В.И. Чагишевой, продолжается и сейчас ее учениками и коллегами в рамках проблемной группы "Диалектная лексикология и лексикография", возглавляемой профессором В.А. Козыревым.

В предлагаемой коллективной монографии обобщаются итоги предшествующей работы, посвященной некоторым аспектам изучения и описания брянских говоров, намечаются перспективы дальнейших исследований.

БРЯНСКИЕ ГОВОРЫ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ПРОФЕССОРА В.И.ЧАГИШЕВОЙ*

В научном наследии доктора филологических наук, профессора Веры Ивановны Чагишевой (1.10.1909 – 1.06.1981), представленном трудами по историческому синтаксису русского языка, грамматике и лексике современных русских народных говоров, исторической диалектологии русского языка, методике вузовского и школьного преподавания русского языка, лингвистической географии, славянской диалектологии, брянские говоры занимают особое место: их изучению она посвятила 30 лет своей жизни. В.И. Чагишева сумела создать на кафедре русского языка сплоченный коллектив диалектологов, который почти пять десятилетий целенаправленно занимается изучением брянских говоров.

У истоков диалектологической школы Герценовского университета стояла профессор Надежда Павловна Гринкова (1895 – 1961), виднейший отечественный диалектолог, историк языка, этнограф. 20 лет Н.П. Гринкова заведовала кафедрой русского языка Ленинградского государственного педагогического института им. А.И. Герцена, совмещая многообразную педагогическую, научную, организационную деятельность на кафедре с работой в диалектологическом секторе Института русского языка АН СССР.

Ученица Н.М. Каринского и А.А. Шахматова, Н.П. Гринкова была ученым с разносторонними интересами: ее перу принадлежит более 80 работ по этнографии, истории языка, стилистике. Основным научным пристрастием Н.П. Гринковой была региональная диалектология. Именно в этой области ученым были созданы наиболее значительные труды. По точному замечанию С.Г. Ильенко, “диалектология во времена, когда ею занималась Н.П. Гринкова, была одной из самых романтических филологических дисциплин, <...> на рубеже XIX–XX веков диалекты выступали в качестве средства коммуникации более чем 80% населения. Их изучение –

 Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда согласно проекту 96-04-06407.

кратчайший путь для осознания того, что метафорически обозначено “душой народа” Приверженность диалектам и фольклору отвечала и известной настроенности русской интеллигенции – служить народу (и как вариант “идти в народ”)” [Ильенко, 1995, с. 5].

Н.П. Гринкова осуществила более 20 диалектологических экспедиций: она побывала в Ленинградской, Новгородской, Псковской, Архангельской, Ярославской, Калининской, Воронежской, Кировской, Семипалатинской областях. Результатом этих поездок были многочисленные публикации, среди которых наибольшую известность приобрели “Очерки по диалектологии”, систематически публиковавшиеся в Известиях Академии наук СССР, и “Воронежские диалекты” (1947).

Н.П. Гринкова глубоко верила в устойчивость диалектного слова, в его самодостаточную ценность. Именно поэтому она выдвинула задачу комплексного лингвистического исследования территории Брянщины и создания Словаря брянских говоров. Это была инициатива, на долгие годы определившая одно из ведущих направлений работы кафедры русского языка.

Конкретное воплощение в жизнь научных идей Н.П. Гринковой, их творческое развитие связано с именем ее ученицы В.И. Чагишевой.

В 1951 году В.И. Чагишева возглавила первую диалектологическую экспедицию на Брянщину, целью которой был сбор материалов для Диалектологического атласа русского языка. Эта работа велась кафедрой в течение 1951–1953 годов. По единой программе была изучена речь 200 диалектоносителей в 92 населенных пунктах, намеченных к обследованию в соответствии с сеткой атласа. Обобщение экспедиционных материалов [Чагишева, 1953; Чагишева, 1957] явилось по существу первым наиболее полным и подробным исследованием, характеризующим лингвистический ландшафт Брянской области.

Поставив перед собой задачу определить место брянских говоров в системе восточнославянских языков и диалектов, В.И. Чагишева обратилась к сложной проблеме, изучение которой имеет в отечественном языкознании давнюю традицию и в истоках своих связано с именами таких известных ученых, как Е.Ф. Карский, Е.Ф. Будде, И.Г. Голанов, Н.Н. Соколов и др.[1] Было показано, что

---

[1] История изучения брянских говоров всесторонне охарактеризована В.И. Чагишевой в работах: [Чагишева, 1957; Чагишева, 1968; Чагишева, 1978].

лингвистический интерес к брянским говорам со стороны ученых дореволюционной поры обусловлен прежде всего сложностью исторической судьбы этого региона, особенностями территориального положения Брянщины, граничащей на западе с Белоруссией, а на юге – с Украиной. Поэтому основная цель, которую ставили перед собой исследователи прошлого, заключалась в том, чтобы определить взаимоотношения брянских говоров с говорами сопредельных территорий (прежде всего – белорусского языка). Указанная проблематика предопределила и характер исследовательского материала: в круг наблюдаемых фактов оказались вовлеченными, как правило, лишь отдельные фонетико-морфологические черты, общие для белорусского языка и южновеликорусских говоров.

В.И. Чагишева подошла к решению вопроса, имея в своем распоряжении не единичные, изолированные факты, а обширный материал, собранный по единой программе, по строго определенной сетке и в совокупности характеризующий фонетическую систему и грамматический строй говоров Брянской области. В итоге обобщения результатов экспедиционных работ удалось убедительно показать односторонность и некоторую упрощенность тех мнений о месте брянских говоров на восточнославянской территории, которые существовали в лингвистической науке. Имеются в виду крайние суждения о том, что брянские говоры являются белорусскими, по крайней мере их наиболее значительная часть – на запад от правого берега Десны по линии Трубчевск – Брянск (Е.Ф. Карский), переходными от белорусских к южновеликорусским с белорусской основой (И.Г. Голанов), типично южновеликорусскими (Е.Ф. Будде).

Предпринятое В.И. Чагишевой и ее коллегами и учениками комплексное исследование со всей очевидностью убедило в том, что реальная лингвистическая ситуация на Брянщине оказалась значительно сложнее, чем это представлялось ранее.

Вся совокупность фонетических, морфологических, синтаксических явлений, характеризующих диалектную речь этого региона, позволила квалифицировать говоры Брянской области как особую группу южно-великорусского наречия, обладающую известным единством, но при этом не представляющую единообразия. Отмечая общность основных черт фонетической системы и грамматического строя на всей территории Брянской области, В.И.Чагишева указала на преобладание некоторых белорусских

особенностей над соответствующими русскими на западе области (в брянско-бело-русском пограничье) и на преобладание южнорусских черт, свойственных основному массиву южнорусской диалектной территории, на востоке области (в брянско-орловском пограничье). В дальнейшем В.И. Чагишевой удалось очертить на территории Брянской области три региона: 1) восточный, самый обширный, граничащий с основным массивом юго-восточных, восточных и северо-восточных южновеликорусских говоров; 2) западный, за линией Клетня – Почеп – Погар; 3) центральный, территориально ограниченный (Трубчевский, Жуковский, Брянский районы), но сохранивший наиболее выразительные черты брянских говоров, развившихся на русской, а не на белорусской основе.

Для того, чтобы в полной мере оценить научное значение этой классификации, обоснованной более сорока лет тому назад и уточненной в последующие годы, следует иметь в виду, что в тот период, когда было предложено указанное диалектное членение Брянской территории, восточнославянская диалектология располагала в качестве основополагающей единственной классификацией – Московской диалектологической комиссии, – согласно которой все западные районы Брянской области, юго-запад Брянского района и запад Трубчевского района вообще оказывались за пределами русского языка и числились как белорусские говоры. В.И. Чагишева не только исправила Диалектологическую карту русского языка в Европе (в той ее части, которая характеризовала лингвистический ландшафт восточнославянского пограничья), но и во многом предвосхитила диалектное членение Брянской территории по новой (1965) классификации русских народных говоров. При этом, однако, она неоднократно подчеркивала, что новая группировка, в целом достаточно точно определившая место брянских говоров в южном наречии, в дальнейшем, возможно, потребует еще некоторого пересмотра в ходе более углубленных лингвогеографических изысканий на территории Брянской области[2].

Другой важный круг вопросов, связанных с исследованием брянских говоров, касается лексикологической и лексикографической проблематики. Целенаправленное и планомерное изучение словарного состава брянских говоров, начало которому по существу было положено В.И. Чагишевой, связано с зарождением и раз-

---

[2] См., например: [Чагишева, 1978].

витием русской диалектной лексикологии и лексикографии как особой лингвистической дисциплины.

С конца 50-х – начала 60-х годов начался новый этап в изучении лексики русских народных говоров. В ноябре 1955 года решением Второго Всесоюзного координационного совещания при Институте языкознания АН СССР составление областных словарей было объявлено одной из самых существенных задач русской диалектологической науки. В 1956 году на V диалектологическом совещании В.И. Чагишева выступила с предложением Н.П. Гринковой, возглавлявшей кафедру русского языка[3], закрепить за Институтом имени А.И. Герцена территорию Брянской области с целью ее экспедиционного обследования и последующей работы над региональным словарем. Эта инициатива была поддержана, тем более что к этому времени в распоряжении кафедры уже имелись материалы по лексике брянских говоров, собранные в связи с составлением Диалектологического атласа русского языка. Однако не только этот, весьма существенный сам по себе фактор (наличие определенного материального "задела") обусловил решение приступить к лексикографическому описанию брянских говоров. Н.П. Гринкова и В.И. Чагишева отчетливо представляли себе научное значение будущего словаря не только для русской диалектологии, но и для славистики в целом в силу особенностей исторической судьбы и территориального положения Брянщины, о чем В.И. Чагишева неоднократно писала, начиная с самых первых этапов изучения брянских материалов[4].

Не случайно работа над Словарем брянских говоров сразу же привлекла к себе пристальное внимание и вызвала заинтересованное отношение со стороны специалистов. В музейном архиве РГПУ им. А.И. Герцена хранится письмо академика В.В. Виноградова, обращенное к ректору института. В нем высказана высокая оценка научной перспективе создания Словаря брянских говоров.

[3] См.: [Чагишева, 1963].

[4] См.: [Чагишева, 1957; Чагишева, 1968; Чагишева, 1978].

3 января 1968 г.

Ректору ЛГПИ им. А.И. Герцена
А.Д. Боборыкину

Глубокоуважаемый Александр Дмитриевич!

Активное развитие славистических исследований за последние десять лет после Московского международного съезда славистов показало чрезвычайную важность и актуальность разработки проблем славянской диалектной лексики, насущных для вопросов сравнительной лексикологии, этимологии, истории языка и этнолингвогеографии. Зарубежные диалектологи-слависты (особенно польские и болгарские) достигли уже значительных успехов в разработке этих проблем. К сожалению, в нашей стране работа над изучением диалектной лексики идет замедленными темпами, что в сильной степени задерживает решение целого ряда общеславистических проблем.

Советскому комитету славистов известно, что на кафедре русского языка вверенного Вам института под руководством доц. В.И. Чагишевой ведется работа по составлению Брянского областного словаря, картотека которого уже насчитывает 200 000 карточек-цитат, что группа преподавателей кафедры уже занята подготовкой словарных статей для первого выпуска словаря. На материале картотеки словаря написан ряд диссертаций, отдельные темы продолжают разрабатываться преподавателями и аспирантами кафедры. К картотеке Брянского областного словаря обращаются многие советские и зарубежные ученые из Москвы, Риги, Вильнюса, Саратова, Пскова, Варшавы, Кракова, Будапешта, Упсалы и др. городов.

Территория Брянской области чрезвычайно интересна в историко-лингвистическом плане. Непосредственное соседство с районами древнейшей прародины славян с юго-запада, расположение на путях ранних славянских миграций на север по Десне, Днепру, Сожу, на исторических границах древнерусских феодальных княжеств (Черниговского, Трубчевского, Севского, Карачевского), в зоне постоянных многовековых контактов с украинским, белорусским, частично польским (XIV – XVII вв.) населением – все это привлекает особое внимание к Брянщине лингвистов, этнографов, историков и археологов.

Таким образом, Брянский областной словарь, в котором будет собрана лексика, отражающая историю края, расположенного на стыке трех восточнославянских народов, явится важным источником для истории русско-украинских, русско-белорусских и древних славянских племенных взаимоотношений. Он даст также очень ценный материал для системного описания лексики (семантики) и словообразования современных брянских говоров в синхронно-типологическом плане, что является сейчас одной из актуальнейших задач славянской диалектологии и лингвистической географии.

В связи с этим Советский комитет славистов обращается к вам с настоятельной просьбой обратить особое внимание на работу кафедры русского языка по изучению брянских говоров, содействовать планомерному и ускоренному собиранию материалов для словаря путем организации специальных диалектологических экспедиций, четкой организации лексикографической работы.

Примите уверения нашего глубокого к Вам уважения.

Председатель Советского комитета славистов
академик В.В. Виноградов

Первоначальная программа Словаря брянских говоров была изложена на Первой Псковской диалектологической конференции в 1960 году[5]. Однако идея создания СБГ и начало ее реализации (выход в свет первого выпуска) оказались разделенными значительным промежутком времени. Это был период напряженного научного поиска и большого неустанного труда.

Чрезвычайно важным в работе над диалектным словарем является вопрос о формировании картотеки. Первоначально единую картотеку как основу будущего словаря должны были составить: а) полевые записи во время специальных экспедиций в Брянскую область; б) печатные источники (материалы Е.Ф. Будде, П.Н. Тиханова, В.И. Даля – слова с пометой *западное*, А.Г.Преображенского – слова с пометой *севское*, извлечения из Орловских губернских ведомостей 1838–1894 годов); в) рукописи архивов АН СССР и Географического общества СССР. Кроме того, предполагалась работа по разысканию архивных материалов в Государственной Публичной библиотеке имени М.Е. Салтыкова-

[5] См.: [Чагишева, 1962].

Щедрина, в музеях Брянска, Трубчевска, Севска и др. Словарь брянских говоров мыслился с достаточно широкой исторической перспективой. Последующий отказ от этой идеи был по существу предопределен первоначальным характером СБГ как полного (системного) словаря диалекта, не имеющего письменной традиции и функционирующего лишь в устной форме.

Наиболее существенный вопрос – о формировании словника словаря – сначала решался несколько противоречиво: ставилась задача зафиксировать с возможной полнотой областную лексику, отражающую все стороны жизни человека и окружающей его природы, при этом исключались слова литературного языка (такие, как *человек, звезда, вода, камень, белый, черный, нести, вести* и т.д.), однако общенародные слова, обозначающие предметы домашнего обихода, орудия производства, средства передвижения и т.п. (например: *ухват, горшок, соха, сани* и др.) являлись предметом наблюдений в такой же степени, как и любое областное слово. То есть в том виде, как он планировался в 1960 году, Словарь брянских говоров, строго говоря, не был ни полным, ни дифференциальным. Эта двойственность была почти закономерной в процессе становления современной региональной лексикографии. С одной стороны, была очевидна необходимость преодоления старой лексикографической традиции с ее сугубо дифференциальным подходом, в результате которого областному словарю грозила опасность превратиться в собрание раритетов, что естественно, давало бы обедненное или даже искаженное представление о народной речи. С другой стороны, принципы новых, в то время еще только зарождающихся диалектной лексикологии и лексикографии в полной мере еще не утвердились. Проблемно-лексикологический подход, в основе которого лежит идея системности лексики, уже вполне отчетливый применительно к литературному языку, в те годы еще не стал достоянием диалектологической науки.

По мере работы над Словарем брянских говоров противоречивость исходных установок была преодолена. Вопрос решился в пользу регионального словаря полного типа, идея которого была выдвинута и обоснована Б.А.Лариным.

Острые дискуссии, развернувшиеся в конце 60-х – начале 70-х годов по вопросу о характере диалектного словаря (полный или дифференциальный), в конечном итоге показали несостоятельность альтернативного решения этой проблемы. Необходимость

создания словарей разной направленности в настоящее время очевидна для всех. Очевидные достоинства полного диалектного словаря, представляющего целостное описание лексики диалекта, оправдывают большие трудности, сопряженные с его составлением. Полный словарь, как показал ряд проведенных в русле герценовской диалектологической школы исследований, является надежной языковой базой современной диалектной лексикологии. Диалектный словарь полного типа обеспечивает системный подход к изучению народной речи, позволяет установить соотношение локальных и общенародных единиц в словарном составе диалекта, выявить основные закономерности процесса взаимодействия литературного языка и народных говоров, а также в полной мере определить те тенденции, которые характеризуют, современный, исторически своеобразный этап существования диалектов в новых социальных условиях. В то же время имеет под собой основания и некоторый скептицизм в отношении словарей полного типа, обусловленный соображениями практического свойства: велики сомнения в реальности доведения работы по их составлению до конца.

Как видно, словарь мыслился с достаточно широкой исторической перспективой. Однако впоследствии В.И. Чагишева отказалась от этой идеи, что было по существу предопределено характером словаря полного типа, ибо системный словарь диалекта, не имеющего письменной традиции и функционирующего лишь в устной форме, в принципе может быть только синхронным.

Задача полного синхронного описания словарного состава диалекта неизбежно должна опираться на системный подход к лексикографируемому объекту. По первоначальному замыслу словарь мыслился как Словарь восточной Брянщины, к которой было отнесено 14 районов – (из 26 – по административно-территориальному делению 1958 года): Брянский, Брасовский, Выгоничский, Дубровский, Дятьковский, Жуковский, Карачевский, Клетнянский, Комаричский, Навлинский, Рогнединский, Севский, Суземский, Трубчевский. Таким образом, за пределами лексикографируемой территории должны были остаться 12 районов области, прилегающих к Белоруссии: Гордеевский, Злынковский, Климовский, Клинцовский, Красногорский, Мглинский, Новозыбковский, Погарский, Почепский, Стародубский, Суражский, Унечский. Основанием для такого деления послужили прежде всего ис-

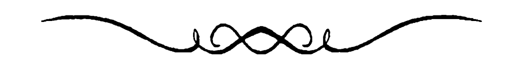
торические данные: приблизительная граница между западной и восточной Брянщиной была проведена на основе анализа исторического своеобразия края. При этом, однако, отмечалось, что изучение словарного состава с учетом фонетико-морфологических особенностей поможет решить этот вопрос более точно.

Размышляя над характером лексикографируемого объекта, В.И. Чагишева в полной мере отдавала себе отчет в том, что более корректной с точки зрения теории была бы ориентация словаря на относительно однородную в диалектном отношении территорию, установленную на сугубо лингвистических основаниях. Однако реализация такого подхода применительно к брянским говорам с их сложными взаимоотношениями с сопредельными восточнославянскими языками и диалектами в настоящее время не только затруднительна, но практически невозможна. Характер словарного состава брянских говоров и был той "искомой величиной", определение которой являлось одной из задач словаря. Поэтому к началу непосредственной работы по составлению Словаря брянских говоров реально осуществимым, без неоправданного, необоснованного насилия над лексикографируемым объектом оказался тот путь, к которому пришла В.И.Чагишева, вынужденно заменив лингвистический критерий экстралингвистическим (географическим и историческим), очертив лексикографируемую территорию границами Брянской области (по административно-территориальному делению 1973 года) и преимущественно сосредоточив внимание на территории восточной Брянщины (условно принимая границы Брянского княжества конца XII – начала XIV века).

Под руководством и при непосредственном активном участии В.И. Чагишевой проведено более 30 диалектологических экспедиций, создано уникальное картотечное собрание брянской лексики и фразеологии общим объемом более миллиона карточек-цитат, из которых свыше половины составляют материалы, собранные ею лично (в настоящее время картотека, хранящаяся на филологическом факультете РГПУ им. А.И. Герцена в Словарном кабинете им. проф. В.И. Чагишевой, является одним из крупнейших в России собраний диалектной лексики). В результате многолетней целенаправленной работы была создана надежная основа для всестороннего и углубленного изучения народной речи обширного региона русской диалектной территории. На этом богатейшем материале в проблемной группе "Диалектная лексикология и лексико-

графия", основанной В.И.Чагишевой, а в последние двадцать лет работающей под руководством профессора В.А.Козырева, написано более 20 диссертаций, более 60 дипломных работ, большое количество научных статей. В.И.Чагишева была редактором трех первых выпусков Словаря брянских говоров.

Самоотверженно преданный своему делу ученый, талантливый организатор, педагог, умеющий привлечь, сплотить и зажечь своим энтузиазмом молодежь, В.И.Чагишева подготовила научный коллектив, считающий своим почетным долгом продолжение начатого ею дела.

БРЯНСКИЕ ГОВОРЫ В СИСТЕМЕ РУССКИХ ГОВОРОВ

*Брянские говоры как самостоятельная подгруппа.**

Брянская область, входящая в состав Российской Федерации, была образована из ряда районов западной части Орловской области 5 июля 1944 году. Она расположена в западной части Русской равнины, где занимает среднюю часть бассейна Десны.

Сложившаяся на Брянщине языковая ситуация по-настоящему уникальна – ведь Брянская область представляет собой территорию, где сходятся три восточнославянских этноса, и, соответственно, характер брянских говоров складывался в условиях тесного контактирования трех восточнославянских языков – русского, украинского, белорусского. На протяжении многих веков этот край был свидетелем важнейших событий в истории: библиография, посвященная изучению территории, расположенной между Днепром и Десной, насчитывает около двух сотен наименований[6].

В IX веке территория, соответствующая современной брянской области оказывалась в возможной зоне контактов четырех славянских племен – северян, вятичей, радимичей, смоленско-полоцких кривичей. Имеются указания на наличие здесь археологических памятников родимичей, вятичей, кривичей. Не обнаружены пока археологические стоянки северян.

В княжение Святослава (957–972 годы) территория древнерусского государства постоянно расширялось. Покорив земли радимичей, через земли вятичей и северян Святослав стремился к выходу на Волгу, и к середине X века все эти территории вошли в древнерусское раннефеодальное государство с центром в Киеве. В

 Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда согласно проекту 96-04-06407.

[6] Из лингвистических работ см. в первую очередь: [Чагишева, 1957; Чагишева, 1962; Чагишева, 1968; Чагишева, 1978]

XI века эта территория являлась частью Черниговской земли, находившейся в 1024–1036 годах в собственности Мстислава Владимировича, затем вошла в состав великокняжеских земель. В 1054–1073 годы – это владение Святослава Ярославича, в 1073–1078 годы Всеволода Ярославича, затем с 1097 года эта земля утвердилась за Святославичами [Черепнин, Пашуто 1981, с. 155]. В первой трети XII века – это владения Олега Святославича и Давида Святославича, в XII – первой трети XIII века территория оставалась в пределах Черниговской земли, лишь небольшая часть на севере оказывалась в пределах Смоленского княжества (как раз та часть, которая соответствует месту расселения смоленско-полоцких кривичей).

Однако уже в это время, особенно в первой половине XIII века, интенсивно протекает процесс дробления земельной собственности в большинстве русских земель, и наряду с другими землями оказалась раздробленной и Черниговская земля. Появилось множество мелких княжеских уделов. В частности, по Десне располагались Брянское, Стародубское, Трубчевское княжества [Рапов, 1977, с. 95, 237]. Во время монголо-татарских походов 1237–1240 годов они подверглись разгрому, как и другие русские земли, однако все еще продолжали существовать в виде мелких княжеских владений. Позже эти земли неоднократно переходили во владение соседних князей – рязанского, литовского, смоленского, московского [Кизимов, 1984, с. 121]. Наиболее частые и разрушительные набеги совершали в то время литовские князья, которые приступили к захватнической политике еще в XIII веке. К середине XIV века усилившееся Литовское феодальное государство распространило свою власть на Черниговское, Новгород-Северское, Стародубское, Трубчевское и другие княжества и, используя стремление этих земель освободиться от ига Золотой Орды, захватило всю Западную Русь, значительную частью Юго-Западной и часть Северо-Восточной Руси. Таким образом, в течение XV века территория, соответствующая территории современной Брянской области, находилась под властью Великого княжества Литовского. В то же самое время на эти земли претендовала Польша, которая, наряду с борьбой за освобождение своих приморских земель, одновременно пыталась распространить свое влияние на восточные территории, подчиненные Литве. В результате этого на основе Люблинской унии в 1569 году. Польша подчи-

нила большую часть территории, на которой расположена в настоящее время Брянская область, Белоруссия, часть Смоленской области [Рапов, 1977, с. 134][7]. В то же время со второй половины XV века активно боролось за свои владения, в частности, и за земли западнее Москвы, Московское государство. К 1523 году оно возвратило себе северские города Белев, Трубчевск, Путивль и другие [Ларин, 1975, с. 225].

Даже из такой по необходимости конспективной ретроспекции следует, что на территории Брянщины постоянно и в течение долгого времени осуществлялись экономические, культурные и языковые контакты не только русского, украинского, белорусского населения, но также и других, в первую очередь, литовского и польского. Основную массу жителей Брянщины составляет исконно русское население, вместе с тем, сложная история оставила свои следы: здесь живут потомки украинцев, белорусов, поляков, литовцев. В зимней экспедиции 1985 г. коренная жительница села Балыки Почепского административного района, рассказывая о соседях из Клетнянского района, сказала: *"Ины зовуцца москали, так их прозванье; у их свои завидёнки, нучки носют суконные, широкого раскроя польта, мы их дразним москали, а ани нас кацапы, а мы ить не кацапы, мы хохлы, не, мы только не украинцы, не, мы под шляхтой, вон и лес панский, и мыза пана, а на том древе паненка повесилась; да не сейчас, а когда-некогда"*.

В Клетнянском районе мы узнали, как население этого района, в свою очередь, квалифицирует почепских соседей: *"У нас, у москалей, куплёного не було, носили рубахи саморучные, ну, а в почепском тоже люди здельные, усё могут: и вышивать, и прицаниваться. Хохлы они: зовут свинью – паца, украинское, у нас так не зовут"*.

Такого рода примеры могут навести на мысль о некой беспорядочной смеси населения и говоров, бытующих на территории Брянщины. Однако это не так. Прежде всего лингвистический ландшафт Брянщины определяется говорами исконно русского населения, причем, эти говоры представляют собой исключительно богатый материал в плане изучения русской диалектной лексики[8].

---

[7] См. также об этом: [Смолина, 1987, с.186].

[8] 88% словника Словаря брянских говоров вводит новую диалектную информацию – см.: [Балясникова, 1985, с. 134]. – С успехом привлекал брянские и др. диалектные данные для анализа «Слова о полку Игореве» и др. древнерус-

Сложная и неоднозначная языковая ситуация, сложившаяся на стыке трех восточнославянских языков, неоднократно привлекала внимание диалектологов. Говоры, бытующие на территории, соответствующей современной Брянской области, квалифицировались по-разному: и как белорусские, и как южновеликорусские, и как переходные[9]. Квалифицировала эти говоры как южнорусские и образующие в их пределах особую группу профессор В.И. Чагишева. Она не только показала их определенное фонетико-морфологическое единство, но также поставила вопрос и об известном лексическом единстве этих говоров. Вместе с тем, она понимала, что в пределах этого единства отдельные группировки могут существенно различаться.

Авторы двух первых классификаций, относя весь запад Брянской области, западную часть Брянского административного района и запад Трубчевского района к белорусским говорам, тем самым противопоставляли их восточным районам Брянской области: Дятьковскому, Карачевскому, Навлинскому, Брасовскому, Комаричскому и Севскому[10]. Таким образом, территория, занимаемая в настоящее время Брянской областью, разбивалась в самом общем виде на два ареала – с диалектной границей между белорусскими говорами, идущей примерно по Десне. Приблизительно такую же границу находим на карте П.С. Кузнецова [Кузнецов, 1952].

Н.Н. Дурново отмечал здесь наличие говоров, образующих постепенный переход: "Обычно в таких говорах черты одного наречия – основные, первоначальные, а черты другого вторичные, проникшие в них позднее под влиянием этого другого наречия, то есть эти говоры возникли вследствие объединения наречий, граница между которыми до этого объединения была более резкой. Точнее: между южновеликорусским наречием великорусского языка и севернорусским наречием белорусского языка находится широкая полоса переходных говоров, севернобелорусских в основе, с южновеликорусским наслоением. Названные переходные говоры, очевидно, возникли вследствие объединения диалектических границ между собой. Поэтому можно думать, что старые диалектиче-

ских памятников В.А. Козырев: [Козырев, 1976; 1984] и др. Ср. также работы А.И. Ивановой, А.С. Герда, В.М. Мокиенко, активно привлекающих брянский материал в своих исследованиях.

[9] Подробнее об этом см.: [Козырев, 1985, с. 4].

[10] См.: [Опыт диалектологической карты русского языка в Европе, 1915, с. 2; Захарова, Орлова 1970, с. 122–139].

ские границы между... южновеликорусскими и северобелорусскими и т.д. соответствуют каким-нибудь старым политическим или племенным границам" [Дурново, 1969, с. 125]. Н.Н. Дурново приводит в своем курсе лекций несколько карт: Диалектологическую карту южновеликорусских говоров, Диалектологическую карту малорусского языка, Диалектологическую карту белорусских говоров. Если попытаться совместить эти три карты, можно получить некоторую дополнительную информацию. Так, оказывается, что на территории, соответствующей современной Брянской области, распространены говоры, которые в терминологии Н.Н. Дурново носят название северобелорусских, переходных, говоров южновеликорусских на белорусской основе и отчасти (на самом юге области) полесских. Кроме того, интересующая нас территория может быть разбита на ряд более мелких территорий. Так, на основе распространения по территории различных типов яканья могут быть выделены две зоны – зоны в Карачевском административном районе и зона, соответствующая всей остальной территории. Диссимилятивное аканье объединяет брянские говоры с говорами, распространенными севернее и северо-западнее Брянской области. На основе признака "Граница [к'] после мягких неслоговых" также выделяется граница между двумя регионами. С севера Брянской области она проходит вдоль 34° градуса восточной долготы, затем пересекает ниже Брянска Десну и уходит на юго-восток ниже Карачева, приближаясь к 35° восточной долготы, затем опять делает петлю, огибая Севск и уходя за пределы Брянской области. "Западная граница [г]" (по Е. Карскому), приходящая с северо-запада через Витебск и идущая вдоль западной границы Брянской области через Новозыбков, выделяет самую западную зону Брянской области.

Специально изучал язык населения Стародубского, Мглинского, Суражского и Новозыбковского уездов бывшей Черниговской губернии и западной зоны Трубчевского уезда бывшей Орловской губернии П.А. Расторгуев. Он полагал эту территорию единой по говору и ввел в своей работе специальное название "северобелорусский диалект белорусского языка" вместо используемого ранее Е. Карским обобщенного наименования "юго-восточные белорусские говоры" Позже, завершив работу по изучению говоров этой территории, П.А. Расторгуев отказался от отнесения этих говоров к белорусским или даже к смешанным, переходным от бе-

лорусских к южновеликорусским. Во Введении к Словарю он определенно пишет: "Постепенно говоры современной Западной Брянщины утрачивают черты своей старой основы и в непрерывном изменении приобретают южновеликорусский характер. Исходя из этого, говоры современной Западной Брянщины следует называть южновеликорусскими (развивавшимися в прошлом и развивающимися теперь в настоящем на белорусской основе)" [Расторгуев, 1973, с. 19].

Согласно схеме Нового диалектного членения граница южновеликорусских говоров с белорусскими, проходящая по территории Брянской области, отодвинута по сравнению с прежними членениями западнее, то есть современные административные районы Клетнянский, Почепский, Погарский рассматриваются как южновеликорусские, а не как белорусские (или близкие к белорусским). Авторы Нового диалектного членения К.Ф. Захарова и В.Г. Орлова выделили диалектные зоны. В частности, на территории Брянской области оказались представленными шесть диалектных зон, одна из которых не была отнесена к говорам русского языка (за линией западнее Стародуба), а пять входят в состав южновеликорусского наречия. Если перенести информацию о выделяемых по Новому диалектному членению зонах на условную схему Брянской области, то окажется, что диалектные зоны распределяются по районам Брянской области следующим образом.

1. Часть районов Суражского, Трубчевского, Унечского, Стародубского, Погарского, Почепского, Мглинского расположена в Западной группе южного наречия. Основной массив этой диалектной зоны находится за пределами Брянской области.

2. Рогнединский, Дубровский, Дятьковский, Жуковский, Брянский, Выгоничский, часть Клетнянского, Почепского, Трубчевского, Навлинского и Карачевского районов расположены в зоне Верхнедеснинской группы. Значительная часть этой зоны приходится именно на территорию Брянской области. Очень незначительная часть районов попадает в зону Верхнеднепровскую — часть Рогнединского и Дубровского районов.

3. Районы Суземский, частично Севский, Комаричский, Брасовский, Навлинский, Карачевский находятся в зоне распространения Межзональных говоров типа «А» южного наречия.

4. Наконец, на самом востоке области самые восточные части Брасовского, Карачевского, Комаричского, Севского района захвачены частично говорами Курско-Орловской группы.

Сразу можно сказать, что для установления внешних границ распространения брянских говоров потребуется несомненно в будущем сравнение со всеми теми говорами, которые относятся к тем же группам и располагаются в тех же диалектных зонах, но за пределами территории Брянской области.

Новое диалектное членение уточнило сложившиеся представления, однако и согласно Новому диалектному членению, как видно на рисунке, часть районов Брянской области оставалась за пределами русских говоров, авторы относили их к белорусским. Однако нам представляется, что более всех была права В.И. Чагишева, которая не сочла возможным решать вопрос о западных границах брянских говоров априори. Несмотря на то, что она располагала фонетическими и морфологическими аргументами, оправдывающими привлечение к анализу брянской лексики лексику западных районов Брянщины, она отложила окончательное решение этого вопроса до того времени, когда будет создан Словарь говоров, бытующих на территории Брянщины, то есть до времени, когда можно будет оперировать не только фонетическими и морфологическими данными, но и привлечь достаточное количество лексических данных. Вместе с тем, само наличие в распоряжении исследователя фонетико-морфологических доказательств также оправдывало вынужденную замену лингвистического критерия на географический и исторический.

Теперь, когда вышли I, II и III тома Дилектологического атласа русского языка [ДАРЯ, 1986—1996], можно с уверенностью сказать, что выделение их в особую группу оказалось совершенно правильным. К такому же выводу привело применение новой методики, содержащейся в монографии Н.И. Батожок [Батожок, 1994].

Многолетний, планомерный и целенаправленный сбор материалов в сотнях населенных пунктов Брянской области позволил сейчас говорить о полном, практически тотальном, ее обследовании. Тем самым можно считать, что в известной мере был снят вопрос о плотности опорной сети. В многочисленных курсовых, дипломных, диссертационных работах, диалектологических статьях приводятся сотни построенных по лексическим материалам СБГ

изоглосс. Обширность материалов делает практически неосуществимым совмещение всех изоглосс и обобщение имеющейся информации, ибо попытка выявить и зафиксировать диалектные особенности и различия в сотнях населенных пунктов выглядит совершенно нереальной, а одновременное нанесение сведений о территориальной распространенности всех слов не только практически неосуществимо, но также малоинформативно. Однако было бы неразумным не попытаться все же использовать одновременно всю имеющуюся информацию. Один из способов был предложен Н.И. Батожок.

Информация о территориальных характеристиках, а также о типе диалектного различия (корневое, словообразовательное, фонетическое, семантическое) каждого из слов (выборка составила 1000 единиц) обрабатывалась с помощью ЭВМ. Специализированная программа, формирующаяся на основе информации о территориальной распространенности слов, диалектных массивов, их пересечения, а также осуществляющая перебор, сравнение и группировку лексических данных, вводящая ряд новых приемов и количественную методику оценки степени лексической близости отдельных районов и зон, была специально разработана для решения этой конкретной задачи И.К. Поздняковым.

Имеющаяся в Словаре брянских говоров информация о территориальной распространенности слов позволила установить, какие слова встречаются в том или ином районе, какие слова являются общими в каждой паре районов или в нескольких районах. Анализ достаточно большой группы в 1000 словарных единиц значительно снизил вероятность случайных суждений.

Поэтапное использование числовых характеристик для оценки степени связанности лексических составов районов, предложенная ее методика, основывающаяся на попарном сравнении лексики административных районов друг с другом, введении показателя степени близости и новаторское понятие косвенной оценки связи позволило прийти к детальной картине членения территории Брянской области на отдельные подзоны и получить общую схему внутреннего диалектного членения брянских говоров.

Новая методика также подтвердила предположение В.И. Чагишевой о том, что говоры, бытующие на территории Брянской области, явно противопоставлены другим южнорусским говорам и составляют единство в пределах своего распространения.

Внутреннее диалектное членение, полученное на основе анализа коэффициентов лексической связи, отличается от членений, приводимых в научной литературе ранее, однако полностью продолжает аргументированные рассуждения вдохновителя всех брянских исследований – профессора В.И.Чагишевой.

*Брянские говоры как предмет историко-диалектных и лексикографических исследований**

Приступая к созданию Словаря брянских говоров и определяя его научную перспективу, В.И.Чагишева неоднократно подчеркивала важное значение брянских материалов в решении целого ряда историко-лингвистических проблем.

Сложность исторической судьбы и особенности территориального положения Брянщины обусловили давний и устойчивый интерес исследователей к этому региону. Решение центрального вопроса о месте брянских говоров в системе восточнославянских языков и диалектов определило первоначальное преимущественное внимание к фонетико-грамматическим особенностям как к наиболее выразительным характеристикам лингвистического ландшафта. На протяжении 50-60-х годов, начиная с момента планового изучения языка территории, было выполнено несколько кандидатских исследований в этом направлении. Одновременно начинается целенаправленное изучение словарного состава Брянщины. Сведения о лексике брянских говоров, первоначально немногочисленные и разрозненные, обобщаются, и, расширяя представления исследователей, привлекаются в аспекте синхронии и диахронии к решению различных лингвистических проблем.

Описание брянских говоров современного синхронного среза, некоторые экскурсы в историю языковых явлений, генезис и история отдельных слов сформировали то диахроническое изучение говоров, которое предполагает сопоставление с другими говорами и славянскими языками по широкому кругу проблем. Одним из таких направлений стало историческое изучение словарного состава русского языка в пределах его корнеслова, обращение к этимологическим словарным гнездам, внутрисистемные связи у которых

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда согласно проекту 96-04-06407

устанавливаются в пределах исторического прошлого русского языка.

В период, когда положение о существовании системных связей в лексике языка еще приходилось отстаивать, обращение к анализу его корнеслова оказалось весьма значимым, поскольку оно способствовало установлению закономерностей в процессе формирования лексико-семантической структуры литературного языка и народных говоров, подтверждало системный характер лексики на уровне связей внутри различных лексических групп.

История слов с этимологическим корнем ***доб-***, рассмотренная на широком историко-диалектном материале (520 образований, 18 моделей производства сложных слов на протяжении от древнерусского до современного русского языка), была определена как предмет наблюдения в результате поиска общеславянских корневых образований и описания последствий их утраты в истории русского языка.

Непроизводное существительное доба (‘возраст’, ‘мера, соответствие’), древнее по образованию, общеупотребительное в славянских языках, но не известное современному русскому литературному языку, было зафиксировано во время диалектологических экспедиций на Брянщину.

Последующие наблюдения – география слова, анализ его формального употребления и функционирования – привели к выводу о возможном диалектном характере корневого существительного уже в древнерусском языке, архаичности образования в современных юго-западных говорах русского языка, позволили реконструировать направления в развитии семантической структуры производных гнезда в историко-этимологическом плане. Таким образом, показания брянских говоров оказались не только значимыми с точки зрения диалектологии как источника истории языка и этимологии слов, но почти сто лет спустя, после поразивших Е.Ф.Будде лингвистических “дебрей” Брянщины, еще раз подтвердили научную ценность этих говоров для русской диалектологии и славистики в целом.

Задача систематизации лексики в словаре, предполагающая раскрытие системных связей слов как с точки зрения их внеязыковой соотнесенности, так и с точки зрения учета и иллюстрации разнообразных отношений слова с другими элементами языка, была сформулирована в теме “Диалектное слово в лексикографи-

ческом аспекте" Развернутые толкования энциклопедического характера, принятые как наиболее типичные в Словаре, стали безусловно наиболее информативными при раскрытии предметно-понятийной соотнесенности диалектного слова, отсутствующего в активном лексиконе носителей литературного языка. Вместе с тем, известно, что выбор способа описания семантики слова зависит не только от характера словаря, но и от того лексического материала, который становится предметом описания. Так, идентифицирующие определения, предполагающие раскрытие лексико-системных связей, используются в Словаре брянских говоров прежде всего в характеристике отношений семантического тождества единиц. С пометой ***то же, что...*** квалифицируются группы разных системообразующих типов слов, однокоренных с тождественным значением: нейтральных или стилистически маркированных, воспроизводимых как устойчивое сочетание или единичное номинативное образование.

Представляется важным, что на этом этапе описания языковой семантики, в период углубленного теоретического осмысления соотношений лексикологии и лексикографии, именно в практике составления Словаря брянских говоров было обращено внимание на особый тип языкового значения, с которым слово функционирует в живой народной речи. Толкование ***то же, что...*** получают образования, характерные для женской речи, как особые формы смягченности, мягкости. В отличии от традиционных лексикографических помет типа ***ум.-ласк.***, составители Словаря предлагают функциональную помету "звездочка", которая окажется впоследствии удобной формой интерпретации языкового материала и будет вводиться в научный оборот при уточнении соотношений между основными категориями практической лексикологии и теорией лексикографии.

Широта и частотность отсылочно-идентифицирующих определений в Словаре обратила внимание исследователей и на другие обстоятельства лингвистического и психологического характера, важные как при разработке словарных статей, так и при читательском восприятии. Если в среднем отсылки подобного типа составляют 11–13% описываемого материала, то справочная функция словаря, облегчающая поиск информации и наведение точных справок о слове, предполагает уточнение характеристики тождества смысла, принятой в региональной лексикологии.

Во-первых, поскольку семантическая характеристика слов сочетается с задачей отображения формо- и словообразовательных отношений в кругу производных, преимущественное внимание должно быть сосредоточено на вопросе о границах слова: форме слова в аспекте слово/вариант и его содержании в плане разграничения его структуры. Очевидно, что словообразовательные отсылочные определения не предполагают точного отображения словообразовательных отношений в лексике диалекта. Словообразовательные отношения должны показываться в словаре, если они отражают семантические особенности соотнесенных слов. Особенно важным является учет последних при описании связей между близкими по форме однозначными и многозначными словами, поскольку виды связей между их разными значениями не всегда совпадают. Разработка деталей всей семантической структуры слова — значение / оттенок значения / переносные значения / коннотация / диффузность и т.д. — приобретает первостепенную важность при интерпретации диалектного материала.

Во-вторых, при составлении диалектного словаря и при употреблении семантических отсылочных определений подтвердился и факт необходимости учета специфики языкового сознания носителей литературного языка и диалекта (как противопоставление литературного языка диалектному). Различие позиций информатора (носителя диалектной речи) и получателя (носителя литературной речи) с точки зрения учения психолингвистики о двусторонности речевого акта может затруднить пользование словарем, если формальная и смысловая упорядоченность слов ориентирована лишь на одну из позиций.

Таким образом, описание лексики брянских говоров подтверждало очевидное: направления теоретических исследований слова лексикологами и приемы обработки лексического материала на современном этапе развития лингвистической науки должны учитывать специфику диалектного материала и выводы в области региональной лексикографии.

Опубликованные материалы и записи, содержащиеся в картотеке Словаря, позволили в научно-методическом плане успешно решать проблему "Диалектное слово и аспекты его изучения" Оказалось, что брянские материалы свидетельствуют о широких информативных возможностях диалекта, дополняющих представления ученых о реальном составе лексики современных русских

народных говоров и важных в кругу историко-лексикологических разысканий.

Являясь важным источником среди словарей исторического цикла, Словарь брянских говоров вводил в научный оборот новую информацию, характеризующую состав, семантику и территориальное распространение современной диалектной лексики. Уже по первым выпускам Словаря она составила 88% его словника в дополнение к такому фундаментальному труду, как Словарь русских народных говоров, где представленность брянских материалов оказывается весьма незначительной (не более 2% в произвольно выбранном отрезке на Г-начальное). Как показали наблюдения исследователей, сопоставлявших словники Словаря брянских говоров и Словаря русских народных говоров в пределах данного отрезка, 42% собственно диалектных слов впервые зафиксированы на территории Брянской области и описаны в брянском словаре. 23% составили диалектные слова с такой семантикой, которая не была отмечена ранее составителями Словаря русских народных говоров. И, наконец, 23% образований – это "совпадающие" слова, то есть слова со сходной семантикой, но ареально не отмеченные ранее как "южные"

Материалы Словаря брянских говоров позволили уточнить не только территориальную, но и хронологическую характеристику соответствующей диалектной лексики. Среди них обращают на себя внимание слова, известные, по данным Словаря русских народных говоров, лишь в записях прошлого века, слова, имеющие длительную письменную историю и, особенно, слова, которые будучи отмеченными в памятниках письменности, нигде более, кроме Словаря брянских говоров, не зафиксированные.

Ретроспективное изучение современной брянской лексики, широкое вовлечение брянских материалов в круг историко-лексикологических разысканий оказалось во многом предопределено исследованиями В.А. Козырева, открывшего новые направления в комментировании древнерусских памятников, в частности "Слова о полку Игореве" Вместе с тем, малая представленность брянских материалов в диалектологии до сих пор имеет своим следствием их незначительное использование в этимологии вообще и в этимологической лексикографии в частности, на что обратила внимание в процессе реконструкции праславянского фонда Н.И. Батожок.

Таким образом, решая свои особые задачи, Словарь брянских говоров является важным дополнительным источником в лексикографическом комплексе исторического цикла, дополняя научные сведения о русском языке в его прошлом и современном состоянии. Что касается материалов уникальной картотеки, то описание ее богатейшей собственно диалектной лексической базы, созданной многолетним трудом студентов, аспирантов, преподавателей, любителей живого русского слова, есть, повторяя слова академика В.В. Виноградова, насущный вопрос сравнительной лексикологии, этимологии, истории языка и этнолингвогеографии.

ВАРИАНТНОСТЬ ДИАЛЕКТНОГО СЛОВА*

Обращение к слову как к двусторонней единице, организующей лексику в систему отношений как по форме, так и по содержанию, закономерно выдвигает в качестве основной проблему тождества слова, которая по существу является центральной проблемой лексикологии. В самом общем виде проблема тождества слова, с которой связано решение целого комплекса теоретических и практических вопросов, может быть сформулирована как проблема его границ, что прежде всего связано с определением статуса слова и его варианта.

Варьирование представляет собой одну из наиболее ярких и специфических лексико-системных характеристик диалектного слова, непосредственно связанную с такими особенностями диалекта, как устная форма его существования, специфика языковой нормы (стихийность, недостаточная осознанность, отсутствие кодификации), воздействие со стороны литературного языка, влияние инодиалектного или иноязычного окружения и некоторые другие. Все это обусловливает особый подход к проблеме вариантности в диалекте, не идентичный тому, который установился применительно к литературному языку, где варьирование прежде всего рассматривается в русле нормализаторской деятельности. При несомненном совпадении многих аспектов изучения вариантности в литературном языке и в народных говорах диалектный материал требует иных акцентов в разработке указанной проблематики, а также постановки целого ряда дополнительных вопросов.

Основной вопрос, который встает при изучении вариантности, — это определение самого понятия "вариант слова" Среди разных подходов к решению этого вопроса наиболее продуктивным представляется тот, при котором последовательно учитывается двусторонний характер слова как языковой единицы. Идентификация

 Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда согласно проекту 96-04-06407.

вариантов предполагает тождество содержания и морфолого-словообразовательной структуры слова. Традиционно выделяются акцентные, фонетические, фонематические, морфологические варианты слов. Особых замечаний требует разграничение фонетического и фонематического варьирования. Модификации звуковой оболочки слов в русских народных говорах многочисленны и разнообразны. Видоизменения фонетического облика слова при тождестве морфолого-словообразовательной структуры, лексического и грамматического значений обычно называют фонетическими вариантами. При таком представлении о фонетическом варьировании под одно понятие "фонетические варианты" могут быть подведены разнохарактерные случаи, вызванные живыми фонетическими закономерностями диалекта и представляющие собой пережиточные, остаточные явления (причем относящиеся к разным периодам исторического прошлого), обусловленные внешними причинами, и спонтанные, регулярные и спорадические. Ср., например, следующие варианты, отмеченные в брянских говорах: *алтарь – олтарь, адрес – адрест, балаган – балган* 'шалаш, шатер', *валерьянка – аверьянка, василек – висилек, вежечка – вешечка* 'охотничий шалаш' и др. Совершенно очевидна неоднородность приведенных примеров. Варианты типа *балган* и *висилек* появляются вследствие позиционных изменений безударных гласных (полная редукция гласного в первом предударном слоге, и ассимиляция как проявление тенденции к гармонии гласных). Вариант *адрест* – результат "гипернормализованного" произношения. Вариант *вешечка* – следствие аналогии (ср. *ве/ш/ка*). Варианты *аверьянка* и *олтарь* генетически иного характера, о чем свидетельствуют этимологические разыскания: *аверьянка* представляет собой параллельное образование под влиянием имени собственного *Аверьян, алтарь – олтарь* известны еще древнерусскому языку – *алътарь* наряду с *олътарь*. Как видно, среди вариантов, которые могут быть подведены под указанное выше определение фонетических вариантов, достаточно явно просматриваются два круга явлений: с одной стороны, это звуковые модификации, свойственные живой системе диалекта, имеющие позиционно-комбинаторную обусловленность (собственно фонетические варианты), с другой стороны, это видоизменения слов, никак не связанные с проявлением живых фонетических тенденций диалекта, представляющие собой реликтовые явления (фонематические варианты). Колебание

в произношении твердого и мягкого *р* в словах *первый, четверг, четвертый, серп, сердце, зеркало, церковь*, некогда позиционно обусловленное (исторически здесь было сочетание редуцированного переднего ряда с сонорным согласным: древнерусские слова *пьрвь, четвьргь, четвьртъ, сьрпь, сьрдьце, зьрцало, цьркы,* род. падеж *-ъве*), в настоящее время представлено по существу в "закрытом" списке слов. Так же лексически ограниченными являются случаи с чередованием *Л / В / W*, отмечаемые в западной группе южного наречия, в том числе в брянских говорах: *волна – вовна* 'овечья шерсть', 'пряжа и сукно из овечьей шерсти', *волнобитка – вовнобитка* 'станок для чесания шерсти', *волнодерка – вовнодерка* "то же", *волночес – вовночес* 'то же', 'кто занимается валянием шерсти и изготовлением изделий из нее', *волнянка – вовнянка* "волнушка", *долбня – довбня* 'большой деревянный молот', *долгий – довгий, долго – довго, должей – довжей* (сравн. степ.), *должак – довжак* 'продольные рейки или жерди на крыше дома', произношение с *В /W/* наиболее последовательно представлено на месте древнерусского сочетания *-ъл-* между согласными (*дългь, тълсть* и под.). Вместе с тем в некоторых однокоренных словах отмечено произношение *Л* или *В /W/* вне чередований, например, брянские: *волнобойница* 'станок для чесания шерсти', *волнодерка* 'то же', *волнодуйка* 'то же', *волноческа* 'то же', *волнотеп* 'кто занимается валяньем шерсти и изготовлением изделий из нее'; *довгаль* 'человек высокого роста', 'лен-долгунец' Эти и многие другие примеры указывают на лексикализацию былых фонетических закономерностей.

Итак, основное различие между фонетическими и фонематическими вариантами заключается в том, что одни являются позиционно-комбинаторно обусловленными, другие не зависят от позиционных условий и представляют собой лексикализованные явления.

Акцентные варианты

Акцентные варианты в брянских говорах составляют два четко очерченных типа: 1) варианты, различающиеся местом ударения, 2) варианты, различающиеся местом ударения и фонемным составом. Кроме того, возможны ряды, 3) включающие варианты обоих типов, а также 4) сочетающие изменения ударения с фонетическим, фонематическим и морфологическим варьированием.

1. Варианты, различающиеся местом ударения, обычно различаются и произношением звуков, оказавшихся в слабой позиции при изменении места ударения (напр.: *д/а/ска' – д/о'/ска*). Как правило, акцентное варьирование представлено парами слов. Ряды, включающие три акцентных варианта, единичны. Например: *жа'воронок – жаворо'нок – жавороно'к, за'видно – зави'дно – завидно'* 'до света', *за'нятая – заня'тая – занята'я* 'беременная', *му'рава – мура'ва – мурава', насу'против – насупро'тив – насупроти'в* 'напротив' Среди вариантных пар, различающихся местом ударения, наибольшую группу составляют имена существительные. Например: *бура'вец – бураве'ц* 'инструмент для сверления чего-л.', *быстри'на – быстрина'* 'быстрое течение, стремнина', *ве'рхница – верхни'ца* 'верхняя корка каравая хлеба' *Во'лна – волна', вя'земце – вязе'мце* 'перевясло', *гра'довка – градо'вка* 'радуга', *гро'ши – гроши'* 'деньги', *го'льник – гольни'к* 'веник – голик' и мн. др. Достаточно широко этот тип варьирования представлен глаголами. Например: *ба'ловаться – балова'ться, вече'рять – вечеря'ть* 'ужинать', *воло'чить – волочи'ть* 'рыхлить землю после посева зерновых, закрывая семена', *воро'жить – ворожи'ть* 'предсказывать будущее, гадать', *вто'ркнуть – вторкну'ть* 'воткнуть', *гво'здить – гвозди'ть* 'вбивать гвозди, клинья', 'производить частые, сильные удары по одному и тому же месту', 'ругать, бранить', *гро'зить – грози'ть* 'угрожать, сулить недоброе', *голо'сить – голоси'ть* 'громко плакать', 'оплакивать кого-н.', 'громко кричать' и мн. др. Значительно реже акцентное варьирование этого типа наблюдается у имен прилагательных и наречий. Например: *ва'ристая – вари'стая* (печь) 'русская (печь)', *ве'домый – ведо'мый* 'известный, знакомый', 'знающий, сведущий', *вя'заный – вяза'ный, гли'няный – глиня'ный, ва'лом – вало'м* 'в большом количестве, массой', *вво'лю – вволю', гре'шно – грешно'* 'предосудительно', 'стыдно', *го'лодно – голо'дно* и др.

2. Варианты, различающиеся местом ударения и фонемным составом (при этом может наблюдаться изменение произношения гласных, оказавшихся в слабой позиции), весьма многочисленны. Наиболее широко они представлены а) именами прилагательными с флексиями *-ый* (после шипящих *-ий*) / *-ой* в им. падеже ед. числа, б) словами с меной гласных *е/о,* сопровождающей перенос ударения. Например:

а) *грибо'вый – грибово'й* 'грибной', *гру'зный – грузно'й* 'тяжелый', 'толстый', *дохо'дный – доходно'й* 'худой, тощий', *дю'жий – дюжо'й* 'сильный, крепкий', *жестя'ный – жестяно'й, заста'вный – заставно'й* 'заказной' и мн. др.;

б) *вчера'ся – вчёрася* 'вчера', *гре'чневый – гречнёвый, далеко' – далёко, ку'пленный – куплёный* 'покупной', *легко' – лёгко* и мн. др.

3. Нередко наблюдается сочетание обоих типов акцентного варьирования. Например: *дря'нный – дрянны'й – дрянно'й, ду'рный – дурны'й – дурно'й, ма'лый – малы'й – мало'й* и др.

4. Следует отметить, что изменение ударения довольно часто сопровождает другие виды варьирования: а) фонетическое, б) фонематическое, в) морфологическое, – увеличивая тем самым вариантный ряд. Например:

а) *да'вно – давно' – дамно', за'толока – затоло'ка – за'толка* 'приправа для супа', *о'бруч – обру'ч – во'бруч* и мн. др.;

б) *дыра' – ды'ра – дира', ку'пала – купа'ла – купе'ла – купи'ла* 'купель', *обо'лок – оболо'к – оба'лок* 'горбыль' и мн. др.;

в) *воро'та – ворота' – воро'ты, за'кут – заку'т – заку'та – за'куть* 'сарай для скота', *накова'льня – на'ковальня – накова'льна* и мн. др.

Фонетические варианты

Из числа лексикологически значимых фонетических вариантов необходимо назвать наиболее типичные (их перечень, разумеется, далеко не полный), в разной мере, но так или иначе обусловленные теми закономерностями, которые присущи фонетической системе диалекта и проявляются с большей или меньшей регулярностью 1) в области гласных, 2) в области согласных; 3) особое место занимают некоторые явления начала слова.

1. К числу вариантов, обусловленных характерными для брянских говоров закономерностями в области гласных, можно отнести следующие.

1.1. Варианты с соотношением о-у, а-у, реализуемом в безударных слогах (при аканье, когда *о* и *а* в безударном положении

совпадают в *а*, мену *о-у, а-у* можно считать одним типом соотношения), представляют собой наиболее многочисленную группу. Указанное соотношение является позиционно обусловленным и связано с лабиализацией гласных *а, о* в безударном положении. Прежде всего, оно реализуется в 1-м предударном слоге, что характерно для юго-западной диалектной зоны. Например: *бородовый – бурдовый, воланчик – вуланчик, заковать – закувать, засорить – засурить, король – куроль, лопаточка – лупаточка, мозоль – музоль, сновать – снувать* и мн. др.; *браслет – бруслет, замашка – зумашка* ‘мужская особь конопли’, *мамалыга – мамулыга, мутазок – мутузок, обмараться – обмураться, пополам – популам* и др. Кроме того, мена *о-у, а-у* представлена во 2-м предударном слоге, что является одной из типичных диалектных особенностей западной группы южного наречия. Например: *колупать – кулупать, колыбель – кулыбель, провалиться – прувалиться* и др.; *бахмора – букмора, басурман – бусурман, намалевать – намулевать* ‘написать’ и др. Встречаются случаи с лабиализацией гласных одновременно в 1-м и 2-м предударных слогах. Например: *барахтаться – бурухтаться, бородавка – бурудавка, заторговать – затургувать* ‘сторговаться’ и др. Наличие/отсутствие лабиализации гласных в 1-м / 2-м предударных слогах увеличивает вариантный ряд. Например: *бахмора – бахмура – бухмора – бухмура*. И, наконец, имеются единичные случаи лабилизации а в 3-м предударном слоге. Например: *засмолинеть – зусмолинеть* ‘засохнуть’ Вариантность, обусловленная лабиализацией о в заударном положении, представлена менее широко. Например: *ветох – ветух* ‘луна в последней фазе на ущербе’, *ветошник – ветушник* ‘то же’, *ветошь – ветушь, грохот – грохут, желоб – желуб* и некоторые др.

1.2. Варианты с соотношением *у-а* связаны с тем, что гласный *у*, обычно сохраняющий в безударном положении свои различительные признаки, в некоторых случаях (как правило, во 2-м предударном слоге), ослабляясь, теряет лабиализацию и приближается по звучанию к редуцированному *ъ*, в результате продления и прояснения которого появляется *а*. Например: *бузовать – базовать* ‘бить, ударять’, ‘плясать, танцевать’, ‘кидать, швырять’, ‘дрожать, трястись’, ‘много и напряженно трудиться’, *гундосить – гандосить, другунок – драгунок* ‘жеребенок по второму году’, *мухомор – махомор* и др.

1.3. Варианты с соотношением *у-и* во 2-м предударном слоге по причинам, их вызывающим, примыкают к тем, которые обусловливают мену *у-а* во 2-м предударном слоге. Ослабление и потеря лабиализации у во 2-м предударном слоге приближает его по звучанию к редуцированному ъ, качество которого, как известно, колеблется в диапазона от гласного нижнего подъема *а* до гласного верхнего образования *ы*. Например: *бутоваться — бытоваться* 'много и напряженно трудиться' и др.

1.4. Варианты с соотношением *ы-у*, прежде всего, связаны с возможной по говорам лабиализацией гласного *ы* в 1-м предударном слоге. Например: *безыменный — безуменный, брылек — брулек* 'поля мужской шляпы', *бывало — бувало, бывать — бувать* и др. Кроме того, мена *и-у* возникает в результате прогрессивной у-ассимиляции гласных как проявление более общей тенденции к гармонии гласных, характерной для ряда говоров. Например: *музыкант — музукант, пузырек — пузурек, умываться — умуваться* и др.

1.5. Варианты с соотношением е-у обусловлены у-ассимиляцией гласных, как регрессивной, так и прогрессивной. Например: *метуситься — мутуситься* 'суетиться', *бушевной — бушувной* 'неуравновешенный, сумасбродный, с причудами' и др.

1.6. Варианты с соотношением *и-у* так же, как и предыдущие, связаны с у-ассимиляцией гласных (в данном случае — регрессивной). Например: *мишура — мушура* и др.

1.7. Варианты с соотношением *а-и* обусловлены изменением безударных гласных в результате ассимилирующего воздействия гласных последующих слогов (регрессивная и-ассимиляция). Например: *василек — висилек, гармонист — гирмонист* и др.

1.8. Варианты с соотношением *ао-а, оо-о* в предударных слогах связаны с ассимиляцией гласных и их стяжением в результате тенденции к устранению сочетания гласных, нетипичного для исконно русских слов. Например: *заострить — застрить, воображать — вображать, пообедать — победать* и др.

1.9. Варианты с соотношением *и-а* в заударном слоге обусловлены возможным по говорам ослаблением безударного *и* до ъ, который в заударном конечном слоге может продлеваться, проясняясь в а. Например: *лодырь — лодарь* и др.

1.10. Варианты с соотношением *о* и *е* — ноль звука обусловлены тем, что гласные в сочетании с плавными согласными могут подвергаться полной редукции: а) во 2-м предударном слоге, б) в

1-м предударном слоге, в) в заударном положении. Например: а) *веретено – вертено, волоковое окно – волковое окно* 'небольшое (обычно задвигаемое доской) отверстие в стене у русской печи, которое предназначалось для выхода дыма из помещения, отапливаемого по-курному', *волоковушка – волковушка* 'приспособление для перетаскивания малых укладок сена к стогу, состоящее из двух длинных жердей, присоединенных к повозке и волочащихся по земле'; б) *деревянный – дервянный, каравай – карвай, каравайцы – карвайцы* 'тонкие блины'; в) *наволочка – навлочка, наволочка – наволка* и др.

1.11. Варианты с соотношением ноль звука – *а(о)* или *е* в консонантных сочетаниях обусловлены общерусской тенденцией к вокалической разрядке групп согласных. Гласные вставки зарегистрированы в литературном произношении (в определенных консонантных сочетаниях), известны просторечию, но в более явном виде и в большем разнообразии представлены в диалектах. Например, в брянских говорах вставные гласные зафиксированы: а) в конечных, б) в начальных группах согласных: *асфальт – асфалит, вихрь – вихорь, дерн – дерен, журавль – журавель, калибр – калибер, министр – министер*; б) *драчена – дарочена, кровать – каровать, льдина – ледина, нравиться – наравиться, плохой – палохой, пшено – пашено* и многие др.

2. Достаточно широк круг вариантов, обусловленных характерными для брянских говоров закономерностями в области согласных.

2.1. Варианты с соотношением *бм-мм* вызваны ассимилирующим воздействием носового *м* на предшествующий взрывной *б*. Мена *бм-мм* наблюдается на стыке приставки *об-* и корней, начинающихся согласным м. Например: *обмазать – оммазать, обматывать – омматывать, обман – омман, обманщик – омманщик, обмывать – оммывать, обмыть – оммыть* и некоторые др. Вместе с тем во многих случаях указанная диалектная черта не проявляется и вариантности не возникает. Например: *обмарать, обмаривать* 'одурманивать', *обмасливать* 'обмазывать (хату) глиной', *обмахнуться* 'ошибиться', *обмачивать, обмачка* 'масло или творог с молоком, куда макают блины', *обмереть, обмерить, обмертветь, обминки* 'праздник, который устраивался поздней осенью после того, как заканчивали мять лен', *обмирать, обмишениться*

'ошибиться', *обмозговать, обмолот, обмориться, обморозить, обмотать, обмотки, обмочить, обмягнуть* 'утомиться', *обмякнуть* 'сгнить' и др.

2.2. Варианты с соотношением *дн-нн* обязаны полной ассимиляции взрывного *д* последующему носовому *н*. Такое произношение (в отличие от *бм-мм*) наблюдается на стыке корня и суффикса, при этом возможна мягкость согласных. Например: *жодный – жонный* 'каждый', *медный – менный, холодный – холонный, куросадня – куросання* 'насест', *родня – роння* и др.

2.3. Варианты с соотношением *вн-мн* обусловлены регрессивной ассимиляцией. Произношение *мн* на месте *вн* редко бывает вполне последовательным и охватывает весь круг соответствующих слов; впрочем, круг этих слов невелик: *да/м/но, ра/м/но, дере/м/ня, ро/м/ный, дро/м/ни*, а также в начале слова – */м/нук*. В брянских говорах указанная диалектная черта приводит к вариантности соответствующих лексем. Например: *внучка – мнучка, давно – дамно, равно – рамно, давношный – дамношный, родный – ромный*.

2.4. Варианты с соотношением: мягкие переднеязычные согласные в сочетании с *j* – двойные мягкие переднеязычные согласные, – обусловлены характерной для брянских говоров ассимиляцией предшествующему мягкому переднеязычному согласному а) преимущественно на стыке основы или корня с окончанием, б) реже – в корнях слов. Например: а) *бе/л'л'/о, пла/т'т'/е, полово/д'д'/е, воло/с'с'/а, дру/з'з'/а, ржи/ч'ч'/е* 'поле скошенной ржи'; б) */д'д'/ак* 'дьяк' */д'д'/авол* и др. Указанное произношение, типичное для Брянской территории, постепенно вытесняется под воздействием литературного языка. Влияние литературного языка на диалект в данном случае выражается в вариантности типа: а) *пенье пенне, зелье – зелле, кутья – куття, судья – суддя, лозье – лоззе*; б) *дьякон – ддякон, льняной – лляной* и др.

2.5. Варианты с соотношением *к-х* обусловлены диалектной чертой, реализуемой в положении перед смычно-взрывными согласными и вызванной контактной диссимиляцией двух смычных согласных *к* и *г*, из которых первый изменяется в фрикативный. Например: *жлукт, жлукта – жлухт, жлухта* 'бочка для вываривания белья', *жлуктить – жлухтить* 'вываривать (белье)', *кто – хто* и др. Устойчивость указанной диалектной особенности, ее позиционная обусловленность подтверждаются фактами варьирования новых

для диалекта слов. Например: *доктор – дохтор* (ср. также производные: *докторица – дохторица, докторина – дохторина* 'женщина-врач', *доктарство – дохтарство* 'собирательно: врачи'), *продукт – продухт,* и др.

2.6. Варианты с соотношением *бв-в* обусловлены тенденцией к упрощению групп согласных. Например: *обваривать – обаривать, обварить – обарить, обвязка – обязка* и некоторые другие. При этом следует обратить внимание на то, что в сочетаниях *бг, бн, бд* упрощение не происходит, а потому вариантность не наблюдается. Например: *обгинка, обгинать, обгинаться, обглодать, обглодок, обгороденка, обгородка, обгородь; обналичить* 'одеть на окно с наружной стороны наличник', *обналичивать, обналичка; обдуванчик* и др.

2.7. Варианты с соотношением *сть-сь, ст-с* связаны с действием общерусской тенденции к упрощению групп согласных на конце слов за счет утраты взрывного элемента (*ть* или *т*). Например: *гадость – гадось, горсть – горсь, зарость – зарось, известь – извесь, местность – местнось, пропасть – пропась, святость – святось, зарост – зарос, мост – мос* 'пол', *хвост – хвос* и нек. др. В заимствованных из литературного языка словах возможно варьирование типа *адрес – адрест* в результате гипернормализации.

2.8. Варианты с соотношением *зд-з* типа *грузд – груз* 'груздь' по причинам, их вызывающим, примыкают к предыдущему типу, поскольку при оглушении звонких в позиции конца слова *зд-з* представлено как *ст-с*: *гру/ст/ – гру/с/*.

2.9. Варианты с соотношением: отсутствие согласного – *в* в интервокальном положении, – обусловлены действием общерусской тенденции к устранению сочетаний гласных. Например: *заочно – завочно, караулка – каравулка* 'лесная сторожка', *караулить – каравулить, лупоокий – луповокий* 'имеющий крупные глаза', *малоумный – маловумный, науродаться – навуродаться* 'накричаться', *наука – навука, наутро – навутро* и др. На продуктивность этого процесса указывает вариантность новых, заимствованных из литературного языка слов. Например: *идиот – идивот, милиционер – милицивонер* и некоторые др.

2.10. Варианты с соотношением *ц-с* связаны с тем, что спорадически на территории Брянщины встречаются утраты затвора аффрикатой *ц*. Например: *зацепиться – засепиться, курица – куриса, месяц – месяс, огурец – огурес, отец – отес.*

3. Ряд вариантов обусловлен типичными для брянских говоров явлениями начала слова.

3.1. Варианты, вызванные развитием протетического *в* перед начальными гласными *о* и *у* (как ударяемыми, так и безударными), представлены в брянских говорах практически не ограниченным кругом слов. Материалы экспедиции на Брянщину в 1951 году характеризуют употребление протетического *в* перед начальными *о* и *у* как норму обследованных говоров. В настоящее время почти во всех случаях наблюдается вариантность. Например: *окно — вокно, окорок — вокорок, осень — восень, угол — вугол, улица — вулица, умный — вумный, ухо — вухо* и мн. др.

3.2. Столь же многочисленны варианты с соотношением: безударные *о* или *а* (при аканье совпадающие в *а*) — их отсутствие в начале слова, — обусловленные особенностями произношения начальных гласных в 1-м и во 2-м предударных слогах, характерными для Верхне-Деснинской группы южного наречия. В брянских говорах указанное соотношение представлено многочисленными примерами и реализуется а) в 1-м, б) во 2-м, в) в 3-м (редко) предударных слогах. Например: а) *обед — бед, обижен — бижен, обора — бора, обряживать — бряживать, обутый — бутый, овечий — вечий, овечка — вечка, овин — вин, овраг — враг, оглобли — глобли, ограда — града, одежа — дежа, одеть — деть*; б) *обернуться — бернуться, обеспечить — беспечить, обессилеть — бессилеть, обижать — бижать, обливать — бливать, обложной — бложной, обломать — бломать, обручальный — бручальный, одеяло — деяло, одинаковый — динаковый*; в) *облюбовать — блюбовать, образование — бразование* и др. Указанная диалектная черта, являясь живой фонетической особенностью брянских говоров, широко представлена в новых, заимствованных из литературного языка словах. Например: *авария — вария, атаман — таман, акация — кация, аккуратный — куратный, аренда — ренда, арендатель — рендатель, обезьянин — безьянин, оккупировать — купировать* и многие др.

3.3. Варианты с соотношением: безударные *о* и *а* (совпадающие в *а* в силу акающего произношения) — *и* в начале слова, — являются позиционно обусловленными и реализуются а) в 1-м (как правило), б) во 2-м (реже) предударных слогах. Например: а) *амбар — имбар, армяк — ирмяк, овес — ивес, одна — идна, ольха — ильха, она — ина, опять — ипять, острить — истрить, отказываться — итказываться, отправиться — итправиться*; б) *огурец —*

игурец, огород – игород и др. Произношение *и* в этой позиции отмечается главным образом в говорах с диссимилятивным аканьем и является характерной чертой Верхне-Деснинской группы южного наречия. В настоящее время на Брянщине в тех случаях, где отмечается указанная особенность, имеет место вариантность (что связано по всей вероятности, с воздействием литературного языка). При этом более частым оказывается диалектный вариант, что свидетельствует об устойчивости указанного диалектного различия. Ср. также варьирование в заимствованных словах, например: *аппетит – ипетит, арендовать – ирендовать* и др.

3.4. Варианты с соотношением: ноль звука – *и* в начале слова обусловлены развитием гласного призвука перед сонорным в сочетаниях "сонорный + взрывной" как результат повышенной длительности плавного. Например: *рваный – ирваный, рвань – ирвань, рвать – ирвать, рвачка – ирвачка*, 'отмель', *рвота – ирвота, ржавленый – иржавленый, ржаной – иржаной, ржать – иржать, ржевень – иржевень* 'поле, с которого убрана рожь', *ржевник – иржевник* 'то же', *ржичье – иржичье* 'то же', *льгота – ильгота, льдина – ильдина, льнище – ильнище* 'поле, с которого убран лен', *льняной – ильняной* и др. Эта черта известная средневеликорусским и главным образом южновеликорусским говорам. Кроме того, развитие начального *и* наблюдается и перед другими согласными. Например: *мгла – имгла* 'мелкий дождь', *мжа – имжа* 'то же', *мшить – имшить* 'прокладывать мох между бревнами', *где – игде, груша – игруша, сделать – исделать, слезть – ислезть, снаружки – иснаружки* 'снаружи', *сруб – исруб* и др.

3.5. Варианты, обусловленные утратой безударного *и* в начале слова, представлены в брянских говорах многочисленными примерами: *играть – грать, именины – менины, имущество – мущество, искать – скать, испанка – спанка, исподний – сподний, испортить – спортить, испуг – спуг, испытать – спытать, июнь – юнь, июль – юль* и мн. др. Об устойчивости этой диалектной черты в брянских говорах свидетельствуют примеры без начального безударного *и*, к которым вариантные пары с *и* не обнаружены. Например: *звестка, звещенье, зделие, менный* 'имеющий имя', *знанка, знурить, зымать, зюм* и многие др.

Фонематические варианты

Фонематические варианты в брянских говорах могут быть вызваны различием 1) в гласных, 2) в согласных фонемах или 3) одновременно в гласных и согласных фонемах.

1. Вариантность, вызванная фонетически не обусловленной меной гласных фонем (под ударением), представлена несколькими (неодинаковыми по своему характеру и количественному составу) группами слов с различием в следующих гласных фонемах:

а) *е-и*, например: *верша-вирша* 'конусообразная верхняя часть стога', *дежник-дижник* 'кусок холста, которым покрывают кадушку с тестом', *дескать – дискать, зачем – зачим, метрика – митрика* и др.;

б) *и-е*, например: *бритый – бретый, кадриль – кадрель, мундир – мундер, мизинец – мезинец, мизирка – мизерка* 'просека в лесу', *линь – лень* и др.;

в) *а(я)-е*, например: *бечайка – бечейка* 'обруч, решета, сита, бубна и др.', *вянуть – венуть, вязеный – везеный* 'изготовленный вязанием, плетением', *вянуть – венуть, дрянь – дрень, грабли – гребли, завязка – завезка, запрячь – запречь, наглядный – негледный* 'красивый' и др.;

г) *у-о*, например: *багун – багон, жлук – жлок* 'бочка без дна для вываривания белья' и др.;

д) *у-ы*, например: *глубь – глыбь* и производные и др.;

е) *о-у*, например: *жмот – жмут* 'скупой человек' и др.;

ж) *о-а*, например: *дуброва – дубрава* и др.;

з) *о-ы*, например: *накрошить – накрышить* и др.;

и) *а-ы*, например: *лохматка – лохмытка* 'старая изношенная одежда' и др.;

к) *и-у(ю)*, например: *кулич – кулюч* и др.;

л) *е-о* после мягких согласных перед твердыми и некоторые др.

Среди вариантов, вызванных меной гласных фонем, особое место занимают варианты с соотношением гласных фонем *е-о* в корнях слов под ударением после мягких согласных перед твердыми, что обусловлено неоднозначными, отчасти противоречивыми результатами, к которым привел в русском языке сложный и длительный процесс перехода *е* в *о*. В целом переход *е* в *о* на территории Брянщины произошел в соответствии с литературным языком за исключением личных глагольных форм настоящего и

будущего времени. Вместе с тем в ряде случаев наблюдается тенденция к более последовательной реализации этого перехода, что выражается в произношении *о* вместо *е* (наряду с *е*) в заимствованных словах (например: *акушерка – акушорка*), а также в русских словах с исконным "ѣ" (например: *местушко – мёстушко, невпоед – невпоёд* 'вволю'). С другой стороны, имеются факты, свидетельствующие об устойчивости *е* (прежде всего – перед шипящими), что приводит (в случае параллельного произношения с *о*) к вариантности типа: *лежень – лёжень* 'лентяй', *лепешка – лепёшка, теща – тёща* и др. Отсутствие изменения ударенного *е* в *о* перед шипящими отмечается в Западной и Верхне-Деснинской группах южного наречия. Наряду с этим произношение *е* (параллельно с *о*) наблюдается и перед другими твердыми согласными: *гололед – гололёд, мертвый – мёртвый, мерзнуть – мёрзнуть* и др. Примечательно, что относительно последнего (*мёрзнуть*) А.Г.Преображенский указывал: "диал. севск. *мерзть, мерзну* (никогда *ё*)" [Преображенский, 1910, с. 528]. Такое произношение как единственно возможное отмечала и В.И.Чагишева, ориентируясь на данные экспедиционного обследования брянских говоров в 1951–1953 годах. В настоящее время в результате воздействия на диалект литературного языка в указанном случае наблюдается вариантное произношение.

2. Вариантность, вызванная фонетически не обусловленной меной согласных фонем, также представлена в брянских говорах несколькими группами:

а) варианты с соотношением звонких – глухих согласных (*б-п, п-б, г-к, д-т, т-д, з-с, с-з, ж-ш*), например: *батожок – патожок, гардероб – гардероп, зашкорупнуть – зашкорубнуть, драпать – драбать* 'царапать', *дупло – дубло, наплоить – наблоить* 'завить (волосы)', *пахта – бахта, пахтылка – бахтылка, перчатка – берчатка, пиджак – биджак, пломбочка – бломбочка, позументы – бозументы, пряжка – бряжка; волговатый – волковатый* 'влажный', *звяготка – звякотка* 'погремушка', *макитра – макидра, мотыга – мотыка; бригада – бригата, взбудоражить – взбуторажить* 'привести в беспорядок', *ехидный – ехитный, ландыш – лантыш, лампадик – лампатик* 'лампада'; *батист – бадист, батистовый – бадистовый, бидон – битон, бортевой – бордевой, картошный – кардошный* 'картофельный'; *брызнуть – брыснуть, газ – гас, ди-*

визия – дивисия, зверобой – сверобой; бусорь – бузорь 'глупость, склонность к нелепым, неоправданным поступкам; придурь, причуда', *бусы – бузы, болсанка – болзанка* 'посуда из жести для хранения в домашних условиях керосина или какой-л. другой жидкости', *бусый – бузый* 'серый, дымчатый', *рисунок – ризунок; гейжа – гейша* 'женская верхняя одежда в виде теплого длинного жакета свободного покроя из сукна с маленьким воротником', *лохок – лошок* 'неровное место'; к соотношению *г-к* примыкает также мена *зг-ск*, например: *брызнуть – брыснуть, брязгать – бряскать* 'производить шум, греметь, звенеть', 'болтать, пустословить', *брязготка – бряскотка* 'погремушка в виде колокольчика, бубенца или металлических пластин, позванивающая при встряхивании', 'полный плод с сухими семенами', 'участница хорового пения, допускающая в исполнении фальшь, не попадающая в тон', *лузгать – лускать, лязгать – ляскать* и др.;

б) варианты с различием согласных по твердости – мягкости, обусловленные известными многим говорам колебаниями в употреблении парных фонем, представленными в лексикализованном виде, например: *бритва – брытва, бричка – брычка, брюква – бруква, гриб – грыб, грива – грыва, кричать – крычать, скрипеть – скрыпеть, брында – бринда* 'сборчатая обшивка, оборка', *высокий – высокий, вишня – вышня, дюже – дуже, дюжий – дужий, дыра – дира, мычать – мичать, мычка – мичка, нырок – нирок, бузина – бузына* и др.;

в) варианты с соотношением *г'-г*, обусловленные тем, что в брянских говорах спорадически сохраняются древнерусские сочетания *гы, кы, хы*, например: *гибель – гыбель, гиря – гыря, кислый – кыслый, хитрый – хытрый* и др.;

г) варианты с меной свистящих и шипящих согласных (*с-ш, з-ж*) как лексикализованные, например: в брянских говорах: *бросать – брошать, брусница – брушница* 'брусника'; *доска – дошка, дразнить – дражнить, железо – зелезо, жемчуг – земчуг* и др.;

д) варианты с соотношением *б-м, в-м*, представленные единичными примерами: *баланда – маланда* 'жидкое варево', *берлога – мерлога, волхвита – молхвита* 'колдунья' и некоторые др.;

е) варианты с соотношением *ч-щ*, представленные определенной группой слов, которые в литературном языке произносятся с долгими шипящими, например: *мочь – мощь, обчество – общество, обчий – общий, овоч – овощ, сообча – сообща* и др.

(произношение аффрикаты *ч* является здесь исконным, *щ* обусловлено воздействием литературного языка);

ж) варианты с соотношением *ж-жд* (например: *надёжа – надёжда, межу – между* и др.) к предыдущей группе.

3. Варианты, вызванные различием в гласных и согласных фонемах одновременно, представлены в брянских говорах немногочисленными примерами: *лента – линда, макотра – макитра – макидра* и некоторые др.

Морфологические варианты

Морфологические варианты представляют собой формальные модификации слова при сохранении тождества морфологической структуры, лексического и грамматического значений.

1. Варьирование имен существительных может осуществляться с изменением и без изменения грамматического рода. Прежде всего, необходимо разделить две группы явлений: колебания в форма грамматического рода и случаи разрушения категории среднего рода.

Первую группу составляют имена существительные, родовариантные формы которых имеют отчетливые морфологические показатели и различаются 1) флексиями, 2) характером конечной согласной или 3) только системой флексий.

1.1. В подавляющем большинстве случаев слова, варьирующие по родовому признаку, различаются флексиями. Среди них наиболее широк круг слов, имеющих варианты м./ж. р. Например: *груз – груза, жмак – жмака* 'жмых', *загород – загорода* 'изгородь', *зал – зала, кан – кана* 'сосуд', *засек – засека* 'отделение или отсек в клетки для зерна', *заслон – заслона* 'заслонка в русской печи', *мухомор – мухомора, обнаряд – обнаряда* 'нарядная одежда, *стул – стула* и мн. др. Нередко такое варьирование сопровождается переносом ударения с корня на флексию. Например: *жмых – жмыха, зуд – зуда.* Наличие многочисленных вариантов м./ж. рода обусловлено продуктивностью в брянских говорах первого склонения, в составе которого представлен больший круг имен существительных, чем в литературном языке. Именно поэтому столь широко

колебание в роде (муж./жен.) у имен существительных, сравнительно недавно пришедших в говор из литературного языка. Например: *абажур – абажура, банк – банка, браслет – браслета, грамм – грамма, литр – литра, музей – музея.* Показательно, что многие из такого рода заимствований не сохранили родовую форму, присущую им в литературном языке, и закрепились диалектом только в форме женского рода. Например: *диска, дуста, кадра, ревматизма, танка.*

В меньшей степени, но также достаточно широко представлено варьирование в форме ж./м. р. (как у исконных для говора слов, так и заимствованных из литературного языка). Например: *ангина – ангин, воля – воль* ‘передняя часть грудки у птиц; внешняя сторона зоба’, *гречиха – гречих, ежевика – ежевик, жлукта – жлукт* ‘бочка без дна для вываривания белья’, *загнета – загнет, застреха – застрех, кайстра – кайстр* ‘мешочек’, *кара – кар, чаща – чащ* и др.

1.2. Родовые варианты, различающиеся характером конечной согласной, представлены единичными примерами: *дрель* (ж.р.) – *дрел* (м.р.) ‘ручное сверло’, *накипь* (ж.р.) – *накип* (м.р.) и некоторые др.

1.3. Родовариантные пары, различающиеся системой флексий, также немногочисленны: *вошь*, род. п. *воши* и т.д. (ж.р.) – *вош*, род. п. *воша* и т.д. (м.р.), *мозоль*, род. п. *мозоли* и т.д. (ж.р.) – *мозоль*, род. п. *мозоля* и т.д. (м.р.). Гораздо чаще двойственность родовых характеристик отмечается не во всех, а лишь в отдельных флексиях. Так, например, неустойчивость в роде имен существительных старой основы на i-краткое представлена единичными случаями. Слова м.р. *зверь*, ж.р. *корь* и нек. др., сохраняя присущую им парадигму, в отдельных падежах испытывают колебания в роде, что выражается соответствующими флексиями: *зверь*, род. п. *зверя* (по м.р.) – *звери* (по ж.р.), *корь*, род. п. *кори* (по ж.р.) – *коря* (по м.р.).

Вторую группу составляют варианты, обусловленные характерным для брянских говоров разрушением категории среднего рода. Этот процесс, протекающий в брянских говорах по двум направлениям (замена среднего рода мужским и женским), приводит к многочисленным случаям варьирования по родовому признаку, выраженного преимущественно синтаксически (согласованием), реже – морфологически (некоторыми флексиями косвенных па-

дежей): *большое ведро* (ср.р.) – *худая ведро* (ж.р.) – *железный ведро* (м.р.); *свое молоко* (ср.р.) – *твоя молоко* (ж.р.) – *наш молоко* (м.р.); *полотно было у нас* (ср.р.) – *полотно была простая* (жен. р.) – *полотно порвался* (м.р.); *купить платье* (ср.р.) – *надеть платью* (ж.р.). Вместе с тем необходимо отметить, что как бы интенсивно ни протекал процесс утраты категории среднего рода, он не только далек от своего завершения, но и, по всей вероятности, никогда не будет завершен в условиях современного литературно-диалектного контактирования. Имеющиеся факты со всей очевидностью убеждают в сложности и противоречивости этого процесса в брянских говорах.

Варьирование имен существительных без изменения грамматического рода может проявляться как по всей парадигме, так и в отдельных формах. Отметим как наиболее частотные в брянских говорах варианты имен существительных, различающиеся нулевой флексией и флексией *-а(-я)* в им. п. ед. числа. Например: *гармонь – гармоня, дочь – доча, жизнь – жизня, заросль – заросля, кисть – кистя, постель – постеля* и др. Вариантность связана с диалектными особенностями распределения имен существительных по типам склонения (продуктивность 1-го, непродуктивность 2-го склонения в брянских, как и в других русских говорах). Фонетической предпосылкой варьирования может явиться развитие слоговости у конечного сонорного (чаще всего вариантность наблюдается у имен существительных с основой на сонорный).

2. Варьирование имен прилагательных наблюдается не только в именительном, но и в косвенных падежах, однако наиболее значимым является варьирование формы именительного падежа единственного числа как исходной (словарной) формы имени прилагательного. В брянских говорах можно выделить варианты имен прилагательных, различающиеся 1) мягкостью/твердостью основы на *-и-* (соответственно – безударными флексиями *-ий/-ый*), 2) ударенными флексиями *-ой/-ый* (после заднеязычных *ий*), 3) ударенными флексиями *-ой/ый* (после заднеязычных *ий*)/*-эй* (после заднеязычных *-ей*), 4) безударными флексиями *-ый* (после заднеязычных *-ий)/-и* (после заднеязычных *-и*), 5) ударенными флексиями *-ой/-ый* (после заднеязычных *-ий*)/*-ы* (после заднеязычных *-и*), 6) ударенными флексиями *-ой/-ый* (после зад-

неязычных *-ий*)/*-ый* (после заднеязычных *-ей*)/*-ы* (после заднеязычных *-и*).

2.1. Варианты прилагательных, различающиеся мягкостью/твердостью основы на *-н-* (и соответственно – безударными флексиями *-ий/ -ый*), известные и литературному языку, представлены в брянских говорах ограниченным кругом примеров. Например: *давний – давный, дальний – дальный, завтрашний – завтрашный, залетошний – залетошный* 'позапрошлый, позапрошлогодний', *летошний – летошный* 'прошлогодний, прошлый', *тутушний – тутошный* и некоторые др. Диалектное своеобразие выражается в ином, чем в литературном языке, наборе варьирующих лексем, а также в возможности расширения диапазона варьирования за счет включения акцентных вариантов.

2.2. Варианты имен прилагательных, различающиеся ударенными флексиями *-ой/-ый* (после заднеязычных *-ий*), представляют собой наиболее обширную группу. Например: *живой – живый, заливной – заливный, земляной – земляный, золотой – золотый, ледяной – ледяный, слепой – слепый, людской – людский* 'чужой', *плохой – плохий* и многие др. Нередко указанный тип варьирования сопровождается переносом ударения с флексии на корень. Например: *дрянной – дрянный – дря'нный, дурной – дурный – ду'рный, малой – малый – малы'й* и др. Обращает на себя внимание преобладание флексии *-ой* в восточных и южных районах Брянской области, а флексии *-ый* – в западных и центральных районах. Однако при этом возможно и сосуществование флексий *-ой/-ый* за пределами основных ареалов их употребления.

2.3. Варианты имен прилагательных, различающихся ударенными флексиями *-ой/-ый* (после заднеязычных *-ий*) */-эй* (после заднеязычных *-ей*), обусловлены тем, что наряду с отмеченным выше параллельным употреблением флексией *-ой/-ый (-ий)* на территории преимущественного распространения флексий *-ый (-ий)* спорадически встречаются флексии *-эй (-ей)* (имеется мнение об их генетической общности). Например: *молодой – молодый – молодей, святой – святый – святей, другой – другий – другей* и др.

2.4. Варианты имен прилагательных, различающихся безударными флексиями *-ый* (после заднеязычных *-ий*) */-ы* (после заднеязычных *-и*), связаны с тем, что на западе Брянской области встречаются формы с утратой конечного *-й*. Например: *интересный – интересны* (город), *ладный – ладны* (хлопец) и др.

2.5. Варианты имен прилагательных, различающихся ударенными флексиями *-ой/-ый* (после заднеязычных *-ий*) */-ы* (после заднеязычных *-и*), представлены в западных районах Брянщины и обусловлены утратой конечного *-й* во флексиях *-ый (-ий)*, а также возможностью мены флексий *-ой /-ый (-ий)* (см. выше) Например: *злой — злый — злы, крутой — крутый — круты, дорогой — дорогий — дороги* и др.

2.6. Варианты имен прилагательных, различающихся ударенными флексиями *-ой/-ый* (после заднеязычных *-ий*) */-ый* (после заднеязычных *-ей*) */-ы* (после заднеязычных *-и*), представляют собой возможное (преимущественно в западнобрянских говорах) сочетание вариантов разных типов. Например: *молодой — молодый — молодей — молоды, сухой — сухий — сухей — сухи* и др.

3. Варьирование глаголов представлено, прежде всего, вариантами форм инфинитива (а также многочисленными формообразовательными вариантами). Варианты форм инфинитива представлены в брянских говорах парами глаголов а) на *-ти/-ть* а также б) единичными примерами на *-ти/-тить* с *-ть* вторичного образования, например:

а) *брести — бресть, везти — везть, вести — весть, грести — гресть, мести — месть, нести — несть, плести — плесть* и др.;

б) *взойти — взойтить, идти — идтить, дойти — дойтить, найти — найтить, напасти — напастить*

Лексикографическая интерпретация вариантов диалектного слова

Проблема границ слова, его тождества и распада имеет не только теоретическое, но и большое практическое значение. Тенденция к "разведению" вариантов по разным словарным статьям с последующим "сведением" их посредством системы отсылок характерна для многих диалектных словарей, но именно как тенденция: в полной мере указанная выше установка ни одним словарем по существу не реализована (имеются в виду рекомендации Ф.П.Филина в том виде, как они сформулированы в Проекте "Словаря русских народных говоров"). Среди региональных словарей, выполненных в русле рекомендаций упомянутого Проекта, обращает на себя внимание (безусловным и последовательным

"разведением" вариантов – как фонематических, так и акцентных) Словарь русских говоров Приамурья: "Фонематические и акцентные варианты слов помещаются отдельными словарными статьями. Они отсылаются словом См. к наиболее часто употребляющемуся в говорах варианту: *арамозы*, ов, мн. См.: *арамузы*; *зиму'сь*, нареч. См.: *зи'мусь*" Однако, выполнив первую часть рекомендаций Проекта (имеется в виду установка на "разведение" вариантов), словарь в полной мере не реализовал их вторую часть, недооценив информативные возможности отсылочных помет, которые в словаре оказались "однонаправленными" и потому не показывающими вариантность того или иного слова в полном объеме. Так, например, в словаре зафиксированы варианты *арамузы* – *арамозы* – *аремузы* – *армузы* 'высокие голенища из шкур, мягкой кожи, брезента, надеваемые поверх брюк', каждый из которых разрабатывается самостоятельно и (за исключением первого) имеет однотипную отсылку ("См.: *арамузы*"). При отсутствии взаимных отсылочных указаний вариантный ряд в словаре "рассыпается"; и чем большим словарным "пространством" отделены друг от друга варианты, тем сложнее поиск в словаре информации о варьирующих словах, например: *алаборный* – *лаборный* 'неаккуратный, неряшливый', где лишь *лаборный* сопровождается отсылочной пометой ("См.: алаборный"), тогда как *алаборный* соответствующего отсылочного указания не имеет.

Симптоматично, что в большинстве словарей (при общей ориентации на упомянутый Проект) в разработку вариантности вносятся изменения (нередко весьма существенные). Показательно движение лексикографической мысли авторского коллектива Словаря русских народных говоров: от "разведения" вариантов (в сущности, безоговорочного) к поискам оптимальных способов подачи (раздельной или слитной) вариантов разных типов. Не менее показательно и стремление углубить лексикографические основы разработки вариантности, предпринятое в Архангельском областном словаре.

Фонетические варианты слова, как уже отмечалось, представляют собой видоизменения звуковой оболочки слова, не затрагивающие его морфемного состава, характеризующиеся тождеством значения, и разрабатываются в одной словарной статье. При таком подходе под одно понятие "фонетические варианты" подводятся разнохарактерные случаи.

Закономерно встает вопрос: корректно ли уравнивать в лексикографических правах фонетические и фонематические варианты? Думается, нет. Ср., например, оправданное, на наш взгляд, стремление составителей Архангельского областного словаря разграничить "варианты слов с фонетическим варьированием, не носящим регулярного характера, то есть не управляющимся действующими фонетическими законами современных архангельских говоров" и "собственно фонетические (позиционные) варианты": первые "толкуются в отдельных словарных статьях на все варианты", вторые "подаются в одной словарной статье"

Опыт работы над Словарем брянских говоров убеждает, что лексикографический статус фонетических и фонематических вариантов не может быть одинаковым.

Ставя вопрос о месте фонематических вариантов в региональном словаре полного типа, следует, прежде всего, устранить разнобой в их лексикографической разработке. При этом, однако, нельзя уравнять фонетическое и фонематическое варьирование, поскольку различия в звуковой оболочке фонетических вариантов являются позиционно-комбинаторно обусловленными и проявляются в практически не ограниченном круге слов, тогда как различия в фонемном составе фонематических вариантов индивидуальны, лексикализированы. Вместе с тем, эти различия не таковы, чтобы говорить о наличии разных слов. "Фонема сама по себе не является средством словообразования, поэтому в тех случаях, когда фонологически значимые противопоставления отсутствуют, различия в составе фонем при обозначении одного и того же значения не нарушают тождества слова, не приводят к образованию новых слов, а лишь создают варианты одного и того же слова" [Филин, 1982, с. 315].

В соответствии с этим фонематические варианты следует разрабатывать в одной словарной статье, указывая в заголовке на возможность варьирования. Например:

ГА'ЛДА и **ГА'ЛТА** ы, *ж.* 1. Крик, ссора, брань... 2. *м.* и *ж.* Крикливый, вздорный человек...

ГИ'РЯ и **ГЫ'РЯ**, и, *ж.* Небольшой кувшин с отбитым горлом...

ГРИБ и **ГРЫБ**, а', *м., чаще мн.* 1. Губа... 2. Металлическая часть сковородника в виде крючка для захватывания сковороды... 3. Сборчатая обшивка, оборка...

Аналогично – фонематические варианты других типов. В лексикографической разработке фонетических вариантов целесообразно ориентироваться на следующие основные положения: 1) разграничение фонетического и фонематического варьирования, 2) исключение из лексикографического описания фонетических вариантов, вызванных аканьем, яканьем и т.п., 3) безусловный отказ фонетическим вариантам в лексикографической самостоятельности.

Что касается первого из указанных положений, то (в отличие от фонематических) за фонетическими (собственно фонетическими) вариантами следует закрепить позицию в корпусе словарной статьи за знаком *Вар.* (вариант). Например:

ГАРМОНИСТ, а, *м. Вар.* **гирмонист**. 1. Человек, умеющий играть на гармонике... 2. Человек, умеющий играть на музыкальных инструментах...

ГОТОВАТЬ, тую, туе и тует (ть), *несов. Вар.* **готувать**, **гутовать**, **гутувать**. 1. *что.* Приводить в годное к употреблению или использованию состояние... 2. *что.* Изготовлять, трудиться над выполнением чего-л. 3. *что* и *без доп.* Приготовлять кушанья, стряпать. 4. *что.* Делать запасы чего-л. для последующего употребления; запасать впрок; заготовлять...

ГОРСТЬ, и, *ж. Вар.* **горсь**. 1. Ладонь и пальцы, сложенные так, чтобы ими можно было зачерпнуть, захватить или удержать что-л. 2. Количество чего-н., помещающееся в руке, сложенной таким образом. 3. Пучок колосьев, льна, конопли, захватываемый в один раз...

Аналогично – фонетические варианты других типов.

Думается, что такая лексикографическая интерпретация фонетических и фонематических вариантов точнее отражает само явление вариантности и в большей мере соответствует двуединой (синхронно-диахронной) направленности Словаря брянских говоров.

Сделаем несколько замечаний о лексикографической разработке в СБГ морфологических вариантов. Имеется в виду варьирование 1) имен существительных, 2) имен прилагательных, 3) глаголов в их исходных (словарных) формах.

1. Лексикографический статус вариантов имен существительных а) с изменением грамматического рода и б) без изменения грамматического рода неодинаков.

А. Варианты имен существительных, различающихся родовой принадлежностью, требуют, в свою очередь, дифференцированного подхода.

Родовые различия, выражаемые на лексическом и словообразовательном уровнях, нарушая тождество слова, вариантами не являются и, без сомнения, разрабатываются самостоятельно. Именно такой принцип последовательно проведен в словаре брянских говоров. Например:

БРИГАДИ'Р, а, *м.* Руководитель бригады...
БРИГАДИ'РКА, и, *ж.* Женск. к бригадир...
ВЕ'ДЬМА, ы, *ж.* В старых народных поверьях: женщина, связанная с "черными силами", могущая приносить людям зло; колдунья...
ВЕДЬМА'К, а, *м.* Мужск. (ведьма...
ВЕДМЕ'ДЬ, я, *м.* Крупное хищное млекопитающее; медведь...
ВЕДМЕ'ДИХА, и, *ж.* Самка медведя...

Синтаксически выраженные родовые различия у слов типа *неряха* в пределах тождества слова к варьированию не приводят: "когда за различиями в грамматическом роде кроется различие по полу, мы имеем дело с разными словами, имеющими свое особое лексическое значение" [Филин, 1982, с. 317]. Однако из этого вовсе не следует вывод о раздельной подаче таких слов в словаре. По лексикографической традиции (принятой в СБГ) они разрабатываются в одной словарной статье как существительные общего рода. Например:

БЕГОВУ'ЛЬКА[1], и, *м.* и *ж.* 1. Быстро бегающий человек. 2. Ребенок, много бегающий, играющий на улице...

Сложнее решить проблему лексикографической разработки собственно родовых вариантов, проявляющихся на морфологическом и синтаксическом уровнях.В первых выпусках Словаря брянских говоров наблюдались случаи нарушения единства в подаче родовых вариантов: слова с морфологически выраженным варьированием в форме грамматического рода разрабатываются то в разных статьях, то в одной статье. Например:

БРАСЛЕ'Т, а, *м.* Окружающее запястье руки украшение в виде металлического кольца или цепочки...

БРАСЛЕ'ТА, ы, *ж.* То же, что **брасле'т**...

АБАЖУ'Р, а, *м.* и **АБАЖУ'РА**, ы, *ж.* Колпак из легкой ткани или бумаги над лампой для защиты глаз от света...

В лексикографической разработке родовых вариантов следует, видимо, исходить из того, что "различия слов в грамматическом роде имеют формально-грамматическую функцию, поскольку они теснейшим образом связаны с группировкой слов по типам склонений и больше ничего другого в системе имен не выражают" [Филин, 1982, с. 316–317], а потому претендовать на лексикографическую самостоятельность никак не могут. Например:

АНГИНА, ы, *ж.* и **АНГИН**, а, *м.* Воспаление слизистой оболочки зева...

При разработке вариантности, обусловленной разрушением категории среднего рода, следует иметь в виду, что случаи параллельного употребления соответствующих парадигм ср., м. и (или) ж. р. весьма редки. В подавляющем большинстве случаев мы имеем дело с тем, что имена существительные ср. р. имеют оформление отдельных падежей по ж. и (или) м. р., а также обнаруживают согласование по ж. и (или) м. р. Это обстоятельство заставляет подойти к отражению в словаре колебаний в грамматическом роде со всей осторожностью. На возможность варьирования родового признака имени существительного допустимо указание в заголовке словарной статьи лишь в случае полного перехода слова ср.р. в м.р. и (или) ж.р. Например:

ЛЫ'КО, а, *с.* и **ЛЫК**, а, *м.* Волокнистая древесная ткань, отделяемая непосредственно от ствола; луб...

Во всех остальных случаях возможные колебания в роде имен существительных указываются в самом корпусе словарной статьи за знаком – – (употребление). Например:

ВЕДРО', а, *с.* – – *ж. В лахани два, три булло и чатыри вядры...*

Б. Варианты имен существительных без изменения грамматического рода существенных затруднений не вызывают. Поскольку "принадлежность слова к тому или иному типу склонения – сам по себе факт грамматический, а не лексический" [Филин, 1982, с.

310], лексикографическая разработка подобных случаев бесспорна: они включаются в одну словарную статью, заголовок которой указывает на возможность варьирования. Например:

БОЛЕ'ЗНЬ и **БОЛЕ'ЗНЯ**, и, *ж.* 1. Недуг, нездоровье. 2. перен. Душевное страдание...

2. Варианты имен прилагательных связаны лишь с формообразующими элементами слова (флексиями), а "все, что получает выражение через флексию и соотношение флективных показателей, относится к области грамматики и не составляет особого слова" [Филин 1982: 310], поэтому варьирование имен прилагательных должно быть представлено в одной словарной статье, заголовок которой указывает на вариантность. Например:

ВОСКОВО'Й и **ВОСКОВЫ'Й**, а'я, о'е. 1. Сделанный из воска. 2. Покрытый или пропитанный воском.... 3. Похожий на воск...

3. Вопрос о вариантных формах инфинитива в корпусе словаря находит последовательное и единственно возможное решение: варианты форм инфинитива разрабатываются в одной статье, в заголовок которой выносятся как равноправные оба варианта. Например:

БРЕСТИ' и **БРЕСТЬ**, бреду, дёт(ть), *несов.* 1. Медленно идти в определенном направлении, плестись. 2.Переходить вброд мелководье. 3. Ловить рыбу бреднем...

Полисемия и омонимия диалектного слова

Наряду с разработкой вариантности слова, существенные затруднения вызывает разграничение в диалектном словаре полисемии и омонимии.

Следует различать: 1) омоформию и 2) собственно омонимию.

1. В словаре оказываются выделенными и обозначенными некоторые типы омоформ, представляющих собой исходные (словарные) формы слов.

Прежде всего, показателем омонимии является принадлежность слов к разным частям речи. Как правило, выделяется и обозначается омоформия а) в пределах знаменательных слов, б) в пределах служебных слов, в) между знаменательными и служебными словами. Ср:

а) *видать*^{1} глаг. – *видать*^{2}, безл. предикат.; *грызть*^{1}, глаг. – *грызть*^{2}, сущ. ‘вид щуки, которая грызет камыш’; единственным исключением из этого правила оказалось слово *вчетырех* 1) нареч. ‘вчетвером’, 2) числ. собир. ‘четверо’;

б) *а*^{1}, союз – *а*^{2}, частица – *а*^{3}, междом.; *або*^{1}, союз ‘или’ – *або*^{2}, междом. ‘увы’; *абы*^{1}, союз 1) ‘чтобы’, 2) ‘если’ – *абы*^{2}, модальное слово ‘может быть’ – *абы*^{3}, частица 1) ‘лишь бы, только бы, как бы’, 2) ‘как бы (не)’; *аж*^{1}, союз ‘так что’ – *аж*^{2}, частица 1) ‘даже’, 2) ‘только’; *ажно*^{1}, союз ‘так что’ – *ажно*^{2}, частица ‘даже’; *ай*^{1}, союз ‘или’ – *ай*^{2}, частица ‘разве’, ‘неужели’ – *ай*^{3}, междом. ‘невольное восклицание, выражающее неожиданность’; *али*^{1}, союз ‘или’ – *али*^{2}, модальное слово ‘может быть’; *во*^{1}, частица – *во*^{2}, предлог; но: *будто*, союз и частица; *вроде*, предлог и частица;

в) *вишь*^{1}, частица ‘употребляется для выражения удивления’ – *вишь*^{2}, сущ. ‘иней’; *вон*^{1}, нареч.- *вон*^{2}, частица; *грюк*^{1}, сущ. ‘стук, грохот’ – *грюк*^{2}, междом. ‘о внезапном, неожиданном действии’ и др.

Оправданной является разработка без выделения омонимов наречий и служебных слов, способных выступать в функции других частей речи. Например: *вглубь* 1) нареч., 2) предлог; *вглыбь* 1) нареч., 2) предлог; *вдоль* 1) нареч., 2) предлог; *вскрость* 1) нареч. <через всю толщу чего-н.>, 2) предлог с род. п. <употребляется при обозначении предмета, через который продевается что-л.>. Такое отступление признается целесообразным и словарями литературного языка. См.: вдоль 1) нареч., 2) предлог с род. п.[11].

Аналогично (в одной словарной статье) СБГ разрабатывает сравнительную степень наречия и предлог. Например: *ближе* 1) сравн. степ. нареч. *близко*, 2) предлог ‘раньше, до’

Не рассматриваются в СБГ в качестве омонимов наречие и категория состояния (безлично-предикативное наречие). Например: *весело* 1) нареч., 2) безл. предикат., 3) безл. предикат.; *вкусно* 1) нареч., 2) безл. предикат.; *горько* 1) безл. предикат. ‘об ощущении горечи’, 2) безл. предикат. ‘о чувстве горечи, гнетущем состоянии,

---

[11] См.: [МАС, т. 1, с. 643].

настроении', 3) нареч. 'тяжело, печально', 4) нареч. 'очень, весьма'. Так же и в литературном языке. Например: *весело* 1) нареч., 2) безл. в знач. сказ.[12]; *горько* 1) нареч., 2) безл. в знач. сказ., 3) безл. в знач. сказ.[13].

Словарь брянских говоров не разделяет на омонимы сравнительные степени имен прилагательных и наречий. Например: *вкуснейше* и *вкуснейшей* 1) сравн. степ. прил. *вкусный*, 2) сравн. степ. нареч. *вкусно*; *вольнейше* 1) сравн. степ. прил. *вольный*, 2) сравн. степ. нареч. *вольно*; *выше*, *вышее* и *вышей* 1) сравн. степ. прил. *высокий*, 2) сравн. степ. нареч. *высоко*; *глубе* 1) сравн. степ. прил. *глубокий*, 2) сравн. степ. нареч. *глубоко*; *густейше* 1) сравн. степ. прил. *густой*, 2) сравн. степ. нареч. *густо*; *гущей* 1) сравн. степ. прил. *густой*, 2) сравн. степ. нареч. *густо* и др. Но: *богачей*[1], сравн. степ. прил. *богатый* – *богачей*[2], сравн. степ. нареч. *богато*. Это единичное отступление от последовательного сведения в одну словарную статью сравнительных степеней имен прилагательных и наречий, по всей вероятности, более корректно с точки зрения общей установки СБГ на самостоятельную разработку сравнительных степеней (отдельно от соответствующих имен прилагательных и наречий). Вместе с тем объединение сравнительных степеней имен прилагательных и наречий в одну словарную статью не противоречит традиции, сложившейся в лексикографии литературного языка (имеются в виду те случаи, когда сравнительные степени выносятся за пределы словарных статей на соответствующие имена прилагательные и наречия). См., например: *больше* 1) сравн. степ. к прил. *большой* и *великий* и к нареч. *много*[14].

Как показывают приведенные факты, в разработке указанных выше категорий слов СБГ следует (причем не всегда последовательно) лексикографической традиции литературного языка. Между тем специфика диалектного материала требует специального изучения этой проблематики.

2. В отношении собственно омонимии в словаре выделяются омонимы – слова разного происхождения, а также слова, утратившие связь с исходным значением в процессе развития семантики и в настоящее время не имеющие взаимной обусловленности.

---

[12] См.: [МАС, т. 1, с. 155].
[13] См.: [МАС, т. 1, с. 337].
[14] См.: [МАС, т. 1, с. 106].

Иначе говоря: устанавливается ориентация на сочетание этимологического и семантического критериев в истолковании фактов омонимии.

Рассмотрим а) гетерогенную и б) гомогенную омонимию.

А. Среди разных типов омонимов, обозначаемых в СБГ, наиболее последовательно разрабатываются гетерогенные омонимы, выявление которых; прежде всего, достигается целенаправленным использованием сведений из этимологических и других словарей исторического цикла. Источники омонимии этого типа многочисленны и разнообразны. Приведем некоторые примеры.

Бор[1] 1) 'смешанный лес', 2) 'хвойный лес', 3) 'сухое возвышенное место', 4) 'кустарник, растущий в лесу', 5) 'злаковое растение' – *бор*[2] 'клев рыбы' Омонимия этих слов устанавливается еще на праславянской почве. *Бор*[1] продолжает праславянское *borъ I (ср. многочисленные славянские рефлексы, соотносительные по форме и по семантике с брянским *бор*[1]), представляющее собой одну из древних славянских основ на *-и-*, по-видимому, родственное англосаксонскому *bearu* 'лес', древнеисландскому *borr* 'то же' [ЭССЯ, т. 2, с. 216–217]. *Бор*[2] восходит к праславянскому *borъ II, которое квалифицируется как имя с вокализмом *-о-*, непосредственно соотносительное с глаголом *bьrati [ЭССЯ, т. 2, с. 218], который в свою очередь находится в связи с индоевропейским **bher-* 'нести' [ЭССЯ, т. 3, с. 162–163].

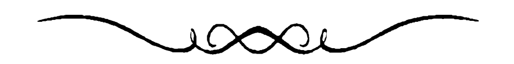
Балка[1] 1) 'деревянный брус, на который настилается пол, потолок и т.д.', 2) 'ствол спиленного или срубленного дерева' – *балка*[2] 'овраг, заросший кустарником' *Балка*[2] восходит к праславянскому *balъka (ср. сербохорватское диалектное *balka, bala* 'ковыль', польское диалектное *balka* 'маленькое озеро в долине; сухой овраг в степи', русское диалектное *балка* 'впадина на дне реки', 'камыш', 'долина, ложбина, длинный и широкий овраг в степи', 'овраг в лесу', 'низменная местность', староукраинское *балка* 'то же'), представляющему собой производное с суффиксом *-ъka* от слабо засвидетельствованного *bala 'светлый, яркий, белый', откуда затем развились названия болота, лужи, растений и проч. [ЭССЯ, т. 1, с. 149]. *Балка*[1] 'брус, бревно', в других славянских языках не зафиксированное и впервые употребленное в Псковской I летописи около 1435 года, возводится к средненижненемецкому *balke* 'брус, бревно' [Фасмер, т. 1, с. 115].

Вор[1] 'человек, совершающий кражи' – *вор*[2] 'помещение для содержания скота и хранения сена, утвари' Русские по происхождению слова, неизвестные за пределами восточнославянской территории, генетически связаны с разными глаголами: *вор*[1] с глаголом *врать*, *вор*[2] с глаголом *верать* 'совать, вкладывать, прятать, копаться' [Фасмер, т. 1, с. 293, 350, 353].

Гончар[1] 'кто изготовляет горшки и другую посуду из глины' – *гончар*[2] 'порода охотничьих собак, преследующих дичь' *Гончар*[1] восходит к праславянскому *gъrnьсаrь – производное (имя деятеля) с суфф. -(j)аrь от *gъrnьсь 'горшок' [ЭССЯ, т. 7, с. 212]. *Гончар*[2] представляет собой, по-видимому, русское диалектное образование, соотносимое с гончий 'быстрый в беге приученный гнать зверя (о породе охотничьих собак)' Ср. уральское *гончарка* 'гончая собака' [СРНГ, 7: 13].

Более пеструю картину составляет разработка гомогенной омонимии, что в значительной мере обусловлено отсутствием надежных, исчерпывающих и непротиворечивых критериев разграничения полисемии и омонимии (научные дискуссии по этому вопросу общеизвестны).

В качестве основного СБГ избирает семантический критерий: как омонимы разрабатываются слова, утратившие связь с исходным значением в процессе развития семантики и в настоящее время не имеющие взаимной обусловленности. Однако встречаются и неоправданные отступления от этого принципа, например: *баранка*[1] 'выпечное изделие в виде кольца' – *баранка*[2] 'рулевое колесо автомашины'; *ведерница*[1] 'деревянная низкая широкая кадушка с металлическими обручами и ручкой, объемом в ведро' – *ведерница*[2] 'корова, дающая по ведру молока в каждое доение'; *водянка*[1] 'полка или лавка, обычно прикрепленная к стене, на которую ставят ведра или кадку с водой' – *водянка*[2] 'кадка для хранения воды'; *годок*[1] 'период времени в 12 месяцев', 2) 'возраст' – *годок*[2] 'ровесник' [СБГ, т. 4, с. 31] и др. (взаимная обусловленность значений в приведенных словах очевидна, а потому применительно к каждому из них речь может идти только о полисемии).

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ДИАЛЕКТНОГО ГЛАГОЛА

*Регулярная полисемия диалектного глагола**

Проблема лексической многозначности, одна из ключевых в современной лексикологии, чрезвычайно важна и при обращении к лексике говоров. При этом наибольшие трудности представляет семантика диалектного глагола. Особое место в лексико-семантической системе диалекта занимают глагольные ЛСГ, которые вследствие действий моделей регулярной многозначности находятся в сложных и динамических отношениях. Взаимодействие глагольных семантических полей на основе отношений регулярной полисемии предельно расширяет смысловую структуру диалектного глагола, основное и производное значения которого обладают богатыми, разветвленными семантическими и ассоциативными связями. Полисемия в говорах имеет более широкий характер, что связано с отсутствием сдерживания процессов семантического развития кодифицированной нормой[15].

Формам организации отношений регулярной многозначности на уровне лексико-семантической системы диалекта соответствуют способы организаций лексических значений на уровне смысловой структуры лексемы. “Семантические структуры (внутрисловные семантические парадигмы) можно рассматривать как системные варианты обобщенной модели многозначности слов данной ЛСГ” [Боровикова, 1985, с. 14]. Таким образом, семантика диалектного глагола, несмотря на свою уникальность, определяется прежде всего действующими в данной лексической системе говоров закономерностями.

Определяющую роль в формировании семантической структуры диалектного глагола играет метафорический перенос. С одной стороны, метафоризация основывается на ассоциативных, часто

---

[15] См.: [Билева, 1982; Лаврентьева, 1982; Попкова, 1997] и др.

несущественных для исходного значения семантических компонентах, которые не всегда однородны для одного лексико-семантического ряда, с другой, — если принять во внимание лексико-семантическую и тематическую характеристики агента и референта метафоры, оказывается, что "метафорический перенос в языке подчинен достаточно жесткой закономерности и осуществляется в определенных направлениях от одной семантической сферы к другой" [Скляревская, 1987, с. 61].

Если семантически близкие лексемы (принадлежащие к одному лексико-семантическому ряду, то есть содержащие общую интегральную или общие дифференциальные, ассоциативные семы) развивают однотипные производные значения, то можно говорить о реализации в данном случае модели регулярной многозначности. Под регулярностью понимается "повторяемость семантического соотношения основного и вторичного значений лексических единиц, семантическая структура которых определяется наличием соответствующих моделей" [Чудинов, 1986, с. 23].

Описание основных моделей регулярной полисемии предполагает исследование условий, способа, характера и результата реализации семантического перехода. Таким образом, типология семантических переходов разрабатывается в соответствии с несколькими критериями. Выделяются общие, специальные и частные модели. Общие модели связывают отношениями регулярной многозначности семантические макрополя диалектных глаголов. Например: "звучание" / "передвижение"; "воздействие" / "состояние" Специальные модели определяют семантическое развитие глаголов, входящих в одно семантическое макрополе, то есть содержащих общую архисему. Например, в пределах одного семантического макрополя "воздействие" глаголы физического воздействия регулярно развивают производный ЛСВ, обозначающий психическое воздействие. В пределах частной модели переноса наименования может быть выделена специальная модель. Так, в пределах частной модели "физическое воздействие" / "психическое воздействие" могут быть выделены специальные модели семантических переходов "ударять" / "ругать"; "приводить в беспорядок" / "тревожить" и др.

В зависимости от того, какие семантические компоненты производящего значения актуализируются в результате метафоризации, а какие опускаются или переосмысляются, и, следователь-

но, в зависимости от соотношения семных структур соответствующих значений, семантические переходы могут быть классифицированы по способу метафоризации. Таким образом устанавливается однотипность семантических признаков (компонентов), получающих объективизацию в процессе семантического перехода.

С учетом номинативно-функциональных типов метафоры[16] и характера мотивационных отношений между исходным и производным ЛСВ в синхронном плане исследуется результат семантического перехода: оттенок значения, переносный оттенок, генетически переносное значение, переносное, образно-экспрессивное.

Для обширной группы диалектных глаголов характерно возникновение метафорических ЛСВ, входящих в лексико-семантический ряд глаголов речи (говорения). ЛСГ глаголов речи – едва ли не самая объемная в брянских говорах группа лексики, состоящая из нескольких сотен лексических единиц, значительная часть которых является производными метафорическими ЛСВ. Это обусловлено тем, что ЛСГ глаголов речи на основании общей семы 'звучание', родовой по отношению к основной ядерной, интегральной, и общих дифференциальных сем пересекается с другими лексико-семантическими парадигмами, состоящими соответственно из глаголов, обозначающих выражающие эмоциональное состояние человека звуки, глаголов вещественного звучания, глаголов конкретного физического действия[17]

Выделяются следующие типы семантических переходов в смысловой структуре глаголов звучания: "издаваемые животными звуки" / "речь"; "вещественное звучание" / "речь"; "удар" / "интенсивное воздействие"; "физическое воздействие на предмет" / "речь", "вещественное звучание"

Глаголы воздействия образуют семантическое макрополе, которое состоит из многочисленных парадигматических групп, выделяемых на основе различных лексических категорий: способа, цели, орудия объекта, характера объекта и т.д.[18] Для описания отношений регулярной полисемии глаголов воздействия необходимо рассмотреть связи отдельных групп лексики в пределах одного семантического макрополя, а также систему их отношения с глагольными ЛСГ, в него входящими. Целесообразно выделить три

---

[16] См.: [Арутюнова, 1998; Телия, 1988].
[17] См.: [Попова, 1977].
[18] См.: [Кузнецова, 1974; Кильдибекова, 1985-а].

основных семантических поля глаголов воздействия: "физическое воздействие на предмет", "физическое воздействие на живое существо", "психическое воздействие" На основе общей семы 'воздействие' глаголы, входящие в эти семантические поля, связаны отношениями регулярной многозначности. "Через сему каузативности глаголы действия устанавливают связи с различными группами неакциональных глаголов – глаголами состояния, посессивных отношений, локализующего значения и т.д." [Кильдибекова, 1985-а, с. 46]. Поскольку в брянских говорах семантическое противопоставление "действие – состояние" в большинстве случаев не требует формального выражения, для данной лексико-семантической системы эти связи обеспечиваются отношениями регулярной многозначности.

Для отношений регулярной многозначности в пределах семантического макрополя "воздействие" наиболее релевантна оппозиция объектных сем 'неодушевленный объект' / 'одушевленный' / 'одушевленный и неодушевленный', – а для лексем, рассматриваемых в пределах какой-либо отдельной ЛСГ глаголов воздействия, важна дифференциация семантических компонентов, выражающих способ, цель или результат действия.

Воздействие на неживой объект выражается в говорах в основном свободно-номинативным значением глагола. В подавляющем большинстве случаев лексема, сочетающаяся с неодушевленным существительным, может сочетаться и с одушевленным. Для лексикографической практики важно выяснить, вызвана ли возможность обозначения данной лексемой воздействия на живой объект особенностями прямого ЛСВ глагола (широким значением объектной семы), расчлененностью лексического значения, или возможность сочетания с одушевленным существительным связана с образованием нового значения.

Когда определенное содержание целевой (результативной) семы актуализируется только при обозначении воздействия на живой объект, очевидна расчлененность лексического значения. Образование производного ЛСВ не происходит, так как сам характер действия не меняется. Например:

ГВОЗДИТЬ, *что.* Производить частые, сильные удары по одному и тому же месту. *Цепом гвоздили хлеб, коноплю, овес.* Кар. // *кого, что.* Колотить, бить, не разбирая, сгоряча. *Гвоздил ее сколько влезло.* Сев. [СБГ, т. 4, с. 10].

Здесь семантический компонент 'повреждение, причинение боли' объективируется только в сочетании глагольной лексемы с одушевленным существительным. При этом актуализация сем 'не разбирая, сгоряча' ассоциативно связана с семой 'интенсивность' и с образным переосмыслением сем 'часто', 'сильно' Поскольку денотативная соотнесенность ЛСВ сохраняется, но выражение воздействия связано с образным переосмыслением, определение "*колотить, бить, не разбирая, сгоряча*" должно быть интерпретировано в СБГ как переносный оттенок значения.

Переносный характер оттенка значения может быть обусловлен и образным переосмыслением только объектной семы. Например, глагол ***выкинуть*** может управлять одушевленным существительным только на основе образной ассоциативной связи "человек – ненужное, лишнее"

В рассмотренных случаях способность глагола управлять падежной формой и одушевленного, и неодушевленного существительного без изменения денотативной соотнесенности значения была определена особенностями семной структуры последнего. Когда же дифференциальные семы прямого ЛСВ глагола воздействия на предмет делают сочетание его с одушевленным существительным алогичным, возможность глагольной лексемы выражать направленность действия на живой объект связана с метафоризацией, которая обусловлена тождественностью архисем 'воздействие' основного и переносного значений и реализуется в результате образного переосмысления одних дифференциальных сем производящего значения и нейтрализацией других.

Например, ЛСВ глаголов воздействия на предмет, не содержащие в зоне денотации семантический компонент 'удар' являются основой возникновения метафорического значения "побить, поколотить" вследствие развития разнообразных ассоциативных связей. В структуре прямого значения глагола **наскубсти** "*обдирая или выбирая, заготовить в каком-л. количестве*" (Бывало наскубу лист дубсвый, да лепешки пеку. Тр. Наскуби пуху. Бр.) выделяются потенциальные ассоциативные семы 'повреждение', 'негодный вид измененного объекта', которые обусловливают образование производного значения "нанести побои, избить" (*Ён наскуб бабу сёдни.* Рогн.). Подобные же значения развивают в брянских говорах глаголы **выжарить, месить, налатать** и многие др.

Переосмысление объекта действия, обусловливающее семантическое развитие глагольной лексемы, связано с реализацией определенного способа метафоризации. Если выражение воздействия на одушевленный объект связано с образным переосмыслением дифференциальных семантических компонентов исходного значения без изменения при этом денотативной соотнесенности, результат семантического сдвига должен быть определен как переносный оттенок значения. В тех случаях, когда возможность глагольной лексемы выражать воздействие на одушевленный объект связана с изменением его денотативной соотнесенности, что обусловлено одной из ядерных дифференциальных сем способа действия, результат семантического перехода может быть определен как переносное значение, обладающее живой образностью.

Лексико-семантическая группа глаголов ощущения, входящая в обширное семантическое поле глаголов психической деятельности, включает большое количество метафорических ЛСВ, образование которых обусловлено реализацией различных регулярных моделей переноса наименования. Рассмотрим пути возникновения ряда производных значений глаголов ощущения, которые "обозначают отражение в сознании биологически обусловленных сигналов о внутреннем состоянии организма" [Васильев, 1981, с. 43]. В рассматриваемой ЛСГ особое место занимает подгруппа глаголов ощущения боли (болезненного состояния человека). Для передачи переживания боли в брянских говорах употребляются в основном производные семы, так как использование метафоры позволяет наиболее адекватно назвать разнообразные болевые ощущения, всегда индивидуальные и субъективные.

Основной базой формирования рассматриваемых производных ЛСВ являются глаголы с прямым значением физического воздействия на предмет, так как боль воспринимается, как правило, через призму тех ощущений, которые могли бы возникнуть в результате аналогичного воздействия на человека, его организм, отдельные органы. Таким образом, подобие агента и референта метафоры устанавливается по принципу: "что-либо болит так, как будто кто-то грызет, ломает и т.п.", при этом семантический переход связан прежде всего с переосмыслением субъектной и объектной сем, которые предопределяют структуру метафорического ЛСВ, его лексическую и синтаксическую сочетаемость.

Семантический переход может быть связан с актуализацией в центральной зоне денотации производного значения семы ‘болезненное ощущение’, обязательным переосмыслением субъектной семы и объектной семы. Субъектная сема производного значения ‘болезнь’ обусловливает сочетаемость метафорического ЛСВ с такими существительными, как *корь, малярия, ворогуша, лихоманка, крикун* и т.п., а объектная сема предопределяет направленность действия на человека. Так, например, в семантической структуре глагола **бить** с основным значением “наносить удары, колотить кого-л., что-л.” СБГ выделяет значение “вызывать дрожь, трясти при болезни” (*Младенчик ребенка бьет, детский бьет, как припадок, у нас говорют: ломает, детский ломает всей день, замучил дитёнка.* Тр.). Синонимические метафорические значения развивают и глаголы **трясти** (*Лихоманка трясет его сильно.* Тр.), **трусить** (*От недоедок лихорадка всех трусит, студено тебе, вот и ворогуша.* Сев.), **колотить** (*И лихорадки были, ворогуша колотила.* Навл.).

В данном случае собственно языковая образность в диахроническом плане (а отчасти и в синхронном) восходит к образному восприятию всего аспекта действительности или отдельной ситуации, что связано с олицетворением болезни, представлением о ней, как о чем-то сверхъестественном, насылаемом нечистой силой. Так, происхождение названий ряда недугов имеет табуистический характер: **лихоманка** “лихорадка, малярия” табуистическое название от **лихоманка** “плутовка, обманщица”, **лихоман** “плут, обманщик”, **лихоманить** “причинять зло, наносить вред”, от лихо манить [Фасмер, т. II, с. 505]; **ворогуша** “лихорадка, табуистическое название” [Фасмер, т. II, с. 353]. Болезнь, по народным представлениям, можно **наслать** (*Когда зуб кто нашлет, травой моют.* Сев.), **нацыкнуть** (*Я ей ничего не говорила, а она мне болезнь нацыкнула.* Тр.), **переговорить** (*Если кто злость какую на тебя имеет, переговорит, зачахнешь.* Тр.); больного недуг **трепет** (*Больной он, ворогуша трепет, ходит желтый, худой.* Брас.), **палит** (*Раз застыл, корь стала палить.* Погар.), и человек, палимый изнутри, **сгорает** (*Сгорел у меня ребятенок, умер.* Тр.).

Таким образом, производное значение рассматриваемых глаголов, генетически не являясь актом вторичной номинации, отражает рудименты языческих представлений. Очевидно и то, что архисема ‘воздействие’ не переосмысляется в процессе переноса

наименования и сохраняется в структуре метафорического ЛСВ, а само действие предполагает представление о вполне определенном его производителе: сема 'состояние' не входит в ядро денотации, тяготея к периферии, имея статус целевого или результативного семантического компонента.

Ряд глаголов развивает параллельно метафорическое значение с субъектной семой 'болезнь' и безличную форму ЛСВ, называющего тот же процессуальный признак, что и личная форма ЛСВ рассмотренного типа. Это такие глаголы, как **трепать, трясти, трусить, колотить** и др. В силу специфики членения действительности в лексико-семантической структуре брянских говоров производные безличные ЛСВ не называют непосредственно внутреннего ощущения или состояния, продолжая входить в семантическое поле глаголов воздействия, так как, хотя, с одной стороны, их возникновение и обусловлено несовместимостью нового значения с представлением о производителе действия, с другой стороны, понятие о субъекте действия имплицитно входит в денотативно-сигнификативную зоны значения или как ассоциативно мыслимая причина действия, или как недоступная знанию причина, находящаяся за пределами человеческого опыта.

В говорах для образования значения внутреннего ощущения или состояния в тех случаях, когда в соответствии с аналогичными процессами в литературном языке следует ожидать возникновения производного ЛСВ в безличной форме, используется особая, характерная для диалектной системы модель переноса наименования в результате реализации которой архисема исходного значения 'воздействие' нейтрализуется, а сема 'болезненное ощущение' получает объективацию в качестве ядерной, интегральной производного значения. Поскольку в метафорическом значении глагол не входит в семантическое поле глаголов воздействия, а называет непосредственно состояние, действие не имеет объектной направленности, замыкаясь в сфере субъекта. Глагольная субъектная сема обозначает при этом часть человеческого тела, организм, отдельные органы. Например, глагол **грызть** развивает производное значение "болеть, ныть, давать о себе знать ощущением ломоты (о конечностях человека)" (*У меня ноги грызут перед погодою, как дождь.* Кар.); в смысловой структуре глагола **жвать** выделяется значение "Болеть, ныть (об ощущении тупой, тягучей боли)" (*Руки жвет, ти кость, ти что болит.* Тр.).

На сохранение или устранение экспрессии производного ЛСВ рассматриваемого типа оказывает влияние его денотативная соотнесенность. Глагол **тиснуть** с основным значением “сжимать, сдавливать” развивает метафорическое значение “болеть (о тупой, тягучей боли)” (*Головой часто болеет, лоб тисне, нельзя головой поднять.* Погар.; *Живот мой тисне, тисне.* Тр.), не отличающиеся экспрессивностью, эмоциональностью, а в семантической структуре глагола **лущить** на базе основного значения “болеть (о сильной головной боли)” развивается метафорическое значение (*Сегодня работали на солнце, так у меня голова лущит, не могу, пойду лягу, а то шум в ушах.* Тр.), которое называет не просто головную боль, а боль сильную и невыносимую.

Каждый из охарактеризованных выше типов метафорического значения в соответствии со способом семантического перехода получает определенный статус в смысловой структуре глагола воздействия. Безличные производные ЛСВ, обозначающие болезненное ощущение, и ЛСВ с субъектной семой ‘болезнь’ не обладают собственно языковой образностью, семантической двуплановостью, так как их образование связано с образным восприятием всего аспекта действительности, что позволяет им обозначать болезненное ощущение без соотнесения с агентом метафоры. Если сема исходного значения ‘боль, повреждение’, актуализируется в качестве интегральной семы производного значения, образность, экспрессия последнего сохраняется лишь в том случае, если в процессе переноса наименования получает объективизацию потенциальная сема исходного значения ‘интенсивность’, в результате чего переносный ЛСВ обозначает очень сильную, неистребимую боль.

В лексической системе глаголы действия (воздействия) противопоставляются глаголам состояния. Последние “называют признаки, свойства, которые приписываются субстанции как имманентно присущие, внутренние их свойства, не выходящие за сферу субъекта” [Кильдибекова, 1985-б, с. 46]. Глаголы состояния связаны отношениями регулярной полисемии с глаголами воздействия, однако связь эта односторонняя: в ЛСГ глаголов состояния входят метафорические ЛСВ, регулярно развиваемые глаголами воздействия. Модели регулярной полисемии, реализуемые в пределах одного семантического макрополя “состояние”, связаны с переосмыслением агентивной семы, при этом характер этого процесса

аналогичен переосмыслению объектной семы при метафоризации глаголов воздействия. Например, аналогии прослеживаются между следующими моделями регулярной полисемии: "физическое воздействие на предмет" / "физическое воздействие на человека" / "состояние неодушевленного субъекта"; "физическое воздействие" / "психическое воздействие" / "физическое состояние" / "психическое состояние"

Все регулярные модели переноса наименования в смысловой структуре глаголов состояния можно классифицировать в соответствии с характером переосмысления субъектной семы. Если переосмысление связано с возможностью олицетворения субъекта действия, обозначаемого исходным ЛСВ, или с уподоблением человеческого (одухотворенного) неживому (обыденному, низкому), то производное значение характеризуется образностью, семантической двуплановостью. Когда же при реализации семантического перехода происходит противоположный олицетворению процесс, что связано с выражением отрицательного отношения к обозначаемому состоянию человека, происходит уподобление человеческого неживому, обиходному, обычному, приниженному. Например:

ДОКИПЕТЬ, <...> 1. Кипя, дойти до состояния готовности. <...> 2. *Перен.* Сердясь, горячась, дойти до состояния крайнего раздражения, выйти из себя. *Дед докипел, что чуть не помер.* Тр. [СБГ, т. 5, с. 27].

Очевидно, что отношения регулярной полисемии между различными глагольными ЛСГ в брянских говорах образуют систему, которая и предопределяет характер семантического развития диалектного глагола. Исходные значения диалектных глаголов, получающие однотипную семантическую характеристику, развивают и однотипные производные значения. При этом каждому типу семантического перехода соответствует определенный способ (или способы) переноса наименования. Результат метафоризации определяется действием модели регулярной многозначности, то есть типу и способу семантического перехода соответствует характер мотивационных отношений между исходным и производным ЛСВ в синхронном плане.

Полисемия в диалектной системе шире, чем в литературном языке, так как семантическая деривация в говорах имеет более свободный характер. В говорах одна и та же модель регулярной

полисемии может быть реализована не один раз в смысловой структуре глагола; чем больше действий, называемых глаголами одной семантической группы, могут быть определены по признакам, отраженным в семной структуре основного значения, тем большим количеством производных ЛСВ обладает диалектная лексема.

*Лексикографическая интерпретация семантической структуры производного глагола**

Основные проблемы глагольной лексикографии связаны с онтологической сложностью объекта описания. Значения глаголов (и в русском литературном языке, и в диалектах) многомерны в силу особого взаимодействия лексических и грамматических компонентов акциональной семантики. Не последнюю роль в этом взаимодействии играет своеобразный фон словообразовательной мотивации, производности, определяющий многие особенности глагольных значений.

Весьма актуальными в связи с этим оказываются разнообразные аспектологические исследования русского глагола, в частности – изучение особой функционально-семантической зоны взаимодействия лексических, грамматических и словообразовательных компонентов глагольного значения – способов глагольного действия (СД).

В аспектологической литературе нет единого подхода к СД. Выделяются, как правило, два: "широкий" и "узкий"

В соответствии с "широким" подходом СД – собственно семантические группировки глаголов. М.А. Шелякин определяет СД следующим образом: "...способы действия – это морфемно характеризованные и нехарактеризованные значения отдельных глаголов и их разрядов, указывающие на характер протекания во времени предельных / непредельных действия" [Шелякин, 1987, с. 66]. При таком понимании одни СД обладают формальными признаками, другие – нет; более того, существуют группировки так называемых непоследовательно характеризованных СД, Следовательно, любой русский глагол может быть отнесен к какому-либо СД.

Более предпочтительным представляется другой, "узкий" подход, в соответствии с которым СД определяются как "такие семантико-словообразовательные группировки глаголов, в основе которых лежат формально выраженные модификации (изменения) значений беспрефиксных глаголов с точки зрения временных, количественных и специально результативных характеристик" [РГ, 1980, с. 596]. Особо значимым в этом определении является указание на словообразовательную семантику. Оно позволяет более точно определять значения производных (мотивированных) глаголов и более строго решать вопрос о видовой соотносительности (парности), что существенно для лексикографической практики (ср. использование в словарных статьях отсылочных толкований типа: "*Несов. к ...; Сов. к* ").

Существенную роль при описании значений производного глагола играет анализ семантической структуры словообразовательного форманта. В настоящем разделе круг этих формантов ограничен префиксом, структура которого включает в себя два семантических компонента: видовой – перфективатор (Perf) и словообразовательный – дериватор (D_n, где n – любой дополнительный смысловой оттенок: временной, квантитативный, результативный и т.п.).

Префикс может быть 1) собственно перфективирующим (изменять видовую принадлежность глагола, не затрагивая его лексического тождества), 2) деривационно-перфективирующим (изменять видовое значение и вносить дополнительные оттенки в значение лексическое), 3) в некоторых случаях – собственно деривационным (существенно изменять лексическое значение)[19].

Предложенная классификация может быть представлена схематически: 1) Perf + D_0; 2) Perf + D_n или D_n + Perf (порядок частей зависит от степени значимости компонентов в каждом конкретном случае); 3) D_d (+ Perf).

Приведем примеры. Первому типу соответствуют пары глаголов, подобные следующей: *делать – сделать*, лексическое значение которых тождественно, что позволяет в словарной статье производного глагола ограничиться отсылочным определением "*Сов. к* **делать**" Второй тип (одна из его разновидностей): *стрелять – настрелять*, где префикс меняет грамматическое значение и вносит

[19] О семантической структуре перфективирующего суффикса см.: [Соболева, 1984].

количественно-результативный оттенок в лексическое, что требует обязательного семантического толкования производного глагола. Третий тип может быть представлен парой *брать – выбрать.* Глагол выбрать является производным по отношению к брать, однако отношения мотивации здесь уже ослаблены, речь не может идти не только о видовой паре, но и о СД. За пределами классификации остаются единичные случаи типа: *глядеть – выглядеть*, где мы имеем дело не со словообразовательной моделью, а с калькой.

Нетрудно заметить, что три типа префиксации связаны соответственно: 1) с видовой парой, 2) со СД, 3) с особыми словообразовательными классами глаголов.

Спектр значений, передаваемый одной и той же приставкой, может быть достаточно широким, неоднозначным и даже противоречивым по своей структуре, что позволяет исследователю во многих случаях делать выводы о префиксальной омонимии. Так, и Словарь русского языка в 4-х томах (МАС), и Словарь брянских говоров (СБГ) отмечают, что приставка *вы-*, присоединяясь к производящей основе, способствует выражению производным глаголом различных дополнительных оттенков, например: локативности (*бросить – выбросить*), интенсивности (*просить – выпросить, белить – выбелить*), результативности (*болеть – выболеть*).

Однако особую актуальность приобретает вопрос о типологии и вариативности значений одного и того же производного глагола, образованного от производящей основы с помощью одного и того же (хотя бы с точки зрения внешней, формальной) префикса. В качестве конкретного предмета исследования выбираем глагол *побить,* семантически и словообразовательно связанный с непроизводным глаголом *бить.*

Глагол *бить*, по данным 1-го выпуска СБГ [СБГ, 1976, с. 54–55], имеет 17 значений. Будем считать, что словарная статья абсолютно полно отражает семантическую структуру выбранного глагола, и приведем ее с некоторыми сокращениями в иллюстративной части.

БИТЬ, ью', ье'т, *несов., перех.* и *неперех.* 1. Наносить удары, колотить кого- что-л. *Гуси ходят семьями, другую статью не подпустят, и если свой попадется, бьют его, хоть в другой табун неси.* Тр. *Если пшеница будет в мешочках, то зерно это бутуют – бьют цепами, чтоб очистить от рубашки.* Навл. 2. Ударять,

стучать по чему-л. *Ногами бухаешь, по воде бьешь.* Пог. 3. Производить выстрелы. *С кустов этих били партизаны.* Почеп. 4. Лишать жизни, умерщвлять. *Вот этих кабанов били на праздники.* Тр. 5. Раздроблять, раскалывать на куски. *Сырокващники: льют сырокващу, бьют яички.* Унеч. *Взяли сеть да и бурили там лед, секли пролупку, лед били.* Бр. // Расщеплять бревно на части. *Для дела бьют сосну на лаки.* Клетн. (Кашу бить. обряд. Элемент обряда крещения, заключающийся в следующем: бабушка приносит к столу горшок с кашей и «продает» кашу, кто больше заплатит (обычно кум), тот разбивает горшок, кашу раздают гостям. Деньги берет себе бабушка или мать ребенка. *Как хрестбины гуляют, кум кашу бьет, кладут подарки, кладут гроши и кашу едят, кто хочет кашу побить, более всех денег кладет.* Ун. 6. Всаживать ударами, вколачивать. *Это для моста били сваи, назвать можно бабка.* Тр. 7. Вызывать дрожь, трясти при болезни. *У моей малой был грипп, а перед смертью приключился детский, бьет дитенка, до смерти убивает.* Пог. (Бьет листопадок (какая-то болезнь). *Убей тебя листопадок, бьет его листопадок, в синяках он весь.* Клетн. 8. Вытекать, течь стремительно (о воде). *Ключ сам по себе бьет в речушки.* Суз. 9. О стремительном перемещении снега при сильном ветре. *Сильный туболь – это крепко сверху и снизу бьет снег и ветром.* Бр. 10. Вырубать, уничтожать (о деревьях). *Бьют лес – это значит режут, валят, рубят лес.* Суз. 11. Приводить в негодность, изнашивать. *Лапти бьешь.* Суз. 12. Взрыхлив вокруг землю, приваливать ее к стеблю чего-л., окучивать. *Пойдем картоху бить.* Бр. 13. Проедать, делать в чем-н. отверстия. *Лисички кустиками растут, их червяк не бьет.* Ун. 14. Издавать громкий звук, грохотать, греметь. *Гром бьет, а молонья бляскает.* Дубр. 15. Исполнять какой-н. танец, плясать. *Такую песню заведем веселую, что пара пойдет танцевать, она ногами топочет, это все равно – пустилась бить, танцевать.* Дубр. 16. Упрекать в чем-н., выражать неодобрение. *Вильчинки сыны стали бить: ты найден, ты нам не нужен, тебе здесь земли нету.* Ун. 17. Стремиться быть сходным с чем-л., равноценным чему-л. *Деревня бьет за городом.* Навл.

Анализ материалов Картотеки СБГ позволил нам выделить в семантической структуре глагола *побить* 19 значений (ср. с 6-ю значениями глагола *побить* в МАС), которые с учетом особенностей взаимодействия словообразовательных, лексических и грам-

матических компонентов можно объединить в три типа: а) непосредственно, б) опосредованно, в) потенциально соотносимые со значениями производящего глагола. Обращение к материалам КСБГ объясняется простым обстоятельством: интересующий нас словарный материал еще не опубликован.

А. **Значения глагола *побить*, непосредственно соотносимые со значениями производящей основы.**

Эта соотнесенность объясняется причинами собственно грамматическими (создание видовой пары) и лексико-грамматическими (выражение значений СД).

1. Собственно видовое противопоставление возникает в том случае, когда семантическая схема префиксации получает следующее выражение: Perf + D_0. Это означает, что приставка *по-* изменяет грамматическое значение вида, абсолютно не затрагивая лексического значения. Происходит это в тех случаях, когда в значении производящего глагола актуализируется грамматическая сема направленности действия на достижение предела. Перфективирующая приставка сигнализирует о достижении обозначенного предела.

Сема предельности может актуализироваться в 1-м, 5-м и 13-м значениях глагола *бить.*

В 1-м значении этот компонент относится к обеим частям толкования: а) наносить удары, избивать (кого-л.) и б) колотить, молотить (что-л.), что и позволяет определить 1-е значение производного глагола *побить* как "*сов. к* бить 1" Ср. примеры из КСБГ: *Подосинские ребята побили шофера.* Кар.; *Побатуют ее (пшеницу) цепами, побьют, а потом веют.* Сев.

В качестве иллюстрации к 5-му значению СБГ приводит пример, в котором глаголы *бить – побить* непосредственно противопоставляются друг другу по направленности действия на предел / достижению предела: *Как хрестбины гуляют, кум кашу бьет, кладут подарки, кладут гроши и кашу едят, кто хочет кашу побить, более всех денег кладет, кум.* Ун.

Приведем пример, где глагол *побить* употребляется в значении, соотносимом с 13-м значением глагола *бить*: *Жуки картоху побили.* Тр. Как и в двух предыдущих случаях, дифференциальной семой для значений глаголов, находящихся в отношениях словообразовательной (в данном случае лучше – формообразовательной) мотивации, является сема грамматическая, видовая.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о наличии в семантической структуре глагола *побить* трех значений, определяемых его видовым противопоставлением производящему глаголу. Собственно грамматический характер этих значений обусловливает использование в качестве толкований отсылочные пометы, каковыми в данном случае являются: 1. *Сов. к* бить 1.; 2. *Сов. к* бить 5.; 3. *Сов. к* бить 13.

2. Значения СД, реализуемые глаголом *побить.* Как уже отмечалось, эти значения являются морфемно характеризованными (семантико-словообразовательными) модификациями значений бесприставочного глагола *бить.* Префиксация в данном случае имеет характер не собственно грамматический (перфективирующий), а лексико-грамматический, или, что более точно отражает суть явления, грамматико-лексический (перфективирующе-деривационный), и развивается по схеме Perf + D_r, где D_r – деривационный компонент со специально-результативным значением.

Таким образом, приставка меняет видовую принадлежность глагола и, не изменяя основного лексического значения производящего глагола, вносит тем не менее в него некоторые дополнительные смысловые оттенки. В данном случае речь идет о специально-результативных значениях: дистрибутивно-суммарном (4 – 8) и количественно-интенсивном (9).

Ср.: 4. Убить, умертвить всех, многих. *Что ему не хватало, немцу. Сорок пять человек в нашей деревне побили.* Тр. *У нас в реках вся хорошая рыба перевелась. Побили ее толом, гранатами.* Суз. 5. Вколотить, вбить в землю все, многое. *Когда колхозы делали, то агрономы ходили да побили столбы по участках, а бабки пошли да порвали их.* Тр. 6. Привести в негодность, износить все, многое. *Побила чеботы.* Суз. 7. Повредить во многих местах ударами, толчками. *А мне его осколкой всю ногу побило.* Тр. 8. Разбить, раздробить на части все, многое. *Брат окно у меня побил.* Тр. 9. Ударом или ударами нанести незначительные повреждения. *Дежку вчера побила чуток. Вишь, побитая стоит.* Тр.

Дистрибутивно-суммарный и количественно-интенсивный оттенки получают в приведенных примерах и эксплицитное контекстуальное выражение: кванторные слова (*весь, вся, все*), формы множественного числа (*столбы*), количественные (*сорок пять человек*) и обстоятельственные (*чуток*) показатели.

Б. **Значения глагола *побить*, опосредованно соотносимые со значениями производящей основы.**

Имеются в виду те случаи, когда производные значения не имеют прямых соответствий со словарной статьей глагола *бить* и связаны с производящими по периферийным семам. Префиксация такого типа является деривационно-перфективирующей и может быть представлена следующей схемой: D_r + Perf (ср. с предыдущей схемой). Иными словами, приставка *по-*, перфективируя глагол, способствует существенному изменению мотивирующего значения, однако мотивационные основания развития производного значения все же сохраняются, что позволяет интерпретировать такие факты, как СД.

Ср.: 10. Нанося несильные удары, выправить, подправить (о косе). *Косу побьют молоточками.* Тр. В данном случае связь со 2-м значением *бить* в СБГ, на первый взгляд, кажется очевидной. Но это не совсем так. Очень (если не самым) существенным в структуре анализируемого значения является указание на определенный объект и цель действия. Характер действия для 10-го значения глагола *побить* – сема относительно периферийная, хотя и легко вычленяемая в семантической структуре. Важно отметить и то, что *побить* в этом значении обладает количественно-интенсивным признаком и может быть охарактеризован как глагол специально-результативного СД. Отметим, что указанного значения нет в словарях русского литературного языка.

Ср. два следующих значения: 11. Разделить, раздробить все (всех) на части, группы. *Нас побили на десять душ и повели.* Бр. 12. Уничтожить, повредить посевы чего-л., какую-л. растительность (о неблагоприятной погоде, стихийном бедствии и т.п.). *Лист град побил или червяк объел.* Тр. Связь этих значений с производящим глаголом еще более ослабленная. Сему "разделить" нельзя непосредственно соотнести с семами "раздроблять", "раскалывать" в 5-м значении глагола *бить* так же, как 12-е значение *побить* с 13-м значением *бить* (проедать, делать в чем-л. отверстия). 11-е и 12-е значения глагола *побить* связаны с мотивирующими значениями лексико-грамматической семой результата в дистрибутивно-суммарной разновидности.

В. **Значения глагола *побить*, потенциально соотносимые со значениями производящей основы.**

Указанные значения лишь потенциально, условно можно соотнести со значениями глагола *бить*, так как многие из составляющих их сем невозможно обнаружить даже на периферии значений производящего слова. Префиксация может быть представлена схемой D_d (+ Perf).

Производные значения этого типа существенно отличаются от производящих, выявление характера мотивации требует дополнительных исследовательских усилий: восстановления пропущенных в семантической цепочке компонентов, учета всевозможных коннотативных элементов, определения степени окказионализма и т.п. В связи с этим возникает вопрос о возможности "скрытой" мотивации. С точки зрения грамматической, следует отметить, что форму СВ глагола *побить* в исследуемых значениях сложно соотнести с бесприставочным глаголом НСВ. Однако эта форма способна имперфективироваться и образовывать собственное видовое противопоставление в иной плоскости *(побить – побивать)*. Все это и позволяет характеризовать префиксацию D_d (+ Perf) как собственно деривационную. Следовательно, в этом случае нельзя говорить о СД.

Ср.: 13. Победить в состязании, споре; пересилить, одолеть. *Даже земская управа не побила попа.* Почеп. Интересно заметить, что в МАС это значение подается как одно из главных в семантической структуре глагола *побить* и соотносится с подобным значением производящего глагола. СБГ не выделяет такого значения у глагола *бить*, более того – глагол *побить* в указанном значении представлен единичным примером.

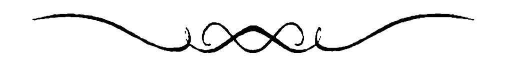
Все последующие примеры иллюстрируют сугубо диалектные значения глагола *побить*, не отражаемые словарями русского литературного языка. Ср.: 14. Перекрыть, заглушить (о голосе). *Я на высочках не могу долго тянуть, если не потянет один человек, нужно, чтоб голос побил все голоса.* Тр. 15. Рывками или резким движением порвать. *Белянка побила поводок и ушла.* Тр. 16. Сорвать с дерева, кустарника. *Не дали ягодам поспеть, зеленые побили.* Тр. 17. Довести до болезненного состояния, измучить. *Сейчас побили нас работою.* Кар. 18. Расстроить что-л., прекратить. *Вот приехали ко мне, побили наш разговор.* Тр. 19. Отправить куда-л., кому-л., отправить телеграмму. *А Марина, сношечка моя, мне телеграмму побила, что Ваня жив.* Тр.

Последний пример требует некоторых комментариев. Строго говоря, это значение следовало бы отнести к типу значений, непосредственно соотнесенных с мотивирующим глаголом, так как СБГ приводит как устойчивое выражение *бить телеграмму* (в этом случае речь могла бы идти о диалектной видовой паре), однако как особое, занимающее свое место в семантической структуре глагола, это значение не выделено.

Вопрос о том, можно ли квалифицировать глаголы в приведенных примерах (14–18) как СД, достаточно сложен и по всей вероятности предполагает отрицательный ответ (если исследователь остается в рамках "узкого" подхода к СД), так как в строгом смысле здесь нет семантико-словообразовательных модификаций значений бесприставочного глагола *бить*. В толкованиях отражаются не особенности протекания, не специфика результата действия, обозначаемого производящей основой, а качественно иные процессы и их результаты, что и позволяет трактовать такие случаи как особые словообразовательные разряды диалектных глаголов.

Таким образом, рассмотренными оказались 19 значений диалектного глагола *побить*, выделенные на основании примеров КСБГ.

Эти значения охарактеризованы с точки зрения их грамматического, грамматико-лексического, лексико-грамматического и собственно лексического взаимодействия со значениями производящего (мотивирующего) глагола. Предложены толкования каждого значения, однако не следует воспринимать их как готовую словарную статью, предназначенную для использования в последующих выпусках СБГ, так как здесь не проанализированы внутрисловные связи между выявленными значениями глагола *побить*; представленный порядок значений отражает семантическую структуру глагола в самом общем виде. Нам было важно на данном этапе исследования обозначить в самом общем виде основные принципы лексикографической интерпретации диалектного производного глагола.

СЕМАНТИЧЕСКИ СБЛИЖЕННАЯ ЛЕКСИКА В БРЯНСКИХ ГОВОРАХ

*Общая характеристика**

Обозначившееся в 80-90-е годы смещение акцентов в исследовании диалектной лексики было связано с постепенным утверждением *системоцентрического* подхода к словарному составу народных говоров. Это определило и современные ориентации в изучении диалектной синонимии: рассмотрение ее в связи с другими видами лексических парадигм, компонентный анализ синонимов, использование метода семантических полей в характеристике отношений семантического сходства[20].

Углубившиеся в последние десятилетия представления о системной организации лексики определили новые подходы к словарному составу говоров. С одной стороны, представляют интерес семантические связи слов в лексической системе диалекта (о перспективности системного подхода к изучению лексики говоров убедительно свидетельствуют современные исследования диалектологов), с другой стороны, нуждаются в дальнейшем изучении все усложняющиеся отношения диалектной лексики и лексики литературного языка.

Для характеристики новых семантических связей в брянских говорах приведем некоторые примеры. В глаголе ***аннулировать*** ядерным оказывается компонент "уничтожение, исчезновение чего-либо" На основе этого компонента сближаются слова ***аннулировать*** и ***ликвидировать***. В речи носителей говора, в отличие от литературного языка, сфера употребления этих слов оказывается предельно широкой, устойчивые в литературном языке семантиче-

---

* © В.Д. Черняк, 1999. Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда согласно проекту 96-04-06407.

[20] См., например: [Казакова, 1985; Раков, 1988].

ские связи претерпевают значительные изменения. Ср.: *В революцию богатых и помещиков аннулировали, ликвидировали. Таперь ровно живут; Кохты таперь аннулировали: платья носят.* Интересную трансформацию претерпевает глагол ***атрофироваться***, в литературном языке имеющий значение "подвергаться атрофии – уменьшению объема клеток ткани вследствие нарушения их питания, ослаблению, омертвению" [БАС]. Компонент "уменьшение, исчезновение" в семантической структуре диалектного слова – приобретает доминирующее место. Слово в брянских говорах начинает употребляться в значении "прекратить делать что-н., отказаться от чего-л.", становясь синонимом глаголов *прекратить, перестать.* Ср.: *Сейчас уж мыло брать атрахфировались, всё порошок берут; С девочками я совсем атрахфировалась от господа бога.* Такие явления представляют несомненный интерес для выявления активных процессов в диалектной лексике.

Надежной базой для исследования системных связей лексики говоров являются диалектные словари полного типа, отчетливо представляющие отношения собственно диалектизмов и лексики, общей для диалекта и литературного языка. Имеются в виду такие лексикографические труды, как Псковский областной словарь, основанный Б.А. Лариным, и Словарь брянских говоров, основанный В.И. Чагишевой. Работа над дифференциальным Словарем брянских говоров позволила вскрыть новые аспекты парадигматических, в том числе синонимических, связей в лексической системе говоров.

При всей сложности адекватного отражения многообразных семантических связей лексических единиц в региональном словаре материалы СБГ свидетельствуют, что лексико-системные связи, характерные для литературного языка (синонимические, антонимические, гипонимические и др.), с достаточной степенью очевидности прослеживаются и в говорах. Как отмечает Э.В. Кузнецова, "самым важным, с точки зрения лексической системы типом классов слов являются лексико-семантические группы. Они объединяют в себе слова одной части речи, в которых помимо общих грамматических сем имеется как минимум еще одна общая сема – категориально-лексическая (архисема, классема)" [Кузнецова, 1982, с. 76]. Таким образом, в лексико-семантической классификации словарного материала чрезвычайно значимой оказывается частеречная семантика лексических единиц. Как известно, иссле-

дования диалектной лексики опираются в первую очередь на имена существительные, в меньшей степени – на прилагательные, и значительно реже исследуются глаголы. В региональных словарях представленность именной лексики также значительно выше, чем признаковой. При обращении к диалектному материалу необходимо иметь в виду и специфику его фиксации, ситуативную обусловленность бесед с информантами, особую значимость в этих беседах именной лексики. Показательно, например, исследование ЛСГ с опорным словом "ветер" в брянских говорах (***ветрик, ветерок, ветрушка, ветрина, ветриво, ветрило, буран, буй, буян, буря, бурелом, ураган, импет, вихрь, вихорь, бурун, выворот, суховей, юга***), проведенное О.Б. Пойда [Пойда, 1985], исследование названий музыкальных инструментов в брянских говорах (***дудка, дудочка, кувиклы, кугиклы, пипочка, пищик, свистёлка, сопёлка, тетелька, тетёрка, гармоля, гармоника, гармоничка, жалейка, ливенка, тальянка, балабайка, балаболка, звякотки*** и др.), проведенное Н.С. Песковой [Пескова, 1985].

Глагольная лексика вследствие особой сложности ее семантики представляет большие трудности для лексикологов, лексикографов, диалектологов; системное изучение глагольной лексики в говоре неизбежно связано с решением целого ряда особых проблем. По справедливому замечанию Э.В. Кузнецовой, "релятивный и более отвлеченный характер лексического значения глаголов, их уникальная предикативная функция определяет то, что в глаголе роль внутриязыковых факторов проявляется сильнее, чем в других частях речи. Это в свою очередь обусловливает особый характер лексико-семантических группировок глаголов и делает их особенно благоприятным материалом для исследования системных отношений в лексике" [Кузнецова, 1974, с. 4].

Несомненный интерес для выявления своеобразия лексики говоров в сопоставлении с лексикой литературного языка представляет распределение глаголов по лексико-семантическим группам, выявление наиболее широких по объему ЛСГ, исследование взаимосвязей их членов. Именно в пределах ЛСГ особенно очевидными становятся и различия между синонимами, и другие типы семантических сближений. Необходимым при выявлении особенностей членов ЛСГ оказывается как анализ совокупности контекстов употребления, так и компонентный анализ значений.

Остановимся подробнее на характере семантических связей глаголов в говоре, на типах семантических сближений, которые наблюдаются в диалектной речи, отражая определенные явления лексической системы говора.

В лексике брянских говоров четко выделяются лексико-семантические группы глаголов движения, речи, чувственного восприятия, поведения. Типична для диалектной лексики группа глаголов, обозначающих различные трудовые, производственные процессы. Состав этой группы шире, чем в лексике литературного языка. Подчеркнем при этом, что нередко, особенно при обращении к глагольной лексике, бывает трудно разграничить ЛСГ и тематические группы [Филин, 1982, с. 231–233]. Ср.: ***ботавить*** "молотить хлеб в снопах, обивая только колосья, так, чтобы сохранить солому в немятом виде"; ***буртовать*** "укладывать картофель в груду или в яму, утепляя слоями соломы и земли для хранения в зимнее время"; ***бучить*** "отбеливать, выдерживая в горячем щелоке (о белье); ***валить*** "изготовлять из шерсти путем катания, сбивания в плотную массу"; ***вершить*** "заканчивать стог, конусообразно складывая верхнюю часть"; ***всклычить*** "с помощью палки размягчить, очистить от костры, взлохматить, взъерошить (о волокнистых растениях)"; ***вскородить*** "взрыхлить, обработать бороной вспаханную землю"; ***гнетануть*** "сжать, придавить жердью уложенные на возу снопы, сено, солому и т.п.", ***горнить*** "переворачивать, разгребать (сено, солому, угли и т.п.)"; ***дежнить*** "пропитывать специальным раствором, квасцевать" В речи носителей говора глаголы этой группы, отражающие характерную для народной речи детализацию при обозначении трудовых процессов, выстраиваются в текстовые парадигмы (под текстом в данном случае мы имеем в виду речевое произведение носителя говора). Ср.: ***волочить*** "рыхлить землю после посева зерновых, закрывая семена" (*Землю пахали сохами, потом скородили, перепахивают, сеют и волочут, эта уже зерно закрывают; Поскородят, пашут, потом волочут*).

Н.П. Потапова, исследуя глаголы ЛСГ обработки предмета в говорах и отмечая особую распространенность лексических средств, отражающих "ежедневный быт и постоянный труд человека", выделяет три подгруппы в составе ЛСГ: 1) глаголы, обозначающие воздействие на предмет с целью создания нового предмета; 2) глаголы, обозначающие воздействие на предмет с целью его

изменения, первичной обработки; 3) глаголы, обозначающие воздействие на предмет с целью его изменения, которое сопровождается перемещением предмета [Потапова, 1988, с. 35]. Материалы СБГ и картотеки брянских говоров показывают, что особенно распространены глаголы второй и третьей подгрупп.

Среди наиболее богатых лексических парадигм закономерно оказалась ЛСГ глаголов речи (и в литературном языке она оказывается одной из наиболее протяженных). Лишь по представленности в первых выпусках Словаря брянских говоров ее состав превышает 40 глаголов, приводимые же в иллюстративном материале лексические парадигмы, выстраиваемые носителями говора, значительно увеличивают это число. В центре ЛСГ оказываются глаголы ***говорить, баять, беседовать***. В структуре ЛСГ представлено значительное количество синонимических рядов, антонимических пар и групп. Большое количество глаголов уточняет характеристику речи, вступая с глаголом ***говорить*** в семантические оппозиции. Различительные признаки глаголов выявляются в условиях контекста, что отражено в иллюстративном материале СБГ (здесь и далее диалектный материал представлен с использованием орфографического принципа подачи, принятого в новом, дифференциальном варианте Словаря брянских говоров. Ср.: ***аркать*** "громко говорить, кричать" (*Чего ты аркаешь, разбудишь дитёнка*), ***балмотать*** "говорить быстро, много, громко и бестолково" (*Аж в ушах лущит до сих пор от казака Максима. Понёс од деда-шведа. Весь вечер балмотал. Вот ужо язычок, как у ванькиной матки; Я балмачу, ничёго не выходит; Мне 72 года, ей было 94, с месяц лежала, язык отнялся, так балмочит, я ни пойму*). В пределах рассматриваемой группы обнаруживается ряд микропарадигм, объединенных уже не только по ядерному семантическому компоненту, но и по более частным совпадающим семантическим признакам, наблюдаются разные виды семантических связей: синонимия, антонимия, гипонимия, а также иные отношения семантической близости. Так, в ЛСГ глаголов говорения можно выделить микрогруппу (синонимический ряд), объединенную значением "болтать, пустословить" Ср.: ***баляскать*** (*зубами баляскать*) "болтать, пустословить" (*Картошку, свеклу, хлеб, гречиху ели, а кто зубами баляскал, это поленивей*), ***балясничать*** "то же, что баляскать", ***бубенить*** "говорить много и попусту, болтать" (*Пустая баба, говорит много, бубенит всё, не люблю слушать её*), ***бряскать*** "болтать, пустосло-

вить" (*Не бряскай, чего зря, если ни знаешь; Бряскаешь ты, што попало*), ***варзакать*** "болтать, пустословить" (*Не варзакай ты ерунду всякую; Варзакаешь что зря*), ***верзить*** "говорить ерунду, нелепицу, болтать" (*Не верзю абы что. Верзи – неправду говори*). В приведенных примерах наблюдается типичное как для литературного языка, так и для диалектной речи "согласование смыслов", при котором наличие того или иного различительного признака в значении слова подтверждается соответствующим компонентом в значении сочетающейся лексемы.

Обращаясь к истокам синонимических отношений в диалектной лексике, Л.И. Баранникова видит их прежде всего в столкновении диалектных и общенародных слов, а также в столкновении разнодиалектных слов [Баранникова, 1962, с. 103]. Действительно, слова литературного языка, в том числе и заимствованные, попадая в лексическую систему говора, нередко переосмысляются, входят в новые синонимические ряды. "Явление синонимии – универсальное явление, соединяющее языковые факты во времени, в локальных и социальных вариантах" [Брагина, 1978, с. 69], с этим связана принципиальная открытость синонимических рядов.

Богатство синонимических связей в лексике говоров демонстрируют достаточно развственные синонимические ряды, связанные общим семантическим ядром и обладающие большим или меньшим количеством дифференциальных семантических признаков. Ср.: ***вырастить*** "вскормить, воспитать", ***воспитать*** "вырастить кого-л., оказывая воздействие на его развитие", ***вылюдить*** "вырастить, воспитать", ***вылюлькать*** "вынянчить, вырастить", ***выкохать*** "вырастить, воспитать", ***высхолить*** "ухаживая, взрастить, вырастить", ***выхолить*** "воспитать, вырастить заботливым уходом", ***выходить*** "заботливо вырастить, воспитать", ***возлелеять*** "вырастить в заботах, ласке и нежности" Общее семантическое ядро, совпадающее со значением опорного члена ряда, эксплицировано в словарных толкованиях каждого из синонимов. Менее четко проявляются в толкованиях различительные признаки, которые в значительной степени связаны с внутренней формой глаголов.

Исследования синонимических связей в лексической системе литературного языка подтвердили закономерность и регулярность семантических отношений не только в пределах синонимического ряда, но и между разными рядами, связанными по основным системным линиям. Типизация этих отношений позволила выделить

типы синонимических рядов[21]. Актуальным представляется вопрос о характере и типах синонимических рядов в лексической системе говора, о видах семантических сближений в речи носителей говора как отражении определенных системных связей глаголов. Опыт выявления типов синонимических рядов в брянских говорах представлен в статье А.В. Корольковой [Королькова, 1976], где автора интересует прежде всего две проблемы: соотношение полисемии и синонимии и роль аффиксального словообразования в организации глагольных синонимических рядов.

Тесная связь синонимических и словообразовательных отношений особенно часто прослеживается в соотносительных синонимических рядах, объединяющих производные слова, повторяющие (полностью или частично) лексико-семантические связи производящих богатство глагольной синонимики в значительной степени определяется широкими возможностями внутриглагольного словообразования, префиксального и постфиксального. Постфикс, кроме формального выражения значения непереходности, придает глаголу дополнительные значения. Нередко глаголы, образованные от глаголов же при помощи постфикса -***ся***, объединяются в синонимические ряды, повторяя при этом (полностью или частично) синонимические связи производящих слов. Это явление широко распространено и в лексике говоров. Ср.: ***бабахнуть — брязнуть — ахнуть — бахнуть*** "с шумом, грохотом бросить что-н., ударить" и ***бабахнуться — брязнуться — ахнуться*** "неожиданно с шумом, с силой упасть, удариться"

Явлением, сопредельным с синонимией, является очень характерная для говоров вариантность, проявляющаяся в частичном изменении внешнего облика слов, полностью совпадающих по значению: "варианты слов не представляют собой различных слов; они не имеют семантических различий" [Рогожникова, 1966, с. 13]. Ср.: ***вображать*** и ***воображать***, ***возъершить*** и ***взъершить***, ***выкатать*** и ***выкачать***, ***брести*** и ***бресть***, ***бежать*** и ***бечь***, ***ведьмить и ведьмовать, бреговать и брезговать, брязгать*** и ***бряскать.***

Для диалектной лексики в значительно большей степени, чем для литературного языка, характерна лексическая дублетность, фиксируемая в словаре пометой "то же, что..." Ср.: ***буравить*** "то же, что бурить", ***валиться*** "то же, что валить", ***вечерничать***, ***вечерять*** "то же, что вечерить", ***взбеситься*** "то же, что взбелениться",

[21] См.: [Черняк, 1989].

барышковать, барышничать "то же, что барышевать", Однако, по справедливому замечанию Л.И. Баранниковой, в говорах нередко бывает трудно разграничить дублетное и синонимическое употребление слова [Баранникова, 1962, с. 103].

Варьирование морфемной структуры, чаще всего связанное с явлениями вариантности и дублетности, нередко определяет и наличие дифференциальных семантических признаков, в частности, обусловливающих отнесенность глаголов к разным способам действий. Ср. синонимические и дублетные связи таких глаголов в пределах словообразовательного гнезда, как ***блескать*** "сверкать ярким искристым светом", "отражать свет", ***блеснуть*** "сверкнуть, издать яркий блеск", ***блестеть*** "ярко светиться, сверкать, издавать свет", "отражать свет", ***блестить*** "расшивать блестками, украшать", ***блескать*** "вспыхивать (о молнии, зарнице)", ***блискать*** "блестеть, сверкать", ***бли'снуть*** "сверкнуть", ***бляскать*** "то же, что блескать"

Особый интерес представляют гипонимические и синонимические связи глаголов, различающихся семантически и стилистически. Ср., например, нюансировку выражаемых понятий в группе глаголов перемещения объекта: ***бросить*** "кинуть, швырнуть", ***брязнуть*** "с силой, с шумом бросить, кинуть", ***бухнуть*** "стремительно, шумно, с силой сбросить, столкнуть", ***бултыхнуть*** "с шумом бросить, уронить в воду", ***бабахнуть*** "с шумом, грохотом бросить что-н." Следует отметить, что определение различительных признаков синонимов связано с серьезными трудностями. Наиболее надежный и естественный путь при этом – анализ контекстов употребления слова. Стремясь показать место той или иной лексической единицы в ряду других, особенности ее функционирования (это стремление стимулируется ситуацией общения с собирателями диалектного материала), носители говора в своих высказываниях выстраивают лексические парадигмы (синонимические пары и ряды, антонимические пары, гипонимические группы), выявляя в них как отношения тождества, так и отношения семантической и стилистической дифференциации.

Синонимические связи глаголов, имеющиеся в языковом сознании носителя говора, особенно проявляются при совместном употреблении двух или нескольких слов, выявляющем их тесную семантическую близость, а в некоторых случаях и весьма ощутимые семантические различия. Ср.: ***ведать*** "иметь сведения, знать"

(*Кали б знала, кали б ведала млада свою долю разнесчастную, не шла б замуж; Ведаю, знаю – мала кто говорит так*), с отрицанием "представлять, понимать, сознавать" (Что он наделал – и сам ни разумел, и другие ни ведают), ***выскакнуть*** "выпрыгнуть откуда-н." (*Некудысь зайке выспрыгнуть, выскакнуть*).

Глаголы, основное различие в значениях которых связано с разной эмоциональной оценкой, нередко вступают в контекстуальные антонимические отношения. Ср.: ***вахлять*** "делать кое-как, небрежно" (*Вахляет, а не работает, абы день прошёл; Мать работае, а он вахляе*).

По словам Л.А. Брагиной, "каждое слово в словаре "вынуто" из лексической системы, и в то же время каждая словарная статья строится как определенное звено, клеточка в общем сложном многоярусном комплексе, строится на основе системных отношений отдельно взятого слова" [Брагина, 1980, с. 54]. Обращение к материалу СБГ подтверждает справедливость этого положения и для диалектной лексикологии и лексикографии. Иллюстративный материал словаря, донося до нас живую речь носителя говора, убедительно свидетельствует об универсальности синонимии как свойстве языковой системы, о неразрывной связи лексических синонимов с другими семантическими объединениями слов. Диалектный словарь естественным образом сопрягает лексикосистемный, лексикографический и антропоцентрический подходы к диалектной лексике.

Исследование лексического состава русских народных говоров, осмысление на современном уровне сложного взаимодействия диалектных слов в лексической системе говора и их отношений с лексикой литературного языка были бы невозможны без достижений региональной лексикографии. Отмечая активизацию разработки словарного состава народных говоров, Ф.П. Сороколетов пишет: "Словари оказались удобной и экономичной формой исследования языка, и прежде всего его словарного состава" [Сороколетов, 1984, с. 65].

Действительно, словарная дефиниция и словарная статья в целом должны не только в удобной и экономичной форме дать строгую и по возможности исчерпывающую информацию о значении отдельного слова, но и показать место слова в лексической системе, его связи с близкими по значению лексическими единицами. В современной лексикологии общепризнанной является

мысль о том, что "всякое определение лексического значения слова совершается в конце концов путем указания закрепленных за словом семантических признаков, толкование является наиболее эффективным средством анализа и синтеза смысловой структуры слова, его составных компонентов" [Арбатский, 1977, с. 37]. Однако составителям региональных словарей не всегда легко определить, каковы же семантические признаки, объективно закрепленные за диалектным словом.

Усилия лексикографов направлены на поиски оптимальных способов толкования значений слов. До сих пор ведутся оживленные дискуссии о пояснительной силе того или иного способа толкования значений. Особые проблемы возникают при обращении к диалектному материалу, поскольку общие принципы диалектной лексикографии находятся еще в стадии становления.

Особое место в диалектной лексикографии занимает синонимический способ толкования, позволяющий в лаконичной форме отразить существующие в лексике говоров системные связи. Он издавна широко используется словарниками. Литературный язык как "естественный метаязык для описания лексической семантики диалектных слов" [Сороколетов, 1984, с. 74] предлагает широкие возможности синонимических толкований. Исследователи отмечают особую семантическую содержательность синонимических определений. "Замена синонимических определений описаниями неизбежно приведет к более пространному выражению той же семантической информации, тех же признаков, которые содержатся в синонимических толкованиях" [Арбатский, 1977, с. 63].

При толковании слова, функционирующего как в говоре, так и в литературном языке, синонимы обладают достаточной поясняющей силой. Именно синонимы позволяют передать и экспрессию, содержащуюся в значении слова. Ср.: ***вылупцевать*** "побить, отхлестать, отстегать"; ***вымотать*** "изнурить, истощить, измучить"

В то же время необходимо подчеркнуть, что поскольку синонимические описания не раскрывают в полной мере сущность предметно-понятийной сферы толкуемого слова, во многих случаях они неприемлемы. Например, при обращении к глагольной лексике, называющей различные трудовые, производственные процессы, необходимы развернутые описательные толкования.

Особенно велики возможности раскрытия семантических свойств слова, объема его значения не у отдельного синонима, а у

синонимического ряда, восполняющего недостаточную содержательность одного синонима. Синонимический ряд в своей совокупности с достаточной полнотой передает значение диалектного слова, что связано с системной организацией лексики. Как отмечает А.А. Брагина, "словарная статья, выделяющая слово из общей лексической системы, сама строится на системных отношениях описываемого и толкуемого слова... Синонимические, антонимические и родо-видовые отношения связывают слова в сложную систему, подвижную, эволюционирующую. Эти же отношения определяют и семантический объем словарной статьи" [Брагина, 1980, с. 63–64]. Ср. в СБГ: ***бунтоваться*** "беспокоиться, тревожиться, переживать", ***аннулировать*** "ликвидировать, уничтожить", ***грохнуть*** "упасть, повалиться", ***вымыкаться*** "измучиться, исстрадаться" и др. Показательно толкование в СБГ глагола ***гаить*** "кричать, шуметь, браниться" Здесь границы синонимического ряда совершенно справедливо расширяются, для того чтобы более точно очертить сферу функционирования слова. Значения глаголов – компонентов толкования содержат семантические признаки, определяющие их большую семантическую близость и в своей совокупности очерчивающие значение диалектного глагола ***гаить***.

Глагол ***гластиться*** в СБГ во втором значении имеет толкование "блестеть, лосниться (о чистой, гладкой поверхности)" Использование только первого компонента толкования было бы некорректным из-за широты денотативной отнесенности глагола ***блестеть*** (в МАС "издавать блеск, светиться, сверкать"). Второй компонент толкования, напротив, характеризуется узостью значения, ограниченностью синтагматических связей: ***лосниться*** "блестеть, отсвечивать (о гладкой поверхности)"; он более четко описывает семантику диалектного слова, однако именно первая часть толкования сразу указывает на положение диалектного слова в лексической парадигме.

Ярко выраженный дифференциальный признак в значении одного из синонимов, использованных в толковании, может нарушить его семантическое единство. Ср. в СБГ: ***гепнуть*** "бросить, кинуть, швырнуть" Иллюстративный материал не подтверждает наличия в значении диалектного глагола семантического компонента "совершать действие резко или и состоянии раздражения", определяющего экспрессивность слова ***швырнуть*** (*Як ту кудельку я за печку гепну – кину*).

При описательно-синонимическом способе толкования описательная часть призвана с необходимой четкостью определить предметно-понятийную основу значения, синоним же позволяет уточнить место слова в лексической парадигме. Ср. в СБГ: ***вышиться*** "иметь о себе чрезмерно высокое мнение; возноситься, кичиться"; ***гроблять*** "доводить до крайнего утомления, полного истощения сил; изнурять"; ***влипать*** "принимать участие в чужом деле непрошено; вмешиваться"; ***бурлить*** "бить ключом, сильно кипеть, клокотать"

Синонимические толкования, повторяющиеся у группы слов, являются очень важным лексикографическим показателем семантической близости, синонимичности слов в лексической системе говора. Так, глаголы ***брехать***, ***буровить, бурунить*** в СБГ имеют одинаковые толкования – "говорить неправду, лгать"; ***бавкать, балабонить, балагурить, баляскать*** "болтать, пустословить" Однотипные толкования имеют следующие глаголы: ***взлезть*** "цепляясь, карабкаясь, забраться на верх чего-либо, взобраться"; ***вспереться*** "влезть, вскарабкаться"; ***взграбастаться*** "с трудом влезть на что-либо, подняться, взобраться"; ***вздрябаться*** "с трудом, с усилием подняться вверх, взобраться" Ср. также: ***взлелеять*** "воспитать, взрастить, выпестовать"; ***возлелеять*** "вырастить в заботах, в ласке и нежности"; ***вскохать*** "вырастить, воспитать"; ***выкохать*** "вырастить, воспитать"; ***вылюдить*** "вырастить, воспитать"; ***вылюлькать*** "вынянчить, вырастить"; ***выхолить*** "ухаживая, взрастить, вырастить" На различительные признаки членов выстраивающегося таким образом синонимического ряда лучше всего указывает внутренняя форма диалектных слов.

Синонимические толкования убеждают, таким образом, в реальности существования весьма разветвленных синонимических рядов в лексике говоров. Использование синонимического или описательно-синонимического способа толкования выступает как лексикографический показатель организации синонимических парадигм. Региональные словари, широко используя системные связи слов для толкования значений, создают и надежную базу для дальнейших исследований в области лексической синонимии.

По словам Г.В. Колшанского, "построение синонимического ряда в словарной статье есть лишь результат наблюдений над функционированием различных слов, их комбинациями в пределах соответствующего понятийного поля, элементы которого объ-

единяются вокруг смыслового ядра" [Колшанский, 1980, с. 110]. В связи с этим очень важной частью словарной статьи, естественно дополняющей, а нередко и расширяющей информацию, содержащуюся в толковании, являются словарные иллюстрации. Особенно ценными с точки зрения демонстрации системной организации лексики являются такие иллюстрации, которые подтверждают реальность синонимических связей, выраженных в соотношении поясняемой и поясняющей частей. Ср. в СБГ: ***гавкать*** "говорить, рассказывать о чем-либо" (*Я-то и не пагавкала вам, не успела, а она на работу не ходит, сидит и гафкает, говорит.*); ***бабахнуть*** "с шумом, грохотом бросить что-нибудь" (*Дровы несла, ну бабахнуть, ну бросить, что бросить, что бабахнуть*); ***бужиться*** "разрушаться, обваливаться" (*Хата бужится, вся обвалилася*); ***бубенить*** "говорить много и попусту, болтать" (*Пустая баба, говорит много, бубенит всё, не люблю слушать ее*); ***годовать*** "взращивать, вскармливать" (*Буду годовать телушку или поросёна, кормить буду, кто годовать, кто кормить, кто как говорит.*).

Необходимо отметить стремление составителей СБГ к максимальной семантической наполненности словарной иллюстрации, что, несомненно, значительно повышает информационную ценность словарной статьи. Особый интерес представляют те словарные иллюстрации, которые расширяют представления о синонимических связях в лексике говора, поскольку толкуемая лексическая единица выступает в контексте лексической парадигмы, более широкой, нежели синонимический ряд, данный в толковании. Ср.: ***вередовать*** "быть о себе высокого мнения, высказывать пренебрежение к другим; зазнаваться" (*Вередует – задаётся, считает, что лучше всех*); ***горевать*** "страдать из-за чего-нибудь, в связи с какими-нибудь событиями; переживать" (*Жонка волнуется, вся смягла, горюет, переживает*); ***болествовать*** "беспокоиться, переживать" (*Она мне каже: не болествуй, не волнуйся, ён леченый*).

В разработке способов фиксации эмоционально-экспрессивных различий близких по значению слов (что является сейчас одной из сложных проблем диалектной лексикографии) синонимическому способу толкования в сочетании с соответствующим иллюстративным материалом принадлежит большое место.

Оживление исследовательского интереса к проблемам синонимии, отчетливо обозначившееся в последние годы, связано с новыми *антропоцентрическими* ориентациями современной лек-

сикологии и лексикографии. Синонимия, по сути своей воплощающая возможность индивидуального лексического выбора, отражает "непрерывный языковой "обмен веществ": "Все поступающие извне языковые впечатления органически врастают в языковой мир личности. Они модифицируются, окрашиваются по-иному, подвергаются иной фокусировке в той уникальной среде, которая составляет языковой мир данного человека" [Гаспаров, 1996, с. 15]. В этих ориентациях особый интерес представляет диалектная синонимика, в реальном бытовании которой обнаруживаются не только представленные в языковом сознании диалектоносителя архаичные элементы диалектной лексической системы, но и те новые лексические единицы и их модификации, которые обусловлены изменившимися социальными условиями. Ср. в брянских говорах: *"В революцию богатых и помещиков аннулировали, ликвилировали. Таперь ровно живут; С девочками я совсем атрахфировалась от господа бога.*

В закономерностях синонимического варьирования проявляются характерные для русского языка формы концептуализации действительности. Как справедливо заметил О.Н. Трубачев, "синонимическая плодовитость языка проявляется в отношении всего, что связано с человеком" [Трубачев, 1991, с. 267]. Это положение находит подтверждение как в совокупности синонимических рядов, представленных в диалектных словарях, так и в многочисленных записях живой речи, эксплицирующих усилия говорящего, связанные с поиском адекватных ситуации и замыслу лексических средств. Антропоцентрическая лексика – синонимы, объединенные общей идеей человека, – составляют значительную часть синонимических ресурсов брянских говоров.

По точному замечанию Л.Н. Мурзина, "язык в синхронном срезе характеризуется значительной долей неопределенности, в силу хотя бы уже самой формы своего существования, формы, распределенной между носителями, каждый из которых своеобразен и не повторяет другого" [Мурзин, 1990]. Это положение, важное для понимания закономерностей бытования синонимов в литературном языке, приобретает особую значимость при обращении к диалектной синонимии с ее максимально представленной лексической вариативностью.

Проблема синонимии в современном ее понимании неразрывно связана с проблемой языковой личности, поскольку владе-

ние разными способами общения при выражении сходного содержания, связанное с оперированием языковыми средствами, предполагает отношение к языку говорящего. Носитель языка, имея в своем распоряжении широкий круг альтернативных средств для выражения сходного содержания, с большей или меньшей степенью осознанности осуществляет лексический выбор, обнаруживая при этом черты своего речевого портрета. "Акт предпочтения одного языкового средства другому – так же, как и степень его осознанности, – это и есть сам говорящий, "образ автора" данного высказывания" [Винокур, 1989, с. 19].

Индивидуальный запас синонимических средств и близких к ним парадигматически связанных лексических единиц определяет свободу речевого поведения диалектоносителя, его способность приспособиться к разным коммуникативным ситуациям, использовать разные речевые регистры. Ср.: *Раньше говорили вячерить, а теперь – ужинать; По-старинному – давайте вечерить, а чичас – ужинать; Как есть хочешь, вот и говоришь: "Ой, я выхартался", у вас – проголодался; У нас гуляла ни говорят, а де ты всю ночь бродила.*

Нередко, как уже отмечалось, в речи говорящего выстраиваются текстовые лексические парадигмы, включающие синонимы, гипонимы и гиперонимы, конверсивы, семантические и словообразовательные дериваты. Ср.: Вот у нас ***барышники*** – они конями ***торговали***: ***покупали*** на ***ярманке***, в Курскую, в Орловскую ездили, ***продавали, барышничали, купляли, торговали, меняли,*** за тридцать ***купили***, за пятьдесят ***продали***, двадцать рублей ***барыш***, а еще их называли ***маклерами***; ***Маклера*** на ***ярманках*** и на ***базарах барышничали***: ***купляли, продавали*** лошадей, ***обменивали***);Что ты ***безобразничаешь, дерёшься, ругаешься***, как ***напился*** пьяный, так и ***безобразничаешь***).

Акцент, сделанный говорящим на осуществленном им лексическом выборе, обнаруживает осознание своеобразия своей языковой личности, выявляет индивидуальную аксиологическую шкалу. Ср.: *Пустая баба, говорит много, бубенит всё, не люблю слушать её; Послухаете меня, так скажете: во балахлыстка, а я ж не балахлысничаю, правда, не хвастываю. Хватя брындать без дела. Займись чем-нибудь, брындола. Ах ты ж, брындола, я тебе побрындаю. Будешь сидеть под замком.*

Синонимы являются специальным лексическим интерпретационным инструментом, обеспечивающим гибкость речевого поведения. Актуализация синонимов в современной речи носителя говора часто связывается с их метаязыковой функцией. Синонимические замены метаязыкового характера весьма разнообразны и направлены на достижение взаимопонимания между коммуникантами, одним из которых нередко является носитель литературного языка. Различие коммуникативных ролей, в которых приходится выступать диалектоносителю, также предполагает эксплуатацию разнообразных синонимических средств.

*Глаголы речевого воздействия**

Исследование лексической парадигматики в говорах предполагает особое внимание к лексико-семантическим группам. Особый интерес представляют глагольные лексические парадигмы, которым традиционно уделялось меньше внимания, чем словам, называющим предметную лексику говоров.

Глаголы речевого воздействия занимают одно из важнейших мест в структуре ЛСГ глаголов говорения. Особенность рассматриваемой группы в том, что собственно коммуникативная цель отступает как бы на второй план, уступая место рассчитанной цели воздействия на собеседника, побуждению к действию. Вследствие того, что целевая сема 'воздействие' у данных глаголов многообразна и труднопрогнозируема в пределах одного лексико-семантического микрополя, границы которого к тому же представлялись нечеткими и предельно открытыми, место речевого воздействия в структуре коммуникативного акта не было предметом специального лингвистического рассмотрения.

За основу классификации глаголов речевого воздействия в брянских говорах примем классификацию, предложенную Л.Л. Федоровой: "1) социальные воздействия, 2) волеизъявления, 3) разъяснение и информирование, 4) оценочные и эмоциональные речевые воздействия" [Федорова, 1991, с. 47].

Однако для характеристики диалектной лексической системы и ЛСГ глаголов говорения эта классификация нуждается в более детальной разработке. Сам коммуникативный акт на уровне куль-

* © Ю.Б. Лобова, 1999.

турной коннотации связан прежде всего с "сознанием" И в данном случае основную группу глаголов речевого воздействия составляют лексемы, входящие в микрополе глаголов речи ритуально-обрядового действия. Очевидно, что эти глаголы не входят ни в одну из подгрупп, выделенных для системы литературного языка.

Принципиально важной для описания межсловных парадигматических отношений лексических единиц, входящих в лексико-семантическую подгруппу глаголов речевого воздействия, является их связь с обширным семантическим классом глаголов каузации. Естественно, что глаголы речевого воздействия могут быть рассмотрены как каузативные, так как одним из значимых способов каузации (наряду с физическим воздействием) является речевое воздействие. По определению Т.А. Кильдибековой, "каузативные глаголы – это глаголы активного действия, которое осуществляется действующим лицом и вызывает изменения состояний, качеств, свойств другого лица или предмета" [Кильдибекова, 1985-а, с. 65]. Традиционно в зависимости от ситуации выделяют результативную и нерезультативную каузацию. А.П. Чудинов выделяет три типа каузации: фактивную (*приказать, заставить*), пермиссивную (*позволить, запретить*), ассистивную (*помочь, содействовать*), при этом каузация может быть контактной и неконтактной [Чудинов, 1984, с. 96].

На материале первых пяти выпусков СБГ предельно четкая классификация каузативных глаголов в брянских говорах была дана В.Д. Черняк. Из представленных в этой работе групп каузативных глаголов выделим те, в которых способ каузации может быть связан с речевым воздействием. Глаголы диффузной семантики "с возможным совмещением каузативного и некаузативного значений в пределах одной лексемы (***воротить, вразумить...***)"; "глаголы, обозначающие каузацию передвижения или изменения положения в пространстве (***...выгнать, гнать, выслать...***)"; "глаголы, в которых каузируемое действие или состояние носит широкий, абстрактный характер (***вражить, ведьмить...***)" [Черняк, 1989-а, с. 31].

Для классификации глаголов речевого воздействия в говорах определяющим является их семантическая и синтаксическая валентность, а также реальное лексическое наполнение целевой семы. При этом очень важно учесть, в какой мере сема 'говорение'

остается в центральной ядерной сигнификативно-денотативной зоне значения.

Глаголы, обозначающие речевое воздействие с целью каузации изменения положения в пространстве, в брянских говорах образуют обширную группу. В ее составе выделяются два противопоставленных микрополя: речевое воздействие с целью каузации приближения и каузации удаления. В группе глаголов со значением каузации приближения сема 'говорение' является основной, ядерной, то есть архисемой. Опорным в этой группе является глагол, функционирующий во всех пластах русского национального языка.

ВЫЗВАТЬ, *сов.* 1. *кого.* Пригласить или приказать явиться куда-л., вытребовать. *Добрые люди в гости зовут мужика и бабу, а эти вызвали мужука, пошептались, это безлюдье, не почеловеческу.* Суз. *Куда хочут, нехай меня вызовут.* Почеп. *Надо вызвать специалиста, чтоб взять здравое поголовье.* Брас. 2. Сделаться причиной какого-л. явления, дать толчок, способствовать чему-н. *Можно дать ей пачку соды или сала в рот, чтоб вызывать отрыжку.* Пог [СБГ, т. 3, с. 69].

Интересно второе значение этого глагола. Развитие многозначности здесь представлено от конкретного к абстрактному: конкретное волеизъявление — создание причины, вызывающей самый различный результат. Для отражения архаичного языкового сознания можно было бы предположить обратную связь значений. Однако для данного синхронного среза это не представляется возможным.

В глаголе ***взывать*** развитие более абстрактного значения не выводит производный ЛСВ, как в предыдущем случае, за пределы собственно ЛСГ глаголов речи, и даже за рамки рассматриваемой лексической подгруппы. Производная семема входит в семантическое микрополе, объединяющее глаголы с более общим значением 'обращение с просьбой':

ВЗЫВАТЬ, *несов.* 1. *кого.* Звать, приглашать. *Мало батюшку взывают.* Тр. Ключи. 2. Обращаться с просьбой. *Он взывает на Жану: "Дай закуски"* Брас. [СБГ, т. 3, с. 26].

Следует также отметить, что образование производного значения связано с изменением синтаксической сочетаемости.

В данной семантической подгруппе выделяются глаголы со значением каузации удаления. На внелингвистическом уровне типовые (обобщенные) ситуации противопоставлены: каузация приближения – каузация удаления. Однако на уровне лексико-семантической системы противоположность носит асимметричный характер, так как в ядерной зоне денотации данных глаголов выделяется семантический компонент 'каузация удаления' (то есть целевая сема), тогда как сема способа действия 'говорение', 'физическое воздействие' не эксплицирована, она предсказуема, но необязательна, так как удаление объекта может быть достигнуто и другим способом (физическим воздействием, целевой серией последовательных действий). Таким образом, сема способа действия требует актуализации контекстом, в ряде же случаев она вообще нерелевантна для отражения ситуации. Существует несколько принципов выделения и классификации антонимов, но при рассмотрении антонимических отношений в структуре одного глагольного семантического микрополя более всего оправдан подход, предложенный Э.В. Кузнецовой и М.Л. Кусовой. Разрабатывая классификацию глагольной антонимии, они пишут: "В основе ее лежит представление об антонимах как семантических словесных оппозициях, в рамках которых проявляется сходство и различие компонентных структур глагольных слов. Такая трактовка антонимических пар базируется на признании компонентного характера лексических значений слов, которые представляют собой единство иерархически организованных (разрядка моя – *Ю.Л.*) семантических компонентов (сем)..." [Кузнецова, Кусова, 1984, с. 51]. Именно поэтому прежде, чем рассмотреть отношения противоположности между лексическими единицами исследуемых лексических группировок, необходимо выяснить особенности организации семных структур ЛСВ, входящих в микрополе глаголов каузации удаления. Базовой лексической единицей для рассматриваемого микрополя являются ЛСВ сверхмногозначного глагола **гнать** (СБГ выделяет 12 значений). Рассмотрим его первые 5 значений, непосредственно связанных с каузацией перемещения.

ГНАТЬ, *несов.* 1. *кого, что.* Заставлять двигаться в каком-л. направлении. *Чуть только посветлело, конюх гонит табун к реке стеречь.* Бр. || *кого.* Насильно посылать, направлять куда-л. *Немцы наших гонют, а сами маскируются.* Бр. 2. *кого.* Заставлять уйти, удалиться откуда-н.; прогонять. *С гряды гоню курей.*

Почеп. > Гнать в нивершень. Грубо выталкивать в затылок. *Меня батька гнал в нивершень, в затылок.* Ун. > Гоном гнать. Насильно заставлять уйти, удалиться откуда-л.; выживать. *Меня гоном гонют и говорют: кто тебя будет приглядать, а я не пойду, не пойду, я тоточка прожила, процвела, я тут с веку век отжитель.* Клетн. 3. *кого.* Понуждать к быстрому бегу. *Гнали зайцев собаки, чуть в Николаевку не пригнали.* Бр. > Гоном гнать. Принуждать к стремительному перемсщению. *Нас гоном гнал немец, думали: лупка будет.* Дят. 4. *что.* Отправлять вплавь по течению реки; сплавлять. *Это шостик, как гонют плоты, так им поправляют плоты.* Тр. 5. *Безл.* Направлять движение чего-л. В *половодье песку нагоняет, гонит песок и заплывает, заплывание получается.* Рогн. [СБГ, т. 4, с. 26].

Очевидно, что основное значение глагола ***гнать*** входит в лексико-семантическое поле глаголов каузации перемещения (шире – физического воздействия). Второе значение более конкретно: уточняется характер перемещения (удаление), сужается значение объектной семы – прямое дополнение может быть выражено только одушевленным существительным. Представленный в словарной дефиниции глагол *заставлять* подразумевает, в зависимости от ситуации (от контекста), как физическое, так и речевое воздействие, или их совмещение. Характерно, что устойчивые словосочетания ***гнать в нивершень*** и ***гоном гнать*** обозначают только физическое воздействие, что связано также с экспликацией семы 'интенсивность' Как мы увидим ниже, у глаголов речевого воздействия выражение интенсивности связано со смысловым компонентом 'громкость' Таким образом, актуализация коннотативной семы 'интенсивность' актуализирует на сигнификативно-денотативном уровне дифференциацию способа каузации – физическое воздействие/речевое воздействие. Так и конкретизация других сем (третье, четвертое и пятое значения) предполагает физическое воздействие.

Для более общего значения, как упоминалось выше, сема способа действия требует контекстной актуализации, а когда характер каузации нерелевантен для отражения ситуации, сема способа действия носит вероятностный характер. Так, например, глагол ***турнуть*** со значением "Заставить, принудить уйти, прогнать" употребляется в следующих контекстах: "*Гана турнула детей из хаты.* Клим."; "*Ходи отселе, то я тебе турну.* Сев." Первый контекст

не эксплицирует сему способа действия, так как этого не требует описание ситуации, а важна цель. Из второго контекста очевидно, что сема способа действия – ‘физическое воздействие’ (это то, что последует за не приведшим к результату речевым воздействием). Однако конкретизация этой семы также нерелевантна для описания ситуации.

Неслучайно, что в рассматриваемое микрополе входят производные ЛСВ глаголов физического воздействия на неодушевленный объект с префиксом ***вы-***. Например:

> **ВЫМЕТАТЬ**, *несов.* 1. *что и без доп.* Удалять пыль, сор, мусор и т.п. (веником, метлой и т.д.). *Мусор выметаем бараношными метлами. Дят. Веник на палку привязывают и выметают.* Почеп. *Стала выметать, все повыкидывала.* Пог. Чубарово. || Вычищать метением, подметать, обметать какую-н. Поверхность. *Под выметали помелом.* Почеп. *Пироги пекут в печке, прямо на под сажают, под помелом выметают.* Тр. 2. *кого.* Заставлять уйти. *Кум, кума, все гости купляют, кладут гроши; кто больше даст, того и каша; а потом махотку об стол разобьют, а кашу поядут, а черепки на улицу и гостей выметают.* Почеп. [СБГ, т. 3, с. 73–74].
>
> **ВЫКУРИТЬ**, *сов.* 1. *что.* Нагреть топкой, истопить. *Печку выкурю жодинный день, варю поросенку.* Клетн. 2. *Кого, перен.* Принудить уйти. *Их отсюда не выкуришь.* Почеп. [СБГ 3: 72].

Следует отметить различную связь между основным и производным значениями у приведенных выше глагольных лексем. В первом случае происходит метафорическое переосмысление ядерных сем основного значения в результате семантической трансформации объектной семы ‘неодушевленный объект’ – ‘одушевленный объект’ В глаголе ***выкурить*** основное и производное значения относятся к разным словообразовательным типам, обусловленным различными значениями префикса ***вы-***, поскольку эти словообразовательные типы в брянских говорах и в литературном языке совпадают, основное ЛСВ относится к словообразовательному типу глаголов со значением “совершить (довести до результата) действие, названное мотивирующим глаголом” [Русская грамматика, 1980, т. I, с. 359]. Производная семема относится к типу глаголов со значением “удалить(ся), выделить(ся) из чего-н., направить(ся) наружу посредством действия, названного мотивирующим глаголом” [там же, т. I, с. 358]. Связь в последнем случае

между значениями опосредована мотивирующим глаголом, значение которого подверглось метафорическому переосмыслению, а также многозначностью префикса ***вы-***: и в том и в другом случае ЛСВ обозначает действия, доведенные до результата. Если у глагола ***выметать*** отношения мотивации очевидны, то в семантической структуре глагола ***выкурить*** достаточно сложная связь между основным и производными значениями ослабевает, имея тенденцию к полному разрыву, что могло бы привести к образованию словообразовательных омонимов. Однако этого не происходит, так как производное метафорическое значение сохраняет, в отличие от производного значения глагола ***выметать***, живую образность, то есть семантическую двуплановость, что и фиксируется в СБГ пометой "*перен.*"

Глагольные ЛСВ со значением "каузации удаления" и "каузации приближения" на семном уровне имеют различную организацию. У каузативных глаголов приближения сема 'говорение' является ядерной, целевая же сема 'приближение' имеет подчинительный характер, хотя и находится в ядерной зоне денотации. При выражении каузации удаления у прямых ЛСВ сема способа действия (в том числе и сема 'говорение') факультативна или неконкретизирована – предполагаема, вероятностна; у производных семем, развивающихся на базе глаголов физического воздействия, сема способа действия – 'физическое воздействие' входит в ядро сигнификативно-денотативной зоны значения, однако и она также неконкретна, предполагая лишь какое-то недоброжелательное по отношению к объекту действие (или серию действий), в том числе, вероятно, и речевое воздействие. Рассматривая понятия, "как результат целостной совокупности суждений (потенциальную предикацию как результат реальной предикации)", Н.Е.Сулименко опирается на положение современной логики о диалектике взаимоперехода понятия и суждения: "Оно, думается, объясняет не имеющий однозначного истолкования факт включения потенциальных, скрытых сем в структуру, например, лексического значения при вероятностном его истолковании, как и правомерность самого этого истолкования, ибо если считать понятие свернутой формой суждения, то суждения тоже предстают как вариабельные и способные проецировать в понятие разные компоненты; они отражают динамику живой человеческой мысли" [Сулименко, 1991, с. 13].

Сема 'говорение' факультативна, в целом ряде контекстов актуализации семантического компонента способа действия не происходит, таким образом, в парадигматическом плане эта сема носит также вероятностный характер. Таким образом, интегральной (идентифицирующей) семой для обеих глагольных лексико-семантических подгрупп является сема 'говорение', последняя, однако, занимает различное положение в структуре ЛСВ, входящих в разные подгруппы. Связь между глаголами различных подгрупп на уровне смысловой сферы способа действия весьма своеобразна и обнаруживается лишь на сигнификативном уровне, но не на денотативном. У глаголов каузации удаления сигнификативно-денотативная соотнесенность способа действия выглядит следующим образом: недоброжелательное действие (сигнификат) – денотат отсутствует (на уровне определенного выше смыслового отрезка), у глаголов каузации приближения данная соотнесенность иного рода: недоброжелательное действие – речевое воздействие (сигнификат) – речевое воздействие (денотат). При рассмотрении системных отношений глагольных лексических единиц в говорах разведение сигнификативного и денотативного плана значения в ряде случаев важно, что связано со спецификой глагольной семантики. "Глагол есть слово, совмещающее значение предиката и некоторое количество других признаков, вытекающих из семантики субъекта, объектов, трансформаций и перифраз данного предиката, таким образом, предикаты – это особые семантические сущности языка, и они типизируются языком не в форме словарных единиц, глаголов, а в форме пропозициональных функций и соответствующих им "структурных схем предложений" [Степанов, 1998, с. 295].

Связь лексем на уровне общего понятия, а не на уровне конкретного речевого действия (в одном случае оно реально, в другом – предполагается) более выражена на уровне ядерного сигнификативно-денотативного компонента цели действия, который обозначает противоположные единицы смысла в пределах одной семантической сферы – каузация перемещения (удаления/приближения) объекта действия. Лексические единицы разных подгрупп не образуют, несмотря на противоположную направленность обозначаемых действий, антонимических пар. Определяя антонимические отношения, Л.А. Новиков пишет: "В парадигматическом плане у антонимов обнаруживаются в высшей степени сходные

смысловые структуры и компонентные составы элементов их значений. Антонимы (антонимические значения) оказываются противопоставленными по одному существенному дифференциальному признаку (“положительному” – “отрицательному”), так что один из компонентов смысловой структуры данного слова отрицает (и притом предельно) соответствующий компонент противоположного ему по смыслу слова” [Новиков, 1978, с. 12]. В данном же случае полного, симметричного совпадения семных структур нет. К тому же ЛСВ каузации приближения объекта однонаправлен по отношению к субъекту действия и не является таковым у ЛСВ каузации удаления, “слова становятся антонимами, благодаря оценочному, ориентированному относительно чего-то (точки отсчета, нормы) характеру своего значения” [там же, с. 11].

Лексико-семантическое микрополе глаголов каузации удаления также соотносимо с другим микрополем в пределах рассматриваемой лексико-семантической подгруппы глаголов речевого воздействия. Соотносятся они по семе ‘недоброжелательность’ У семем, входящих в это микрополе, которое можно обозначить как группу глаголов выражения недоброжелательного отношения (недовольства), сема ‘речь’ является центральной ядерной семой. Цель действия на предметно-понятийном уровне зоны значений этих ЛСВ менее конкретизирована: вызвать испуг, выразить угрозу, недовольство. При этом причина или побуждение объекта к какому-либо действию в структуре значения не получают выражения.

ДЫКНУТЬ, *сов. на кого.* Крикнуть с угрозой, приказанием; прикрикнуть. *Як бывало в старину, муж як дыкнет на жену.* Тр. [СБГ, т. 5, с. 50].

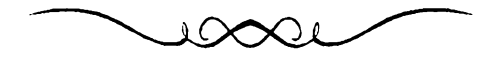
ГУКНУТЬ, *сов.* 1. Крикнуть, воскликнуть. *На собрании гукнули: "Судить да судить!"* Бр. <...> 2. *Припугнуть окриком. Гукнуть? – думаю. – Не, не буду.* Бр. <...> 3. Оглушительно прогремсть (о громе). *А гроза как гукнула, аж позанемела я вся, впужалась крепко.* Тр. *безл. Слышь, гукнуло, ой, страшно.* Тр. 4. *кого.* Ударить, стукнуть. *Он як гукнет ее, она посинела и не отдыхается.* Брас. 5. С силой вырваться из-под земли (о воде). *А ключ как гукнула с-под земли.* Тр. [СБГ, т. 4, с. 72].

Эти глаголы являются звукоподражательными. Они образованы при помощи суффикса ***-ну-*** и мотивированы отмеждометными глаголами. Данный, продуктивный как и в русском языке, так и в

русских народных говорах, тип определяется следующим образом: “Глаголы с суффиксом -ну- ...имеют значение “однократно совершить действие, названное мотивирующим глаголом” [Русская грамматика, 1980, т. I, с. 347–348]. На лексическом уровне однократности соответствует интенсивность действия. Однако можно ли выделить ее на уровне коннотации, когда на уровне сигнификативно-денотативной зоны значения ей соответствует сема ‘громко’? Точно так же выделяемые у лексем данного ряда ядерные денотативные семы ‘недоброжелательность’, ‘злоба’, ‘раздражение’ можно отнести к эмотивным, но эта эмоция характеризует субъект действия, а не говорящего. Более того, данные сememы обозначают напрямую не эмоциональное состояние, а его выражение, то есть на ономасиологическом уровне эмоция предшествует или сопутствует своему выражению, и таким образом в значении глагола можно выделить пропозиционную сему. Подобные ЛСВ относятся к глаголам комплексной предикативной семантики с совмещенной пропозицией. По определению Л.Г. Бабенко, “парадигма глаголов комплексной предикативной семантики с совмещенной пропозицией включает в свой состав глаголы с совмещенными событийными и логическими пропозициями” [Бабенко, 1997, с. 40]. Очевидно, что с реализацией определенной словообразовательной модели актуализируется ряд прагматических компонентов и связанных с ними денотативных. В литературном языке суффикс ***-ну-*** не приводит к образованию противопоставленных (антонимических) значений, в брянских говорах развитие коннотации, более выраженная по сравнению с литературным языком экспрессивность высказывания (контекста) приводят к развитию противоположного значения. У сверхмногозначного глагола ***гукать*** (СБГ выделяет 9 значений, каждое из которых связано с речью, выражением эмоции или звучанием) основное значение является мотивирующим по отношению к рассмотренному глаголу ***гукать***.

Эмоция может сопровождаться оценкой, при том оценка может выражаться как субъектом действия по отношению к объекту, так и говорящим по отношению к субъекту действия. Таким образом, одним из определяющих направлений описания рассматриваемых глагольных лексем должно явиться определение семантических компонентов, выражающих эмоцию, силу, интенсивность. “Оценочным следует, видимо, считать только такие отношения,

которые обусловлены не первым (объективным), а вторым (субъективным) членением мира, то есть таким его членением, в основе которого лежат не реальные свойства предметов и явлений, а лишь наши субъективные от них впечатления, наши эмоциональные реакции на них и умственные заключения об их роли в нашей жизни" [Васильев, 1996 с. 56].

ЭКСПРЕССИВНОЕ И ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ В ДИАЛЕКТНОМ СЛОВЕ*

Вопрос о природе экспрессивного в языке и в речи, о соотношении экспрессии, оценочности, эмоциональности и образности, о месте экспрессивной коннотации в структуре лексического значения, о способе представления коннотаций, в том числе и экспрессии в толковых словарях общего типа решается в современной лексикологии неоднозначно[22]. Не вдаваясь в теоретические споры, отметим следующее: пока объектом исследования остается литературный язык или язык художественной литературы, допускающий в качестве выразительных средств и диалектизмы, одним из показателей и одновременно одной из причин экспрессивности оказывается ненормативность, необычность данного слова или значения в окружении общенародного, регионально не ограниченного или литературного лексического материала. Однако по отношению к диалекту этот критерий, по которому В.К. Харченко отграничивает экспрессивность от всех смежных явлений [Харченко, 1976, с. 68–69], оказывается неприменимым. Экзотическая, а потому экспрессивная на слух носителя литературного языка диалектная лексика осознается как необычная именно на фоне литературного языка, то есть вне той реальной системы лексических связей, отношений, в которых живет реальное диалектное слово. Так возникает серьезная проблема выявления специфики экспрессивного в диалекте.

Экспрессия рассматривается нами, вслед за Т.Г. Винокур, как коннотативная семантическая категория обобщающего типа [Винокур, 1980, с. 54–57], с той, однако, разницей, что диалектный материал исключает стилистическую коннотацию, но, помимо эмоциональности, в экспрессию включается – на правах подчиненной, видовой коннотации – образность. Следовательно, экс-

[22] См.: [Галкина-Федорук, 1958; Харченко, 1976; Харченко, 1983; Винокур, 1980, с. 53–60; Шиловский, 1972; Петрищева, 1972] и некоторые др.

прессия понимается как особая выразительность эмоционального или образного языкового средства, усиливающая соответствующее данной речевой сфере функциональное воздействие речи. В связи с этим вводятся рабочие термины "эмоциональная экспрессия" и "образная экспрессия" Первой обладают слова типа ***братичка, бубочка, брыд***, второй – слова типа ***кистистый, расходник*** "растение", ***припрокинуться*** "умереть" Возможно и совмещение двух типов экспрессии в одном слове, если мотивирующий образ эмоционально-оценочен. Так, образность слова ***бубличник*** "проскурник" эмоционально нейтральна, в его варианте ***бублички*** слегка просвечивает эмоциональность, но угасает из-за отсутствия бессуффиксального коррелята с тем же значением; слово ***брехун***, не абсолютно нейтральное и в основном значении ("собака, лающая много и без толку"), обладает отчетливой образно-эмоциональной экспрессией во 2-м и 3-м значениях: "пустослов, болтун", "любитель соврать, лгун", поскольку в системе брянских говоров, в отличие от литературного языка, отчетливо сохраняется мотивирующая связь с глаголом ***брехать*** "лаять"

Речевая сфера диалекта – прежде всего бытовое, обиходное общение. Соответствующая этой сфере функциональная характеристика (сложное взаимодействие функций сообщения, выражения и воздействия) совпадает с функциональными признаками устной разговорной формы литературного языка (РР). Еще Ш. Балли отметил, что эмоциональность, наряду с субъективностью и конкретностью, является важнейшим экспрессивным свойством "подлинно разговорной речи" [Балли, 1961, с. 327][23]. Нельзя не согласиться и с экстраполяцией этого свойства РР на речь диалектную [Оссовецкий, 1982, с. 38]. Таким образом, сами условия бытования диалекта не могут не порождать эмоционально-экспрессивные средства, в частности, лексические. С другой стороны, именно наличие таких средств в диалектном узусе обеспечивает экспрессивность речи.

Современные семасиологи в основном сходятся на том, что эмоциональный компонент в качестве коннотации входит в семантику слова или отдельного лексико-семантического варианта (семемы) на правах созначения, наслаивающегося на понятийное

---

[23] Ср. также: [Кожина, 1977, с. 211–212; Васильева, 1976, с. 76–78].

ядро[24]. В силу этого эмоциональная экспрессия фиксируется в словарях, в том числе и в Словаре брянских говоров [СБГ, 1976–1988], материалы которого используются в статье, с помощью помет, предикатных слов в дефиниции и оправдательных примеров [Шаховский, 1983, с. 30][25], причем способы экспликации коннотативных сем могут совмещаться в пределах одной словарной статьи, дублируя к тому же аффиксы эмотивно-субъективной оценки, если они есть в слове. Например, ***волочуга*** – *неодобр.* "легкомысленная, непостоянная в своих привязанностях женщина" (аффикс + помета + элементы дефиниции); ***волочумска*** – *неодобр.* "то же, что *волочуга*" *Волачужка ана, вот кто, пять раз замуж выходила* (помета + элементы дефиниции + оправдательный пример). В региональном словаре такая координация пометы, дефиниции и иллюстраций особенно важна, так как коннотативные характеристики внешне сходного литературного и диалектного слова часто не совпадают. Например, слово ***выродок*** имеет в брянских говорах два значения: первое явно нейтральное – "детеныш диких животных", второе, казалось бы, обладает негативной оценочностью – "кто утрачивает черты и качества прежних поколений", однако иллюстрации этого не подтверждают: *У волков выродки бывают, волченок похож на собаку; Мы выродки – нас от Украины отвели, наш род перераживается.* Очевидно, что такое употребление слова очень далеко от литературно-разговорного неодобрительного "человек, выделяющийся из какой-н. среды в дурную сторону" Поэтому отсутствие пометы при втором значении слова выродок в СБГ представляется справедливым.

В СБГ приняты следующие эмоционально-экспрессивные пометы: *ласк.* (***братец, браток***); *ум.-ласк.* (***бублички, бровочка***); *пренебр.* (***вислоухий***); *неодобр.* (***волочуга, выкобеливаться***); *экспр.* (***влопаться, взняхаться***). Кроме того, начиная со 2-го выпуска, широко используется "звездочка", которая "указывает на употребление слова (обычно в речи женщин) как бы для смягчения выражения" [СБГ, 1980, с. 3]: ***буханочка, ведерко, ведерце***.

Не могут остаться незамеченными два отличия помет СБГ от словарей общего типа, в какой-то мере отражающие своеобразие

---

[24] См.: [Левковская, 1962, с. 157–162; Шмелев, 1964, с. 104–113; Шмелев, 1977, с. 165–166; Комлев, 1969, с. 112–116; Стернин, 1979; Кузнецова, 1982, с. 29].

[25] Ср.: [Хидекель, Кошель, 1983, с. 11–16].

экспрессии в диалекте. Во-первых, противоречащее неоднократно отмечавшейся общеязыковой тенденции [Скляревская, 1997, с. 11] явное преобладание слов с эмоциональной экспрессией положительного характера. Трудно предположить, что за этим кроется объективная реальность диалекта. Очевидно, такое своеобразие помет – следствие условий полевых исследований. Уместно вспомнить рассуждения Ш. Балли о влиянии на выбор речевой формы представления говорящего о собеседнике [Балли, 1961, с. 331–332]. Существенное различие социальных ролей собирателя-исследователя и информанта – носителя диалекта может вызвать сознательную или подсознательную речевую мимикрию, близкую к варианту речевого поведения, определенную Т.Г.Винокур как "поиск общего языка", которая в первую очередь распространяется на наиболее субъективную эмоционально-экспрессивную сторону речи. Таким образом, искажается истинная картина соотношения пейоративной и мелиоративной эмоциональной оценочности в естественной диалектной речи.

В связи с этим встает вопрос о методике исследования экспрессивной коннотации диалектного слова. Для литературного языка эта методика – применительно к коннотации эмоциональной оценочности – разрабатывается в интересных исследованиях Н.Ф. Петрищевой [Петрищева, 1965, с. 39–50], однако ее автоматическое перенесение на диалект вряд ли возможно. Помимо отмеченной выше объективной сложности работы собирателя диалектов, непреодолимым барьером является неадекватность восприятия слова носителями диалекта и говорящими на литературном языке. Так, зная эмоционально-оценочные, экспрессивные и стилистические коннотации слова ***брюхо*** в значении "живот (у человека)" в современном литературном языке, весьма трудно отрешиться от них при оценке соответствующей семемы в диалекте. С другой стороны, данные истории языка подсказывают в этом случае исходную нейтральность слова. Но взаимодействие его с общерусским ***живот***, неизбежное под влиянием литературного языка, не исключает в современном диалекте соответствующего коннотативного сдвига. В подобных случаях особую роль приобретают оправдательные примеры. Между тем в СБГ это значение слова ***брюхо*** иллюстрируется единственным примером, не позволяющим сделать заключение ни о наличии у слова эмоциональной экспрессивности, ни о ее отсутствии: *Брюхо у него большое.*

Второе отличие – заметное сокращение помет по сравнению со словарями общего типа, с одной стороны, и введение помет обобщенного характера (*экслр.* и "звездочка") – с другой. В свете сказанного принцип репрезентации эмоционально-экспрессивной лексики, выбранный составителями СБГ, представляется правильным. Стремясь к адекватности описания сложного материала, авторы словаря позволяют себе лишь те пометы, которые надежно подкреплены достаточно четкой системой аффиксов и оправдательными примерами, подсказывающими в ряде случаев включение соответствующих предикатных слов в дефиницию значения.

Как известно, наиболее явным показателем эмоциональной экспрессии слова являются эмотивно-оценочные аффиксы. Действительно, именно эта категория слов в СБГ наиболее регулярно снабжается пометами *ласк.*, *ум.-ласк.* или "звездочкой" Однако не менее известно и другое: суффиксы *-к-, -ик-, -ок-, -очек-, -чик-* могут быть односемными, причем их значение раздваивается. Например: *буборочек* – "*ум. к* ***буборок***" ("неровность, утолщение на пряже"), ***браточек*** – "*ум.* и *ласк. к* ***брат***" Ср.: *Сестричке было семь лет, а браточку три года* (*ум.*); *Ни сестрички, ни браточка нету* (*ласк.*). Может произойти их семантическое опустошение, как, например, в словах ***волвенка*** и ***волвешка***. Как и производящее слово ***волвена***, эти дериваты, равно обозначая гриб-волнушку, различаются не прагматической направленностью включающих их текстов, а ареалом употребления, причем наиболее употребительное слово ***волвенка*** уже в силу этого не может иметь дополнительных семантических признаков, тем более экспрессивных. На моносемность или полисемность суффиксов субъективной оценки влияет и длина деривационного шага. Ср.: ***бугорочек*** – "*ум.-ласк. к* ***бугорок***", ***бугорок*** – "*ум. к* ***бугор***", но ***взлобочек*** – "*ум. к* ***взлобок***" Поэтому без внимательного анализа контекстов определить наличие или отсутствие экспрессивности в такого типа словах невозможно. Например, нейтральность слова ***бродик*** с коннотацией уменьшительности подкрепляется примерами на оба значения: *Бродик – эта маленький брод, узенький, только два человека могут пройти; Большая пайка – так брод, а маленькая – бродики пройдем.* И, напротив, отчетливая экспрессия ласкательности в слове внучок прослеживается в следующем примере: *Родненьких у миня два внука, внучки миня не бросят.*

Последний пример наводит и на размышление о зависимости эмоциональной экспрессии существительных с эмотивно-оценочными суффиксами от их принадлежности к классу одушевленных или неодушевленных, а внутри классов – к тем или иным лексико-семантическим группам.

Показательно, что вне сомнения для составителей словаря оказывается эмоциональная экспрессия многих дериватов существительного ***брат***: ***братец*** (*ласк.*), ***братик*** (*ласк.*), ***братичка*** (*ум.-ласк.*), ***браток*** (*ласк.*), ***браточек*** (*ум.* и *ласк.*), ***братуля*** (*ласк.*), ***братчик*** (*ласк.*). В силу своей семантики эти слова активно функционируют как обозначения небезразличных говорящему родных людей или небезразличного, эмоционально воспринимающегося явления – родства. Однако анализ иллюстративного материала словаря позволяет, на наш взгляд, усмотреть эмоциональную экспрессию и у деривата ***братка***, который дан без пометы: судя по единственному примеру, это семейное уважительно-ласкательное обращение младших братьев и сестер к старшему брату, а не особый термин родства: *Если больший брат, меньший завет браткой.* Думается, что все члены ЛСГ "термины родства", субъективно актуальной, а потому имеющей ветвистое дерево эмоционально-экспрессивных производных, статус которых колеблется между вариантностью и однокорневой синонимией, едины в характере эмоциональной экспрессии. Поэтому кажется непоследовательным то, что дериваты слова ***внук*** (***внучка***): ***внучек, внученька, внучок, внучонок, внучоночек, внучочек, внучушка, внучатки*** – снабжены "звездочкой", отражающей тоже эмоционально-экспрессивное, но все же иное коннотативное содержание. Это тем более неоправданно, что подавляющее большинство слов с такой распространенной в словаре пометой, как "звездочка", – конкретно-предметные существительные, называющие или предметы хозяйства, домашнего обихода (***бутылочка, ведерочко, веничек, вертелочка, веселочка, возочек, вязаночка, времяночка*** и т.п.), или продукты и кушанья (***варевце, тестице, водица, водичка***), или растения и животных (***василечек, бурачок, воробейчик, волчок***), или явления природы, ландшафта (***взгорочек, ветрик***) и некоторые другие. Существительные лица с этой пометой единичны и небесспорны: ***вдовушка, верзилушка***.

По отношению к неодушевленным существительным с уменьшительно-ласкательными суффиксами представляется целе-

сообразным начатый составителями 2-го выпуска СБГ и завершенный в 3-м выпуске переход от пометы *ум.-ласк.* (***бугорочек, бровочка, бубочка*** и др.) к "звездочке" Помета *ласк.* в 3-м выпуске редка и опять же небесспорна (***волосик***). Иллюстративный материал этих словарных статей исключительно выразителен и чрезвычайно интересен в плане теоретического осмысления рассматриваемой проблемы: большинство предложений, весьма коротких, включает не одно, а 2-3 слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами, в том числе и прилагательные. Например: *В хозяйстве все надо: и кашарочка, и ведерочко; У печки веничек да рогачики и сковородничек; Ветер забьет дорогу, где низинка, а где бугрик – смяте; Пакрышишь хлебушка, сахарку и водицы, вот и тюрька; Волоченками гребут небольшенький возик, пудиков десять; Боченочек длинный, а посередине вороночка, дырочка, наливают ваду и выливают; В дежечке замесят муку, просеют, тестице водицей разбумажешь, чтоб комков не было; Валечки донесет подмышечкой до церкви, оденется на ступочках.* См. также иллюстрации в словарных статьях ***возочек, вошивочка, вышнечка, брыжочек*** (*ум.-ласк.*), ***будочка*** (*ум.-ласк.*), ***бугрик*** (без пометы), ***бугорочек*** (*ум.-ласк.*) и др.

Факты насыщенности речи словами с уменьшительно-ласкательными суффиксами при описании самых обыденных явлений, при назывании бытовых предметов и понятий характерны для разговорной речи, что неоднократно отмечалось исследователями[26]. Это может быть связано и с особой атмосферой интимизации общения, и с определенным заинтересованным, неравнодушным отношением говорящего (чаще лица женского пола) к предмету речи. В результате возникает достаточно устойчивая экспрессия подобных псевдоласкательных, но несомненно эмоциональных образований. Исследования разговорной речи трактуют это явление, как "ксеноденотативную направленность", то есть переключение оценочности с денотата на собеседника и преобразование семы уменьшительности, в сему этикетной вежливости[27], что в речи интеллигента (любого пола) с нормализаторских позиций оценивается отрицательно, как рецидивы "галантерейного обращения"

[26] См., например: [Земская, Китайгородская, Ширяев 1981, с. 112–114].
[27] Там же.

Распространенность аналогичного явления в диалекте дает основание для диалектной экстраполяции этих качественных характеристик эмоциональной экспрессии неодушевленных существительных с уменьшительно-ласкательными суффиксами, употребляющихся в такого рода контекстах (разумеется, без нормализаторских выводов). Это позволяет содержательно обогатить помету "звездочка", но в то же время требует отграничить в речи информанта экспрессию своеобразно понятого речевого этикета от тех коннотаций, которые присущи этим словам в непосредственном общении носителей диалекта.

Пейоративные пометы, как уже отмечалось, встречаются в СБГ редко, но зато широкое распространение получает удобная своей всеохватностью помета *экспр.* (экспрессивное). Анализ материала словаря показывает, что нередко эта помета сопровождает слова с негативной эмоциональной оценочностью (***вклепаться*** "оказаться замешанным в какое-нибудь неприятное дело"; ***влопаться*** "попасть в беду, допустив какую-нибудь оплошность", ***вляпливаться*** "вступать, вторгаться непрошено (в чужой разговор), вмешиваться"), то есть такие слова, которые вполне бы могли иметь более конкретизированную помету *неодобр.* Трудность в том, что коннотация материально в слове не выражена, в отличие от образно-эмоциональной экспрессии слова ***выкобеливаться***, например. Думается, что круг таких слов шире, чем фиксирует словарь. Ср. дефиниции слов: ***выкаблучиваться*** "кривляться, ломаться", ***вылягуниваться*** "лежать долгое время, бездельничая", ***выжига*** "плут, обманщик" (*Ах ты, выжига!*).

Много сложнее обстоит дело с такими словами, обычно глаголами, которые, будучи несомненно экспрессивными, не содержат эмоциональной оценочности: ***влупить*** – *экспр.* "внезапно и сильно вылиться (о дожде)" (*Дождь влупил как*); ***вшкандорить*** – *экспр.* "то же, что ***вшить***" (*Тринадцать клинов ушкандорила*); ***ворызгаться*** – (без пометы) "заниматься каким-н. кропотливым делом" (*С холстиной варызгаешься долго*); ***вычурить*** – (без пометы) "изобрести что-н. необычное, придумать" (*Я была дуже сдельная, уж вычурила, так вычурила*); ***выбухать*** – (без пометы) "вылить, высыпать большое количество чего-л." (*Выбухала литров двести*) и т.п. И дефиниции значений, и иллюстративный материал свидетельствуют о наличии в смысловой структуре этих слов семы интенсивности действий, привязанной однако не к префиксу, а к

основе (ср. ***влупить – лупить, выбухать – бухать***). В силу этого интенсивность воспринимается субъективно, а следовательно – эмоционально (ср. ***вылить, полить, выплеснуть***). Таким образом, эти слова включаются в круг эмоционально-экспрессивной лексики.

Наконец, особый вопрос связан с экспрессивностью диалектного слова, обусловленной его фонетическим обликом. Как бы ни относиться к фоносемантике, которая сейчас активно разрабатывается, трудно не признать, что есть звукосочетания, неприятные слуху, антиэстетичные. Так, подавляющее большинство исконно русских слов, начинающихся с неблагозвучных сочетаний ***бры-, брю-, бря-*** в словаре Ушакова имеют или пометы *обл.* и *разг.*, или оценочно-негативную сему в толковании (***брыкать, брыла, брылястый, брысь, брюзга, брюхан, брякнуть*** и т.п.). Исключений немного (гнездо с корнем ***брызг-*** термины ***брюшина, брюхоногие***, книжные слова ***бряцать, бряцание***), и, учитывая их этимологию и деривационные связи, нельзя не задуматься о влиянии лексической семантики на восприятие ее фонетической оболочки. Однако есть и обратная зависимость. "Предметно-логическое значение каждого слова окружено особой экспрессивной атмосферой, колеблющейся в зависимости от контекста, – писал В.В. Виноградов. – Выразительная сила присуща *звукам слова и их различным сочетаниям* [курсив наш – *И.К.*], морфемам и их комбинациям, лексическим значениям" [Виноградов, 1947, с. 19]. Глагол ***взняхаться*** имеет в СБГ помету *экспр.*, не оправданную, однако, ни дефиницией, ни примерами: "залезть куда-н., вскарабкаться" (*Ко мне на колени взняхался; Взняхаться – взлезли детишки в сад, на забор*). Тем не менее ощущение экспрессивности остается и порождается, на наш взгляд, фонетическими причинами – неблагозвучием сочетания ***взнях-***. Трудно поверить, что в такую форму облечено эмоционально нейтральное содержание, тем более что обе иллюстрации в принципе допускают экспрессивный глагол. Разумеется, современные знания о языке не позволяют возрождать наивный вариант ономатопоэтической теории и выводить семантику слова из экспрессии его звуковой оболочки. Слишком многие факты языка и диалекта этому противоречат, например, ***брыкла*** – всего лишь "кисть на поясе женской одежды", ***булдыга*** – "часть ноги от колена до щиколотки" И все же проблема, как нам кажется, остается, так как значения ряда слов, незнакомых носителю литературного языка, но интуитивно воспринимаемых как нега-

тивные, действительно, оказываются такими: ***брыд*** "едкий дым, чад", ***брюзнуть*** "портиться, приходить в негодность" В словах ***будыль*** "стебель, ствол крупного растения", ***будыльё*** 1) "то же, что ***будыль***", 2) "высохший ствол, стебель растения без листьев" сема увеличительности при соответствующем фонетическом оформлении приобретает экспрессивность. Лексема ***брюза*** "тучная, рыхлая женщина" сопровождается в СБГ прекрасной, очень естественной иллюстрацией: *Опять приехала косая брюза, молодая, а разбрюзла, жирная, себя не несет.* Она выявляет эмоциональную экспрессивность слова, и, видимо, лишь единичность примера не позволяет поставить помету *неодобр.* Думается, что круг лексем с пометой *экспр.* или с более конкретной может, быть увеличен за счет этой категории слов с актуализованной фонетической структурой.

Итак, обследование материала СБГ показало, что подавляющее большинство лексем, получивших в словаре коннотативные характеристики в форме различных помет, относятся к категории эмоционально-экспрессивных, часть слов имеет смешанную эмоционально-образную экспрессию. Однако образно-эмоциональная, тем более чисто образная экспрессия, одним из косвенных экспликаторов которой является помета перен., в большинстве случаев не фиксируется, представляя более сложный объект исследования, оставшийся за пределами статьи. Носителями эмоциональной экспрессии выступают или специальные суффиксы, или корневая морфема, или даже фонетическая оболочка слова. Мера субъективности и обязательности экспрессии у этих трех категорий слов соответственно возрастает, и пропорционально возрастают трудности ее выявления при словарной обработке материала, о чем свидетельствует непоследовательность в оценке однотипных лексем. Отсюда необходимость разработки специальной методики дополнительной проверки лексем, предположительно обладающих эмоциональной экспрессией, в полевых условиях.

Образная экспрессия в диалектном слове

Остановимся на образной экспрессии, или образности диалектного слова, которая рассматривается с точки зрения ее репрезентации в региональных словарях.

Поскольку объектом исследования оказывается не литературный язык, а народный язык в самом точном смысле этого полу-

термина, реализующийся прежде всего в системе региональных диалектов, невозможно обойти некоторые общетеоретические проблемы лингвистики. Широко известна оценка А.А. Потебней истории языка как "поэтического творчества" его "безымянных создателей" [Потебня, 1910]. Крупнейший русский ученый прошлого века, увлеченный идеей В.Гумбольдта о языке как духе народа, видел в каждом народном слове художественную миниатюру, структурно тождественную, например, басне [Потебня, 1909, с. 79].

Эта идея и сегодня находит своих сторонников. Так, В.П. Григорьев вводит понятие "поэтический язык", принципиально более широкое, чем язык художественной литературы: "поэтический язык – это язык с установкой на эстетически значимое творчество, хотя бы минимальное, *ограниченное рамками одного только слова* (курсив мой. – *И.*К.)" [Григорьев, 1979, с. 78], причем поэтическому языку свойственна "общенародность" [там же]. Не вдаваясь в возможную полемику с В.П. Григорьевым, подчеркнем то, что представляется актуальным именно для данной темы: связь "творческого аспекта отношения к языку" с понятием экспрессемы [там же, с. 76].

Свежее, нестандартизованное "видение мира" находит конкретное выражение в необычности внутренней формы, в актуальности образного и производного от него экспрессивного компонентов значения.

Из сказанного следует, что образность понимается нами как языковая семантическая категория, безотносительная к образности художественной речи. Природа языковой образности как одного из типов коннотативной семантики наиболее полно, на наш взгляд, освещается в работах В.К. Харченко: гносеологически образность основывается на "способности языка отражать отношения сходства между предметами" [Харченко, 1984, с. 50]; ее психическая природа определяется ассоциативным характером мышления; прагматически образность обусловлена стремлением говорящего "повысить воздействие речи на адресата" [там же]. Последнее положение особенно существенно в свете разрабатываемой проблемы, так как позволяет включить образность в ряд разновидностей экспрессивности как коннотативной категории обобщающего типа[28].

---

[28] Ср.: [Винокур, 1980, с. 53–60], где образность не включена в ряд экспрессивных коннотаций.

В диалекте, как и в литературном языке, отчетливо выделяются два вида образных (или мнимообразных) лексических единиц: а) слова с образной словообразовательной мотивировкой, б) переносные, обычно метафорические значения слов. Например: ***бубличка*** (***бублики***) – местное название проскурника, или просвирника, наименование имеет семантическую мотивированность и отчетливую образность, кстати, более понятную нашему современнику, чем аналогично мотивированное ботаническое наименование; ***бубличник*** – то же самое, но с семантико-словообразовательной мотивированностью.

Группа семантически мотивированных лексических явлений относительно ясна. В словарях, в том числе и в СБГ, такие значения получают экспрессивно-образную по своей сути помету *перен.* Например: ***вилюга*** – 3) *перен.* "крайне подвижный, непоседливый человек", 4) *перен.* "кокетливая женщина" (от исходного ***вилюга*** – "волнистое искривление, изгиб, извилина, кривизна"); ***бырька*** (***бырка***) – *перен.* "о глупом, непонятливом человеке" (от исходного – "молодой ягненок"). Однако в просмотренных словарных статьях СБГ помета *перен.* недостаточно регулярна. Например, 4-е значение слова ***война*** – "драка, потасовка" (*Сын как напьется, так в хате война*) вряд ли стоит рассматривать как простое расширение исходного значения и отказывать ему в метафоричности. Ср. также статьи ***влупить, ввалить, важко, буровить, брехать*** и др.

Значительно сложнее разрешается вопрос об образной экспрессии производного слова. Ср. ***вишня – вишник, вишенье, вишнева; вика – вичник, вичный; восьмиручка*** "коса"; ***будень – буденный, будешний, буденочный; врачебница*** "женщина-знахарка"; ***врачица*** "женщина-врач"; ***врагиня*** "женщина-враг"; ***глушилка*** "чугун с крышкой для гашения углей" и т.п.

Поэтому бесспорное положение об актуальности для диалекта словообразовательной мотивированности, сопровождающейся эмоциональностью (***шуба – шубейка***) или экспрессивностью (***буран – буранина***) [Блинова, 1978, с. 92], нуждается, на наш взгляд, в дальнейшем развитии: нужна оценка мотивированной диалектной лексики с точки зрения способа языкового отражения действительности, логического или ассоциативно-образного. Известное и не раз описанное явление "народной этимологии" обнаруживает стихийное, свойственное народному сознанию стремление соотнести значение слова с его формой. Это стремление может выра-

зиться и в специфическом "показании языкового сознания" [Блинова, 1989, с, 122], в негативной оценке существующего номината именно как неправильно представляющего предмет (вспомним представление-знак как компонент слова у А.А. Потебни). Например: *Курья слепота – все брехнуть, назвали, абы как, куры не дохнут, на болоте растет.*

В связи с этим выделение в диалекте пласта образно-мотивированной лексики могло бы не только обогатить словарную информацию, но и стать объектом дальнейших, нелексикографических, изысканий в аспекте проблемы "язык и мышление, язык и культура"

Образная внутренняя форма понимается нами как лексикализованное сравнение, то есть сравнение, свернутое в слово. Так, широко распространенное в брянских говорах слово ***висожары***, означающее созвездие (конкретизация по говорам варьируется), образно именно в этом понимании – как висящие угольки (***жары***).

Главная трудность состоит в идентификации конкретного производного слова как генетически образного, с одной стороны, и как образно-экспрессивного в современном диалекте, то есть с актуальной для носителей образностью, – с другой. Одним из условий первого разграничения (безóбразное – образное) может стать принадлежность слова к сфере первичной или вторичной языковой (диалектной) номинации.

Так, существительное ***бугор*** (общерусское) в брянских говорах имеет 17 дериватов. За вычетом экспрессивно-эмоциональных лексем [Куликова, 1985] и словообразовательных вариантов (или однокоренных синонимов?) это первичные номинаты, лишенные образной коннотации: ***бугроватый*** "неровный, холмистый", ***бугровать*** 1) "закрывать землей посеянные семена, делая небольшие валки", ***бугряк*** – "местность, покрытая небольшими холмами", ***бугровой*** "растущий на возвышенных местах" Соответственно, все они безóбразны. Лишь 3 производных являются вторичными номинатами в системе диалекта, обладая экспрессивно-синонимическим типом значения и, как следствие, образно-экспрессивной коннотацией: бугровый (***бугрый***) "сознающий свое превосходство" (*Бугровый человек – дуже гордый, бугрый*) представляет собой типичное лексикализованное сравнение (как бугор, возвышающийся над остальными); ***бугроваться*** "набираться сил,

здоровсть" образовано от 2-го значения глагола ***бугровать*** "увеличиваться в размерах, расти"

Однако возникают две серьезные оговорки, свидетельствующие о том, что вопрос о первичности или вторичности номинации в системе диалекта решается очень непросто. Во-первых, это наличие среди первичных номинатов слов с явной генетической образностью: ***голощек*** "чистый тонкий лед без снега", ***чистяк*** "чистотел", ***расходник*** "гусиная лапка" и т.п. Поэтому наличие в словаре описательного толкования через родо-видовые признаки, характерного для первичных номинатов именного типа, само по себе не свидетельствует о безобразности слова, но в равной мере не противоречит ей. Например: ***выхватень*** "кушанье из картофеля с мясом или колбасой в форме рулета" (*Выхватень: варят картошку, потолкут, на стол муку, в муке перемесят, колбасу закатают, режут ломочками, макают в конопли с водой*).

Во-вторых, есть опасность навязать чуждое диалекту соотношение синонимов (*Бугровый человек – дуже гордый, бугрый*). Убедительными являются лишь те материалы (фразы, фрагменты текста), которые совмещают два свойства: во-первых, будучи фрагментами "естественной" монологической или диалогической речи носителя, они отражают реальное функционирование диалектного слова; во-вторых, содержат естественно возникающий, не подсказанный спрашивающим синоним – первичный номинат. Например: *Опять приехала косая брюза, моладая, а разбрюзла, жирная, себя не несет.*

Однако для иллюстративного материала словарных статей по понятным причинам типично разобщение этих свойств. С одной стороны, это фразы, ориентированные на опрашивающего, обладающие большой объяснительной силой для лексикографа, но выявляющие прежде всего предметно-понятийный компонент значения (денотативную семантику). Эмоциональная и образная экспрессия при этом могут быть искажены фоном. Например: *Он такой вихлюга, работать не любит* – уточняющая синонимия может быть и "спровоцирована" собеседником. Убедительнее примеры, где общеязыковое слово предшествует диалектному и возникает типичный для речи (в том числе и разговорной) традиционно-экспрессивный синонимический повтор: *Ну-ка человек какой ленивый, вот вихляй.*

С другой стороны, это фразы "естественной речи", но в них, как правило, нет бесспорных указаний на вторичность номинации и осознаваемую говорящим, актуализированную в речи образность. Например: *Вылюдил, мальчика, приютил, а он его подвел* ("вырастить, воспитать"); *Я уже трех внуков вылюлькала, большие теперь* ("вынянчить, вырастить") – генетически образность есть, но ее актуальность, а следовательно, и экспрессивность проблематична, что может быть следствием автоматизации мотивировки и привычности (первичности?) номинации. Ср.: *Не вылегунивайся, вставай, хватит вылегуниваться, вставать пора*! ("лежать долгое время, бездельничая") – эмоциональная экспрессивность несомненна, но проблематична экспрессия образности ввиду неотчетливости мотивационных связей.

Помимо перечисленных объективных качеств слова (тип номинации, условия функционирования в речи) серьезные затруднения создает и несовпадение языковых подсистем информанта – носителя диалекта и исследователя-диалектолога, носителя литературного языка. Будучи объективной, эта характеристика речевой ситуации "опрашивающий – информант" приводит к субъективности восприятия всех коннотаций диалектного слова, в том числе и образной экспрессии.

Значительную роль в этом случае играет региональная ограниченность или неограниченность мотивирующего слова. С этой точки зрения анализируемый материал распадается на 3 группы.

I группа мотивируется общенародными словами в общенародном значении: ***бубенить*** "издавать звон, тихо звенеть" (Цветки такие еще бубенят, звенят) – лексикализированное сравнение (звенят, как бубен); ***брысюга*** "сорная трава (какая?)" – от разговорного ***брысь*** (такая, от которой хочется избавиться, как от назойливой кошки); ***голопупка*** "несозревшая ягода"; ***волочуга, волочужка*** "о легкомысленной, вольного поведения женщине" (ср. ***волокита*** в литературном языке первой половины XIX в.) – от 5-го производного (переносного?) значения глагола ***волочиться*** "оказывать особое внимание, ухаживать" (*Гришка за Анютой давно ужо волочится, пора и жениться*), помимо образности, слово обладает сильной, аффиксально выраженной эмоционально-негативной экспрессией.

II группа – слова, образованные от общенародной основы с диалектной семантикой: ***вихлюга***, ***вихляй*** "кто избегает труда,

склонен к лени, праздности, лентяй" В литературном языке глагол ***вихлять*** не имеет значения, которое могло бы послужить основой подобного образования (ср. *отвиливать, увиливать* от работы). К сожалению, СБГ не дает соответствующего глагола, и остается лишь предполагать, его семантическое своеобразие и диалекте.

III группа – слова, образованные от диалектной основы: ***видулонка*** "хвостовое оперение ласточки" – от ***видульцы*** "сук дерева с развилкой"; ***букатый*** "толстый" – от ***бук*** "бочка без дна для кипячения белья"; ***брудяный*** "нечистый, грязный" от ***бруд*** "нечистота, муть, сор, грязь"; ***гмыздик*** "мелкая поросль" и т.п.

При словарной интерпретации образно-экспрессивных качеств этих слов возможна или их переоценка для I и II групп (например, ***брыкла*** – всего лишь "одна из кистей на поясе женской одежды"), или недооценка для слов III группы.

Преодолению перечисленных объективно существующих трудностей идентификации генетической и актуальной образности и экспрессии способствует, на наш взгляд, выявление собственно диалектных системных деривационных связей слова.

Лексемы ***брындать*** "ходить без дела, шататься" и ***брындола*** "кто ходит, бродит без дела, шатается" включают в толкование разговорно-просторечный эмоционально-экспрессивный глагол ***шататься***, что позволяет сделать заключение о наличии соответствующей экспрессии и у данных слов. Приведенные в словаре примеры подтверждают это предположение: *Ах ты ж, брындола, я тебе набрындаю. Будешь сидеть под замком.* Однако для носителей диалекта это слово, будучи деривационно связано с нейтральным наименованием-этнографизмом ***брында*** "сборчатая обшивка, оборка", видимо, приобретает дополнительную образную экспрессию, связанную с мотивами метафоризации и последующей словообразовательной производностью глагола, а вслед за ним и существительного.

Интересна диалектная жизнь прилагательного ***волнистый***[2]. Оно имеет зафиксированное словарем значение "исполненный беспокойства, тревоги", омонимичное общенародному волнистый и синонимичное (если условно принять этот термин для характеристики лексемных связей двух подсистем) литературному взволнованный. Внутри системы говора рассматриваемое значение мотивировано не только исходным значением прилагательного

"волнообразный", но и существительными ***волна***[2] 2) "слухи, толки; молва", ***волнение*** "ссора, разлад", глаголом ***волноваться***, причастием ***волнованный***. Однако единичный специфический по содержанию пример (*Серна стала волнистой*) заставляет все же усомниться в принадлежности этого значения узусу диалекта.

Привлекает внимание тот факт, что обилие производных, близких по семантике, различающихся лишь коннотациями, в диалекте по сравнению с литературным языком может привести к усилению образной экспрессивности или во всяком случае к ее возможному оживлению. Так, ряд со значениями "стебель растения без листьев" и "высохший твердый стебель растения" включает во 2-й выпуск СБГ следующие слова: ***былина, былинка, былка, былочка, быль, былье, бытьё*** (ср. литературное ***былинка***). Развернутые парадигматические связи способствуют выделению основы и осознанию образной внутренней формы слов: *Былинка на корне, а эта соломина. Листья позасохли, одни былки остались. Растет трава всякая, полынь, чернобыль, а высохнет — былъё.* На этом фоне становится ближе и смысл пословицы: *Было и быльем поросло.* При этом потенциальной экспрессией образности обладают все члены ряда, а ***былинка, былка, былочка*** — и эмоциональной экспрессией.

Таким образом, если для установления эмоциональной экспрессии диалектного слова важно прежде всего реальное функционирование слова в естественной диалектной речи, то для идентификации образной экспрессии обязательно рассмотрение слова на фоне собственно диалектных системных мотивационных отношений, словообразовательных и семантических.

Результатом квалификации слова или значения как обладающего образно-экспрессивной коннотацией могла бы стать словарная помета *образн.* или *экспр.-образн.*, сопровождающая не только переносные, производные, но и основные значения слов с экспрессивно-синонимическим типом значения. Например: ***брысюга*** — *образн.* "сорная трава", ***брындола*** — *зкспр.-образн.* "кто ходит без дела, шатается" Различие помет *образн.* и *экспр.-образн.* вызвано различием слов с образной внутренней формой по характеру номинации: первая помета может сопровождать единицы первичной (для говора) номинации, обладающие скорее потенциальной, чем реальной экспрессивностью; вторая помета бо-

лес уместна для единиц вторичной номинации, обладающих в говоре реальной экспрессией.

Заслуживает внимания следующее обстоятельство: если с первичными диалектными номинатами не только мирятся, но и находят в них особую свежесть, точность и поэзию, то синонимы общеизвестных слов вызывают нередко отрицательное отношение, именно к ним легче всего применить сакраментальную формулу “нарушение литературной нормы” и не заметить в них ничего, кроме странной неправильности. Между тем — и тому много подтверждений в практике и теории нашей литературы — в них скрыты возможности краткого и образного выражения таких понятий, для которых в литературном языке иногда даже и слова-то нет. Насколько выразительно и красиво, например, взятое из живой диалектной речи описание проса: *Нахилится, висит шапкой, бывает растрепанное, а то кистистая, хороший урожай бывает.*

Диалектное мотивированное слово, живое, легко варьирующееся, воспроизводимое и создаваемое одновременно, дает богатейший материал для изучения духовной культуры народа через изучение внутренней формы слова как одного из наиболее ярких проявлений внутренней формы языка.

Коннотативная семантика диалектного слова и диагностический контекст

Эмоционально-экспрессивные коннотации имеют прежде всего прагматическую природу [Кузнецова, 1982, с. 29], то есть связаны с типовыми коммуникативными ситуациями, реальное множество которых лишь приближенно отражается системой словарных помет (*бран., ирон., шутл., пренебр., презр., неодобр., почтит.*). В более или менее полном составе, часто без комментария, эти пометы переходят и во многие диалектные словари, точнее, в их введение, очень слабо реализуясь в самом корпусе словарей.

Прагматическая установка — свойство речи, текста, а в этом случае вступает в силу закон прагматической координации разноуровневых языковых средств, причем особая роль отводится синтаксису и интонации, под влиянием которых сама эмоциональная окраска распространяется не на одно слово, а на ряд слов или на все предложение [Зиндер, 1960, с. 292]. Отсюда распространенное мнение, что эмоционально-оценочный характер слова обнаружи-

вается только в контексте и, более того, существует только в контексте [Елина, 1962, с. 218].

Означает ли это, что коннотации на уровне системы языка (диалекта) не может быть? Очевидно, что сама речевая практика, с одной стороны, лексикографическая практика литературного языка, с другой, опровергают этот скепсис. Коннотативная семантика может быть чисто контекстуальной, то есть создаваться контекстом, но может и воссоздаваться ("обнаруживаться") в контексте, существуя в языковом сознании говорящего как нечто отстоявшееся в лексической системе, входящее в состав семантики слова как узуальное коннотативное наслоение на семантику денотативную.

Оценивая трудности, встающие перед диалектологом, хотелось бы подчеркнуть, что коннотативно-нейтральный лексический фон полифункционального литературного языка и коннотативно-нейтральный фон одно-функционального диалекта (а только при наличии такого фона возможно выявление "надфоновых" коннотативных свойств слова) обладают неравными возможностями "фоновыделимости" Много написано и сказано о единой функциональной природе диалекта и разговорной речи и о таком их свойстве, как повышенная экспрессивность своего рода экспансия экспрессии [Коготкова, 1966, с. 299, Оссовецкий, 1982, с. 38]. Поэтому трудности диалектолога, разрабатывающего систему коннотативных помет и выявляющего коннотативную семантику слова, сродни трудностям не специалистов по лексикографии литературного языка, а специалистов по разговорной речи. Следовательно, приемы, используемые для установления коннотации в литературном языке[29], не могут быть перенесены в сферу диалектологии.

При разработке словарных статей диалектного словаря лексиколог-диалектолог идет от картотеки, где слово или значение с положительной коннотацией иллюстрируется обычно 1–2 примерами (такова объективная ситуация – следствие ориентации собирателей прежде всего на денотативную сторону лексической семантики). Поскольку высказывания как иллюстрации словарной статьи являются контекстом, попытаемся проанализировать эти контексты с точки зрения возможности диагностировать эмоционально-экспрессивную коннотацию лексической единицы (или отдельного значения). С этой целью выделим основные типы и

[29] См., например: [Скляревская, 1997; Человеческий фактор в языке, 1991].

подтипы контекстов, включающих слово (или значение) с предполагаемой экспрессивной коннотацией.

Тип I. Неясный контекст. По форме это короткие, часто двусловные предложения в которых заглавное коннотативно проблематичное слово окружено явно нейтральными словами (то есть нет выхода на системный связи коннотативной лексики в диалекте), а прагматическая установка высказывания, которая могла бы подсказать исследователю решение вопроса, неясна. Например: *Погода* ***брыдкая****. Куры* ***брыдлые****. Она* ***бурунит*** (лжет). *Он опять стал* ***бурки-то*** *закрывать. Тринадцать клинов* ***ушкандорила****. Ко мне на колени* ***взняхался****.* ***Втемяшилось*** *ей ехать в Брянск.* ***Брякнула*** *бригадир: идтить полоть.* Показательно, что в ряде случаев слово на основании такого неясного контекста все же получает в словаре коннотативные пометы: ***бурки*** (*пренебр.*) и ***взняхаться*** (*экспр.*)

Очевидно, что контексты-иллюстрации этого типа не могут быть диагностирующими. Они должны быть или расширены, или дополнены пометой, характеризующей прагматическую установку речи, если ее можно установить документально, по записям собирателей[30].

Тип II. Это высказывания с очевидной прагматической установкой на выражение субъективной эмоциональной оценки. Сюда относятся четыре подвида контекстов, различающихся языковыми средствами выявления прагматической установки.

Подтип 1. Контексты, представляющие собой типовые структуры разговорного экспрессивного синтаксиса. Например: *Он такой* ***ворюга****. Вот* ***воряка*** *какой! Ах ты,* ***выжига****! А где ён,* ***враг*** *такий? Ой, она такая* ***брадливая****! Ах ты ж,* ***брындола****, я тебе* ***побрындаю****, будешь сидеть под замком. Ишь, у грязи* ***буровится****! Ну что ты* ***варзонишь****?* ***Варзавит*** *что зря!* ***Вярзит*** *и* ***вярзит****, такой* ***вярзила****. Что ты* ***выкаблучиваешься****? Бери да ешь, что даю.*

Такого рода иллюстрации, как известно, бракуются многими лексикографами на том основании, что эмоциональная экспрессия создается здесь всем комплексом языковых средств, прежде всего синтаксическим строем (занятость синтаксических позиций междометиями, экспрессивно-усилительными частицами вот, ишь и местоимениями какой, такой) и интонацией. Разумеется, основания для скепсиса здесь есть. Место слова в море экспрессии оста-

[30] О возможности расширения прагматических помет см.: [Скляревская, 1997; Корованенко, 1997].

ется не совсем ясным. Можно привести много примеров, говорящих о контекстуальной создаваемости, окказиональной экспрессии слова, например: “Вот так мужчина!” – *ирон., шутл.* (?). Однако не подлежит сомнению и то, что в данных контекстах актуальным центром становится одно слово, на которое сознательно (или подсознательно) направлено силами говорящего внимание слушающего (и исследователя): *Вот* ***галта*** *мужик. Ой,* ***гадысть*** *ребята. Такие во розы* ***громаднющие***. Следовательно, есть основание говорить о типовых синтаксических контекстах, диагностирующих системные коннотативные свойства диалектного слова именно вследствие их откровенной и определенной прагматичности.

Подтип 2. Это фразы, включающие открыто выраженную субъективную оценивающую позицию говорящего, с которой искомое слово координируется и денотативно. Например: *Стал выкаблучиваться, противно глядеть.* ***Гадливый*** *мужик, смотреть тошно. Крепко не люблю, как радиво* ***галдосит****, гомонит. У-у,* ***ворюга*** *проклятая! Жалко её, такая* ***горюха***.

Учитывая тенденцию устной обиходной речи к повышению эмоциональности, трудно предположить проявление в этом типе контекстов коннотативно-нейтрального слова. Ср.: *Неприятный мужик, смотреть тошно; Крепко не люблю, когда радио очень громко говорит* (ср. *орет*). Следовательно, этот тип контекста обладает достаточной диагностирующей силой, причем способен конкретизировать общую коннотацию эмоциональной экспрессии.

Подтип 3. Этот подтип близок ко второму, но отличается от него языковой формой выражения оценки через использование эмоционально нейтральных оценочных слов или через детальное описание ситуации, неприятной для говорящего. Например: *Вон* ***брёх*** *вы тут завели, а дела не делаете. Хохол как* ***заталобонит****, да не поймёшь. Покос плохой,* ***заторкались****. Хватя* ***брындать*** *без дела. Займись чем-нибудь,* ***брындола***.

Диагностический характер этого подтипа контекстов представляется проблематичным, поскольку он может актуализировать чисто денотативную оценочную семантику. Так, в последнем случае ***брындать*** “ходить без дела, шататься” не может мыслиться вне субъективной эмоциональной оценочности (*неодобрит.*); для слова ***заталабонит*** “заговорит быстро и потому непонятно” коннотация отрицательной оценки поддерживается элементами экспрессивного синтаксиса, но для глагола ***заторкались*** “замучались” или

"задержались, запоздали" характерна только экспрессия усиления признака, но не эмоциональной оценочности.

Подтип 4. Развернутые высказывания, где используются наряду с искомым словом и другие слова той же предположительной коннотации. Например: *Четвёртый класс да первый сидят умести, четвёртый на первой программе, а первый – **бырки**, ничего не понимают, бараны, словом. Дура **глужжоная**, несообразительная, будет тебе, **галда** нехорошая. Не **бреши**, **брехать** ты хорош, як собака. Если девка **гидтая**, **лупатая**, зубатая, то на ту, кажу, и дивиться неохота.* Подавляющее большинство слов, представленное в контексте второго типа (в его 4-х разновидностях), в СБГ лишено коннотативных помет. На наш взгляд, они не могут рассматриваться как диагностические, поскольку выводят исследователя и на прагматику речи, и – что особенно существенно – на систему коннотативных средств диалекта. Поэтому были все основания дать пометы (*неодобр.*) для слова ***глашенный*** "суматошный" и (*пренебр.*) для слова ***вислоухий***, которые иллюстрированы контекстами рассмотренных подтипов: *Наш **вислоухий** с конопатой водится* – 4-й подтип; *Куры эти да усни во **глашенные**, прожорливые или нахальные – к этому что-то бегают бесперечь, часто бегают, мне надо, чтобы реже, они вот бесперечь.* – 3-й и 4-й подтипы.

Тип III. Контексты идентифицирующие. Они включают искомое слово в синонимический ряд или строятся как семантическое определение. Например: *Гай держут – **ругня** идёт. Как же эта **вспарывают**, разворачивают, узнают, как жили? Его мы **брыим**, ругаем так. Эта так **баланда**, болтает болтушка много. **Восавик** – бродяга и теперь так-та блатной завём, кто с бабами бегает. **Взняхаться** – взлезли детишки в сад, на забор. **Хлыстун** – кто языком брешет: о, хлыстун, говорют. Ой, неправду говорит, **брешит**.*

Как видно, в одних случаях такая фраза возникает спонтанно и тогда она прагматически информативна для диалекта, в других случаях – спровоцирована собирателем, ориентирована информантом на него – это объясняющая фраза информативного типа, но включающая в ряде случаев воссоздаваемые информантом типовые речевые ситуации (***хлыстун, говорют***). Насколько диагностичен такой тип контекста, сказать непросто, хотя, на первый взгляд, он представляется идеальным ввиду выхода на лексическую систему диалекта (синонимию). Видимо, более надежными

являются те контексты, где синонимы и их дериваты располагаются по восходящей (фигура градационного усиления): *Зачем он обманывает? Это лож, **брехня**. Лжец, **брехун**, обестился, а не пришел.* Обратное отношение не всегда убеждает, то есть контекст оказывается недостаточным: *Гарза – ниряха чилавек.* Это вполне может быть нейтральное слово, объясняемое синонимом лишь в силу его региональной ограниченности.

Наконец, возможны такие иллюстрации, которые соединяют признаки нескольких типов контекстов: *Пустая баба, говорит много, **бубенит** всё, не люблю слушать* – II и III типы*; Ну и баба была, какая-та **варзунья**, всегда у ней непорядок* – I, II и III типы: *Какой ты **брёх**, правду не говоришь, **брёх** ты, **брешешь*** – I и III типы: *Ну-ка человек какой ленивый, вот **вихляй*** – I, II, III типы. Полагаем, что такие контексты обладают максимальной диагностирующей силой. Их преимущество в том, что они соединяют определенность непредвзятой прагматической установки, выраженной прежде всего средствами экспрессивного синтаксиса и интонацией, с выходом на системные связи искомого слова, будь то синоним, словообразовательные дериваты возможных синонимов (***варзунья** – непорядок, ленивый – **вихляй***) или слова, входящие в ту же коннотативную подсистему в диалекте (***брёх** – **брешешь***).

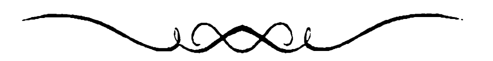
Подведем итоги сказанному.

1. Коннотативные подсистемы, в том числе эмоционально-экспрессивные и образно-экспрессивные, принципиально выделимы в региональном словаре полного типа, каким является СБГ, следовательно, перед его составителями стоит актуальная задача разработки методики выявления и описания лексической коннотации.

2. Адекватная квалификация коннотативной семантики диалектного слова требует совокупности условий: а) знание прагматической установки, которая предопределяет выбор языковых средств с узуальной коннотацией; б) знание речевой ситуации, предопределяющей прагматическую установку; в) выявление системных, и в первую очередь синонимических, связей искомых слов, построение коннотативных подсистем внутри диалекта.

Полагаем, что решение этих вопросов лежит на пути перехода от фразовой иллюстрации к анализу больших по объему связных текстов или диалогических единств, полученных от одного информанта в хорошо известной и однозначно интерпретируемой

речевой ситуации Иллюстрации выбранные нами из таких текстов, обладают большой долей надежности, объективности и, как следствие, большой диагностирующей силой.

ПРАГМАТИЧЕСКАЯ ИНФОРМАЦИЯ В СЛОВАРЕ БРЯНСКИХ ГОВОРОВ*

Иллюстративный материал играет важнейшую роль в лексикографической интерпретации диалектной лексики. Среди основных функций иллюстраций в диалектном словаре можно выделить следующие: 1) подтверждение реального существования и функционирования лексемы в данной разновидности национального языка; 2) уточнение толкования, конкретизация семного состава слова; 3) демонстрация наиболее типичного контекстного окружения слова, сферы употребления, потенциальных синтагматических партнеров.

Особая ответственность составителей диалектного словаря во многом обусловлена тем, что сам описываемый диалект в большинстве случаев недоступен в своем живом функционировании для большинства потенциальных пользователей диалектного словаря, поэтому составитель должен выбрать из имеющейся картотеки самые характерные, семантически "емкие" примеры, показывающие область применения слова, уточняющие толкование. Примеры должны дополнять дефиницию, проясняя те нюансы лексического значения, "обертоны смысла", которые не могут быть отражены в толковании, а только в речи приобретают определенность и оформленность.

В Словаре брянских говоров в качестве иллюстраций используются фразы, демонстрирующие актуализацию в контексте разных, преимущественно ядерных, сем смыслового содержания, а также возможности словоизменения.

Как правило, иллюстрации достаточно подробны, особенно если диалектизм не коррелирует с литературной лексемой. Например: **ВОЛОСЕНЬ**. Нить из конского волоса, прикрепленная к

 Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда согласно проекту 96-04-06407.

удилищу для ловли рыбы; леска. *За удильню волосень, жилку привязывают, а на волосень крючок, раньше от конского хвоста делали нитки, назывался волосень, а теперь жилка.*

Словарные иллюстрации представляют особый интерес для читающего словарь не только потому, что уточняют семантику слова, но и в силу того, что в них отражается прагматический компонент значения слова. “Прагматическая информация вообще наиболее очевидно выявляется на уровне высказывания, и все прагматические категории соотносят с высказыванием, а не со словом” [Скляревская, 1996, с. 69]. В работах отечественных лингвистов [Апресян, 1988; Скляревская, 1997; Сахарный, 1997] прагматический компонент лексического значения представлен как такой типизированный (социально закрепленный и единый для всех говорящих) элемент содержания лексического значения слова, который в типовых речевых актах символизирует отношение говорящего к действительности, к содержанию сообщения или адресату. Коннотация как часть прагматики слова – это “несущественные, но устойчивые признаки” выражаемого лексемой понятия, “которые воплощают принятую в данном языковом коллективе оценку соответствующего предмета или факта действительности” Коннотации не входят непосредственно в лексическое значение слова и не являются следствиями или выводами из него [Апресян, 1995, с. 159]. Именно поэтому, на наш взгляд, прагматические коннотации могут быть проанализированы в первую очередь на основе словарных иллюстраций. Г.Н. Скляревская под прагматическим компонентом лексического значения слова понимает всю сумму социальных, культурных, этических, экспрессивных и ассоциативных коннотаций, а также сопутствующие лексическому значению элементы, которые в акте речи несут информацию о намерениях говорящего. Частично данные элементы могут входить в структуру лексического значения [Скляревская, 1997, с. 6].

Иллюстративный материал словаря в идеале должен наиболее полно отражать все “добавочные смыслы”, называемые коннотациями в прагматике.

Эксплицитный прагматический компонент лексического значения достаточно легко вычленяется и маркируется в словаре, непосредственно в тексте дефиниции: **ГОРАЗДЫЙ**. *Искусный, способный, ловкий на что-н.* **ГОРДЫБАЧИТЬ**. *Противоречить из*

упрямства, дерзко сопротивляться, зазнаваться. **ГОРЮХА**. *Одинокая несчастная женщина.* В приведенных дефинициях эксплицитно представлен весь набор семантических компонентов, легко идентифицируемых на основе прагматических презумпций – общих для всего коллектива диалектоносителей интуитивных представлений и оценок (такие качества, как искусность, ловкость традиционно вызывают уважение и имеют устойчивую положительную оценку; напротив, упрямство и зазнайство традиционно оцениваются народным сознанием как отрицательные качества).

Гораздо труднее вычленяется имплицитный прагматический компонент значения, связанный с представлениями носителей языка о том или ином явлении, основанный на некоторых знаниях о мире и непреложных истинах. Интересно, что некоторые лексемы могут включать "двойственный" прагматический заряд, отрицательный и положительный одновременно, которые поочередно актуализируются в зависимости от контекста. Например, слово **ГОРИЛКА** (водка) ассоциируется у носителей брянских говоров и с положительными явлениями (праздник, богатство, достаток, веселье), и с отрицательными (пьянство как антиобщественное явление). Проанализируем иллюстративный материал Словаря брянских говоров:

1. *Ладины – жених бутылку горилки держит, наливает, а невеста обносит* (актуализируются семы 'веселье', 'праздник', 'обычай').
2. *А у нашего свата всего богато, хлеба и соли, да и горилки вволю* (актуализируются семы 'богатство', 'достаток').
3. Пример к слову **ГОРИЛОЧКА** (то же, что ***горилка***): *Горилочки хорошо выпить после баньки* (актуализируются семы 'покой', 'радость', 'традиция').
4. Пример к слову **ГОРЕЛКА**: *Матка горелку пила еще девкой* (актуализируется сема 'осуждения', 'отрицательного отношения к явлению'

Приведенные примеры позволяют в целом обозначить проблему вычленения и описания прагматического компонента лексического значения в Словаре брянских говоров. Обратимся к более подробному анализу лексикографического представления разных типов прагматического компонента лексического значения в диалектном словаре. В современной лингвистике принято выделять 4 типа прагматических компонентов, два из них представлены

в эксплицитной форме и два имплицитно[31]. К эксплицитным относят коммуникативно-ситуационный и эмотивный прагматические компоненты, к имплицитным – когнитивный и идеологический. Рассмотрим эти явления подробнее.

Коммуникативно-ситуационный прагматический компонент выражает интенцию говорящего, а также демонстрирует статусы и отношения субъекта речи и адресата. Данный компонент маркирует речевую ситуацию в зависимости от ее высокой или низкой социальной значимости в сознании участников речевого акта. Примерами могут служить разговорные лексемы, с одной стороны (химия, тапочки, мультик), и лексемы, употребляющиеся преимущественно в книжных стилях речи (глубокоуважаемый, величайший, духовный), с другой стороны. Поскольку диалект, в отличие от литературного языка, существует только в устной форме, мало варьируясь стилистически, и обслуживает только сравнительно узкую сферу бытового общения сельского населения, говорить о высокой социальной значимости речевого акта, осуществляемого в рамках диалекта, достаточно проблематично. На наш взгляд, в качестве примера можно привести слова, относящиеся к лексико-семантическому полю "религия":

ВЛАДЫКА, и, м. Православный священник высшего чина. *Когда умер батюшка, простыл, хоронить нельзя было, позвали владыка, это выше попов, благочинный. Когда он приехал, маслом помазал, воздухом накрыл шелковым, дал кадило на тот свет.* Ком. Радогощь. *Владыка в город приедет раз в год.* Бр.

Социальная значимость коммуникативной ситуации, в которой употреблена лексема ***владыка***, проявляется в иллюстративном материале: *владыка приезжает редко, по особым случаям.*

Особый интерес представляют лексемы, употребляемые в народно-поэтической речи. Безусловно, помета *флк.* маркирует важнейшую прагматическую информацию, заключенную в лексическом значении слова. Поэзия, по выражению Д. Самойлова, обладает определенной "высотой" взгляда на предмет: даже "изображая повседневность, она вводит ее в некий высший ряд, отыскивая в ней высшее значение" [Самойлов, 1972]. Поэзии, в том числе фольклорной, свойственна особая выразительность, обращенность к высшим категориям бытия, эстетическая функция. Можно

[31] См. об этом: [Скляревская, 1997]

говорить о большой иллокутивной силе поэтической речи. Все это позволяет назвать слова с пометой *флк.*, употребляющиеся в народной поэзии, коммуникативно значимыми, использующимися в социально значимой ситуации: размышления о смысле жизни, любви, смерти как философской категории, о Боге. Безусловно, не все фольклорные жанры отвечают указанным параметрам; частушки, например, употребляются в иных коммуникативных ситуациях. На наш взгляд, яркий коммуникативно-ситуационный прагматический компонент выделяется в лексеме *бурнопламенный*.

БУРНОПЛАМЕННЫЙ, ая, ое. *флк.* Ярко горящий, пылающий. *Ты, как мученик, горела, белокаменная, и река в тебе кипела бурнопламенная, и под пеплом ты лежала полоненная, и из пепла восстала неизмененная.* Пог.

Слова песни говорят о трагедии и ее преодолении: о сожженной Москве. Образ уничтоженного и восставшего из пепла города создается при помощи традиционно-поэтической лексики: полоненная, восстала, бурнопламенная. Безусловно, в анализируемой лексеме вычленяется целая совокупность коннотаций, несводимая к эксплицитному коммуникативно-ситуационному прагматическому компоненту. Иллюстративный материал позволяет выделить семы ‘возвышенное’, ‘значимое’, ‘прекрасное’ в структуре лексического значения слова.

Ситуация низкой социальной значимости – это ситуация бытового общения, обслуживаемая разговорной лексикой. Поскольку сфера охвата диалекта является бытовой по определению, можно утверждать, что коммуникативно-ситуационный прагматический компонент содержится в той или иной степени в любом диалектизме:

ВКРАМЧЕ, нареч. Втайне, скрытно. *Бабы детей крестят вкрамче от мужиков.* Навл.

БУРЛАЧИТЬ, у, ит (ть), несов. Находиться вдали от родных мест на заработках. *Наши бурлачили, едут в Киев, в Крым.* Тр. *Двадцать лет тот дед бурлачил, зароблял – пропивал, а двору ни копейки.* Суз.

В ряду слов с ярко выраженным коммуникативно-ситуационным прагматическим компонентом выразительны деминутивы, ср.:

БРЫЖЕЧКА и **БРЫЖЖЕЧКА**, и, ж., чаще мн. 1. Ум.-ласк. к брыж 3. (**БРЫЖ** 3. Сборчатый рукавчик у рубахи, блузки; манжета) *Сошил платья с брыжжечками.* Брас. *Перегнула миткалик, обшила, брыжжечки пришила.* Брас.

БУБОЧКА, и. ж. Детск. Ум.-ласк. к буба 2 (**БУБА** 2. Детск. Мелкое выпечное изделие, крендель, пряник, булка) *Маленьким детям дают кусочек булочки или пряника: на бубочку, ешь, ешь!* Тр. *Бубочка — детям это хорошенькая, с белой муки.* Суз.

Уменьшительно-ласкательные слова (***братуля, головушка, головочка, буборочек, жменичка***) и противоположные им (типа ***голоднищий***) отчетливо выражают отношение говорящего к предмету речи и, возможно, к адресату.

Другим типом эксплицитно выражаемых прагматических компонентов является **эмотивный**. Это лексика, свойственная разговорной речи, обладающая эмотивной насыщенностью. В большинстве своем эти слова выражают отрицательное отношение говорящего к предмету речи, а, возможно, фамильярное отношение к адресату. В толковании или примере ярко выделяется оценка. Приведем некоторые примеры.

БУБЕН, бна, м. 2. перен. Пустослов, хвастун. *Мужик Хроськин — бубен, дела мало, все говорит.* Рогн.

БРЯЗГАТЬ, аю, ае и ает (ть), несов. 2. перен. Болтать, пустословить. *Ни бряскай чего зря, если не знаешь.* С-д. Буда Понуровская. *Бряскаешь ты что попало.* Клин.

БРЯЗНИТЬ, ню, нит (ть), несов. В хоровом пении — не попадать в тон, фальшивить. *Поля, замолчи, ты брязнишь, она както не понимает, такая брязготка, набрязела в хорс, ладу у нас и нет.* Тр. Манцурово. *Она ж куда попало поет, так ее, наверное, предупредили: не брязни.* Тр.

БРЯКНУТЬ, ну, не и нет (ть), сов. 3. перен. Необдуманно сказать что-л. *Брякнула бригадир: идтить полоть.* Суз.

Несомненно, такие качества, как отсутствие слуха, хвастовство, склонность к пустопорожним разговорам имеют устойчивую отрицательную оценку в представлении любого человека. Г.Н. Скляревская отмечает, что в дефинициях такого рода “в эксплицитных формах представлен весь набор семантических элементов, спаянных с прагматическими и легко идентифицируемых на основе прагматических презумпций — общих для всего языкового кол-

лектива интуитивных представлений и оценок" [Скляревская, 1997, с. 7].

К имплицитным относится прежде всего **когнитивный** прагматический компонент семантики. Это совокупность сем, отражающих всеобщие знания о мире, всем известные истины, связанные с высшими категориями бытия, такими, как добро/зло, любовь/ненависть, жизнь/смерть и др. Анализируемые семы отражают картину мира определенного социума и дают представление об отнесенности денотата к верху или низу принятой в обществе аксиологической шкалы. Соотносимый со словом концепт отчетливо ассоциируется в сознании языковой личности с чем-то светлым, положительным (***гладыш, братва, брательник, братчина***) или с чем-либо отрицательным (***ведьмуга, грешный, глужаный***).

Критерием вычленения прагматических коннотаций Ю.Д. Апресян считает возможность употребления слова в псевдотавтологических конструкциях (ср.: *война есть война, любовь есть любовь*, но невозможно *парта есть парта*). Когнитивный прагматический компонент, связанный с положительным зарядом семантики, выявляется в невозможности сочетания слов-носителей данного компонента с прилагательными-носителями отрицательной смысловой характеристики: невозможны контексты мерзкий подвиг, ненавистная честность, гнусная красота. В Словаре брянских говоров когнитивный прагматический компонент может проявляться в дефиниции, но наиболее отчетливо – в иллюстративном материале. Приведем некоторые примеры.

БРАТЧИНА, ы, ж. Пиршество на общий счет по случаю религиозного праздника. *Братчина на Казанскую, десяток готовит обед и варить пиво и угощают попа и кто иконы носят, а на пиво идут все, всем вольют.* Рогн. *А братчина это вот что: старинный праздник, был престол Миколая-угодника, брали свечу, молебствовали, под Миколу, у того вечерю служили, всех зовут, людей кормит, угощал, смелет, квасу наводит, у одного, все люди идут.* Дубр.

Иллюстративный материал позволяет вскрыть фоновые семы лексического значения слова ***братчина***, относящиеся к когнитивному прагматическому компоненту: 'радостное событие', 'гостеприимство', 'угощение', 'гулянье', 'вера в Бога'

Немаловажно, что слово ***братчина*** имеет прозрачную внутреннюю форму. Традиционно проблема внутренней формы – это

зона интересов этимологии, словообразования, морфологии. Лексикография же занимается собственно-лексическим значением, планом содержания. Между тем внутренняя форма слова порой оказывается очень важна именно для определения "коннотативного заряда" группы слов или поля. Так, например, в брянских говорах слова с корнем брат обладают ярко выраженным когнитивным компонентом значения:

БРАТСКИЙ, ая, ое. *Прил к* **брат** 2 (**БРАТ** 2. Всякий человек по отношению к другому, ближний). *Иисус Христос проповедовал мир, любовь, братская любовь, хорошие только дела делать.*

Большинство слов с корнем ***-брат-*** соотносятся с лексико-семантическим полем "религия", а иллюстративный материал позволяет вскрыть имплицитные априорные представления языкового коллектива о денотате (мир, любовь, хорошие дела). Положительный заряд слов с корнем брат проявляется и в наличии ярко выраженного эмотивного компонента: братик, братичка, братка, браточек.

Отрицательное отношение к денотату проявляется в наличии у слова когнитивного прагматического компонента противоположной оценки, ср.:

ГЛАЗИТЬСЯ, зю и жу, зи и зит (ть), несов. По суеверным представлениям: приносить несчастье, вредить кому-л. взглядом. *Она глазит, у нее взгляд проклятый, ненавистный.* Ком.

ГЛАЗЛИВЫЙ, ая, ое. По суеверным представлениям – имеющий магическую силу взгляда, приносящий несчастье (о человеке). *Это человек глазливый, его бояться надо.* Кар. *У которых черные глаза – люди глазливые.* Рогн.

Фоновый ореол семантики слов с корнем ***глаз-*** формируется за счет сем 'проклятый', 'ненавистный', 'боятся' Очевидна поляризация сознания вокруг противоположных концептов: хорошее/плохое, добро/зло, любовь/ ненависть. Иллюстративный материал помогает глубже постичь картину мира носителей диалекта.

Четвертый тип прагматического компонента – **идеологический** – тоже, как правило представлен имплицитно. Он основан на временных истинах, навязываемых обществу государственной идеологией. Под влиянием пропаганды нейтральные слова языка могут приобретать положительную или отрицательную коннотацию, что искажает семантику слова. Достаточно сложно говорить

о проявлении идеологического компонента в лексике брянских говоров.

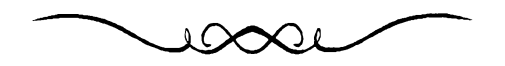
В толковании слова власть очевидно наделение его положительными коннотациями (возможно, причины этого не лингвистические, а социальные, психологические), ср.:

> **ВЛАСТЬ**, и, ж. 1. Органы государственного управления. *Спасибо власти, что хоть копейку дали старым людям.* Бр. *Ей власть хату поставил.* || Начальство, администрация. *И мне власть ничего помощи не дает.* Почеп. *Как же ты против власти пойдешь?* Клетн. Мужиново. || Официальное распоряжение, приказ. *Надо же выполнять власть.* Клетн. 2. Форма правления, государственный строй. *У нас теперь хорошая власть, на бабу внимание обращают, которая в горе впавши.* Ун. *Спасибо советской власти, что я теперь крошку хлеба имею.* Пог.

Очевидно, что слово власть (в значении органы государственного управления, советская власть) наделяется и положительной коннотацией, ей благодарны. Однако местная власть заслуживает критики: “ничего помощи не дает”

Таким образом, можно сделать вывод об отражении в иллюстративном материале Брянского словаря разных типов оценки – социальной, идеологической, эстетической, нравственной, эмотивной.

Проанализированные примеры позволяют увидеть, что диалектный словарь может стать источником глубоких познаний о жизни народа. Прагматика, отраженная в иллюстративном материале, отражает "возможный мир" носителя языка, формируемый знаниями говорящего о мире.

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ И ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ДИАЛЕКТНОГО СЛОВА*

Русские народные говоры дают богатый материал для лексикографического описания, лексикологических, этнолингвистических и грамматических исследований. В этом смысле Словарь брянских говоров являет собой богатейшее собрание поистине уникальных сведений общеэтнографического и собственно лингвистического характера. Следует заметить, что работа над Словарем заставляет составителей решать важные прикладные задачи по полному толкованию того или иного диалектного слова, что неизбежно приводит к отработке нестандартных методик лексикологического анализа.

Занимаясь рассмотрением семантической структуры диалектного слова, исследователь сталкивается с необходимостью выделения мельчайших семантических компонентов, природа и характер которых могут быть различными. При этом часто приходится заниматься лексикографической интерпретацией значений, которые сложно признать собственно лексическими. Словарь в этом случае превращается в своеобразное "зеркало" грамматической семантики, что лишь увеличивает его ценность и научную значимость.

Одним из важнейших методов научного исследования в современной лингвистике является метод функционального анализа, предполагающий изучение разноуровневых языковых единиц во всем многообразии форм их взаимодействия[32]. Описание функционально-семантических полей (ФСП), базирующихся на определенных семантических категориях, через их типовые речевые реализации – категориальные ситуации (КС) – позволяет проанализировать тончайшие нюансы системной организации диалекта вообще и диалектной лексики в частности, определить важнейшие

---

[32] См.: [Бондарко, 1983]

особенности грамматико-лексического взаимодействия при выражении тех или иных речевых смыслов, глубже проникнуть в структуру того или иного лексического значения.

Система ФСП диалекта, как и аналогичная система литературного языка достаточно обширна и разнопланова. Ее изучение безусловно будет в центре внимания многих поколений лингвистов.

Предметом исследования в данном разделе является сема повторяемости как строевой компонент лексического значения диалектного слова. Именно диалектного слова, так как в зоне нашего исследовательского зрения окажутся слова разных частей речи, а не только глаголы, как можно было бы предполагать изначально.

Конкретный объект исследования – прежде всего, словарные статьи пяти выпусков Словаря брянских говоров [СБГ, 1976–1988], а также материалы Картотеки СБГ

Повторяемость рассматривается нами как микрополе в рамках более широкого ФСП временной нелокализованности (НЛ). Под НЛ понимается абстрагированность действия (и шире – ситуации в целом) от конкретного момента или отрезка времени[33]. Следует заметить, что интерес к категории НЛ, эпизодичности (по другой терминологии) постоянно повышается в связи с изучением самых различных лингвистических объектов[34], в первую очередь, безусловно, это касается разработки аспектологической теории.

Семантическая зона повторяемости достаточно неоднородна. Здесь следует различать итеративность как неограниченную кратность (и шире – итеративные ситуации) и многоактность (и шире – ситуации мультипликативности). Являясь типами повторяемости в широком смысле, итеративность и мультипликативность имеют весьма существенные различия.

В ситуациях мультипликативности представлено действие, состоящее из множества сменяющих друг друга однородных актов, интервалы между которыми не выражены в силу их несущественности. К многоактным относятся глаголы типа: *стучать, лупить, ляпать, здучать* и т.п. Например: *Семена льна и конопли оббивают праником. Стучишь по головкам, зерно и высыпается; Ой, кто-то в двери ляпает – стучит; Кто это в дверь здучит, ты, донька.* Все

---

[33] О НЛ и ее типах: простой повторяемости, узуальности и вневременности см.: [Бондарко, 1987; Панова, 1979; Смирнов, 1985; Смирнов, 1986; Смирнов, 1987].

[34] См., например: [Булыгина, Шмелев, 1989].

эти глаголы составляют единый лексико-грамматический разряд – многоактный способ действия (СД).

В ситуациях итеративности представлена неограниченная повторяемость одного целостного действия, выражаемая формами глагольного вида в их взаимодействии с лексическими единицами: значениями глаголов и обстоятельственных показателей различного рода.

В говорах Брянской области, так же, как и в современном русском литературном языке, выделяются два типа итеративности: простая повторяемость и узуальность (обычность).

Простая повторяемость наблюдается в рамках конкретно наблюдаемого или воспроизводимого в памяти единичного эпизода. Например: *Виднеть стало – летали коло нас самолёты, оказались свои.* Наиболее важна здесь при создании значения простой повторяемости множественность субъектной и объектной групп (*самолеты, мы*).

Более распространены в говорах Брянской области и в большей степени опираются на лексические средства выражения ситуации узуальной повторяемости, в которых нет ограничения временного периода повторяющегося действия: *Здесь часто летают самолёты.*

Значение повторяемости в приведенных примерах передается глаголом разнонаправленного движения *летать*. Однако во втором случае, помимо значения повторяемости, с помощью наречия *часто* выражается и характер повторяемости – ее частотность. Именно высказывания, передающие узуальные ситуации, и послужили основным материалом для данной статьи. Непосредственному анализу в ней, как уже было отмечено, подвергаются слова различных частей речи, в структуру лексического значения которых входит сема итеративности. Отмечаются случаи, когда данная сема является как центральной, актуализированной, так и периферийной или потенциальной.

За пределами внимания оказываются грамматически специфицированные средства выражения исследуемого значения – глаголы определенных способов действия (СД), такие, как, например, глаголы прерывисто смягчительного СД, типа ***похаживать, побаливать,*** в которых, по мнению М.А. Шелякина, приставка ***по-*** указывает на прерывистость и неполноту, а суффикс ***-ива-*** – на нерегулярность воспроизводимого действия [Шелякин, 1983].

Наиболее частотным средством выражения итеративности является частица ***бывало*** (вар. *бувало*). Например: *Бывало, прилетит скворец, а воробьи захватывают домик; Бывало, зимой просекали пельки, а эти года уже ни просекали.*

По определению Словаря брянских говоров, частица *бывало* “придает глаголу значение нерегулярно повторяющегося действия в прошлом” [СБГ, 1980, с. 28]. Это толкование почти полностью совпадает с тем, что дает МАС. Ср.: частица ***бывало*** “употребляется как вводное слово, придает глаголу значение действия, нерегулярно повторяющегося в прошлом: иногда, прежде, случалось” [МАС, т. 1, с. 28].

Эти толкования СБГ и МАС представляются нам не совсем точными. Наречие ***иногда*** действительно имеет значение нерегулярности, в частице же ***бывало*** это значение не выражено так же, как не выражено в нем (или лучше – нет в частице указания) и значение регулярности. Частица ***бывало*** указывает на “давнее обыкновение” обозначенного глаголом действия, отмечая сам факт повторяемости, на ее характеристику (регулярность или нерегулярность).

Наиболее обширным классом слов, содержащих в структуре значения сему повторяемости, являются глаголы. Отметим наиболее характерные случаи выражения итеративности.

Глагол ***бывать***. СБГ выделяет в семантической структуре этого слова два ряда значений. На наш взгляд, все эти значения имеют примерно одинаковую структуру, а их дифференциация объясняется различным соотношением сем экзистенциональности (‘существовать’, ‘находиться’) и итеративности (‘время от времени приходить, появляться, встречаться’). Ср. два примера, в первом из которых сема итеративности актуализирована и занимает центральное положение в семантической структуре значения *бывать*, во втором же эта сема оказывается на периферии: а) *Грязь бывает весной, как лёд плохой*; б) *Клички у коров всякие бывают.*

Оставив без внимания морфологически специфицированные СД, обратимся к определенным лексико-семантическим группам глаголов, в структуре значения которых сема итеративности занимает центральное положение.

Глаголы разнонаправленного движения *ходить, ездить, бегать, плавать, летать* и т.п. так или иначе выражают значение повторяемости, Например: *Толокушечник. Сторож по деревне ходил с пал-*

кой – толокушечник; *Парнишка, что с вами ходил – сколько ему*; *Крысы писклят уничтожают, через лох бегают и па всём селу.* Ср. развернутое толкование глагола ездить, данное СБГ, который выделяет в этом слове три бесспорных его значения: "1. Периодически перемещаться в каком-л. направлении с помощью средств передвижения. *Раньше была лошадиная дорога, на колёсах и на санях ездили*; 2. Бывать где-л., посещать кого-л., приезжать. *Ездила повидаться с родственницей*; 3. Уметь пользоваться какими-л. средствами передвижения. *Наши деды верховнями ездили.*" [СБГ, 1988, с. 53]. В первом значении глагола *ездить* сема итеративности выступает "в чистом виде"; во втором – можно отметить взаимодействие сем итеративности и экзистенциальности; особенностью третьего значения является взаимосвязь семы итеративности с модальной семой "умения"

Положение семы итеративности в семантической структуре глагольного значения и ее "осложненность" другими семами можно проиллюстрировать и иными примерами.

Глагол ***летать***, например, в первую очередь, "обозначает действие, повторяющееся, совершающееся в различных направлениях, а также взад и вперед" [МАС, т. 2, с. 178]. В подобных случаях актуализация семы итеративности очевидна. Например: *Коровка – бабочка такая, в саду летает, летом много их бувает*; *Будут птушки с железными крыльями летать.* Однако в этом значении проявляется и другая сема – сема квалитативности (качественного своеобразия). Ср.: *Дергач в лугу, в траве и в жите. Он не летае, он прыгае, ножки тоненькие, высокия*; *Когда цыпляты большие, начинают на куросадни летать.*

В двух последних примерах глагол *летать* выражает не только, а может быть, и не столько значение повторяемости, сколько значение общей типичности действия для указанных субъектов, определенным образом характеризует, квалифицирует эти субъекты.

Квалитативное значение, возникающее на базе значения итеративности, может быть выражено и более четко, с помощью специального уточнителя образа и характера действия: *Чмель полосатый, летает, как пчела.* Попутно заметим, что мы не рассматриваем те ситуации, в которых выражается типичность того или иного действия для открытого класса субъектов, то есть за пределами исследовательского внимания оказывается наиболее обобщенный тип временной нелокализованности – вневременность

(вневременные ситуации “вечного” действия типа: *птицы летают, а змеи ползают*).

Достаточно частотны случаи, когда в высказываниях, передающих узуальные ситуации, представлен комплекс средств лексического выражения. Например: *Весной, бывало, праздники старинные, садятся на лодки, по реке плавают.* В этом примере использованы следующие средства: глагол разнонаправленного движения *плавать*, частица ***бывало*** и специальный показатель регулярности повторяющегося действия ***весной***. В значении глагола ***плавать*** актуализирована сема повторяемости, которая так же, как и в значении глагола ***летать***, может служить основанием для развития семы квалитативности. Ср.: *Есть утки, залетают, лапки без перепонок, как у курицы, они плавают* (таково их свойство – *И.С.*), *крупные, рудоватые.*

Узуально-квалитативное значение в рамках категориальной ситуации легко совмещается со значением оценочности, которое может выражаться (хотя и не обязательно) специальным показателем. Например: *Она крепко хорошо плавала, ровесница моей дочери, ещё ровня.*

Сема итеративности занимает центральное положение в структуре значения глаголов, денотатами которых являются периодичные действия. Речь идет о глаголах типа: ***есть, снедать, стибать*** (“есть”), ***завтракать, вечерить, спать, ночевать, зимовать, сеять*** и т.п., называющих процессы в области человеческой жизнедеятельности, профессиональной занятости, в сфере метеорологии и т.д.

Значение повторяемости, передаваемое такими глаголами, обусловлено экстралингвистическими факторами: нашими представлениями об окружающей действительности и закономерностях ее развития. Остановимся на наиболее типичных лексемах. Например: *У нас снеданья говорют, снедать и завтракать. И так, и так говорют.* Ун.; *И бедала, и завтракала – всё вместе.*

Сема итеративности сохраняется и в других, переносных значениях глагола ***завтракать***, тесно связанных с различными обрядами (свадебными и похоронными). В этих случаях изменяется лишь значение характера регулярности. Ср.: *После венчания придёшь завтракать. Там уж корову режут. Уговаривают, чтоб невесте платили фунт мяса. Жених и плотит*; *После похорон родные идут на кладбище. Брали еду. Эта они покойнику завтракать несут.* В последнем высказывании значение повторяемости не выражено

специальными средствами, сема итеративности оказывается в периферийной зоне значения глагола ***завтракать***.

Глаголы рассматриваемых лексико-семантических групп могут выражать значение квалитативности, обусловленное значением неограниченной повторяемости. Например: *Бухгалтер в сельсовете, агент финансовый берёт налоги, берёт штраховку – штрахует.* В этом высказывании глагол *страховать* ***(штраховать)*** содержит в себе указание на характер определенной профессии и регулярное воспроизведение указанного действия. Перечень примеров и глагольных лексем с аналогичным значением можно было бы продолжать до бесконечности, однако механизм реализации периферийных сем итеративности будет одним и тем же.

Значение периодической, циклической повторяемости, обусловленное экстралингвистическими факторами, содержится в огромном количестве существительных, составляющих лексико-семантические группы наименований времен года (*осень, зима, лето, весна*), частей суток (*день, ночь, утро, вечер*), природных явлений (*дождь, молния, метель, вьюга*) и т.п. Ср.: *Фуфайки для зимы ткали из черной волны; Зимой бывает метель, вьюга. Сёлето плохая была зима, снегу много.*

На наш взгляд, сема итеративности сохраняется и в периферийной зоне производных значений этих и подобных им слов. Ср., например, слово ***зима*** в значении "садовый цветок" (толкование собирателя): О*на да самой зимы бывает, поэтому зима называется.*

Среди этих слов можно выделить и группу наименований праздников (чаще всего – религиозных), отмечаемых ежегодно, с соблюдением строгой регулярности.

Сема итеративности – обязательный компонент лексического значения таких существительных, прилагательных и составных номинативных обозначений, как: *Иван, Евдакея, Миколай, годовой* (праздник), *Новый год, Духов день* и т.п. Ср.: *На Ивана траву рвут, обтыкали окна, руки позаматывали, а старики с топорком в лес ходили; Через три дня обязательно перекрестит бабка, говорит: "Нехай Катюша, нехай Ванька, под праздник какой" У нас под Микалай – Микалай, под Евдакею – Авдоха; Духов день – эта Троица. Два дня гуляли. Гармошки играют, песни спевали, красиво спевали.*

В словарной статье СБГ на слово ***годовой*** вторым по порядку отмечается значение, в котором преобладает сема итеративности:

"2. Бывающий один раз в году (о религиозном празднике). *Хаты мыли только к годовому празднику, годовой праздник – престольный праздник...*" [СБГ, 1984, с. 31]. Чрезвычайно важным, на наш взгляд, является в данном толковании причастие ***бывающий***, которое также содержит сему итеративности (об этом см. выше).

Выделение наименований праздников в одну группу и пристальное внимание к ним обусловлено следующим обстоятельством: древнейшие праздники были точками отсчета для исчисления календарного времени, для определения сроков сельскохозяйственных работ и т.д., то есть представляли собой базу для возникновения у человека идеи времени вообще, так как выражали самое существенное для этого – идею повторяемости всех процессов и явлений в окружающей действительности[35] [см.: Гюйо, 1899; Уитроу, 1964].

Обратимся к следующей группе глаголов, способных выражать повторяющиеся действия, но лишь в совокупности с другими значениями, так как эти глаголы могут использоваться в высказываниях как предикаты класса.

Под предикатом класса мы понимаем "конструкт, обобщение. Он не тождественен не только отдельному члену класса, но и множеству его членов: он является абстракцией высшего уровня, которая соотносится с индивидуальными членами, но не является их обозначением... Таким образом, значение класса включает в себя указание на то, что денотат соотносится с отрезком времени, но не лежит непосредственно на оси времени, то есть не имеет точной локализации во времени" [Селиверстова, 1982, с. 91–92].

Возьмем, например, глагол ***говорить*** в следующих контекстах: *Серёжа был недвижим, не говорил* (был немым – *И.С.*). *Тринадцать годов умер; Год сравнялся – как с молотка, стал говорить чисто, просто, разборно говорил.*

Глагол ***говорить*** обозначает наличие речевых возможностей у кого-л., владение кем-л. языком. Здесь нет повторяемости "в чистом виде" Однако итеративность как потенциальная сема все же содержится в структуре данного значения, так как владение речью, языком предполагает и их использование: гипотетически можно выстроить ряд потенциально повторяющихся действий.

Весьма знаменательным в этом отношении является толкование рассматриваемого значения в СБГ: "1. Пользоваться (подчерк-

---

[35] См.: [Гюйо, 1899; Уитроу, 1964].

нуто нами – *И.С.*), владеть устной речью" [СБГ, 1984, с. 29]. Точно так же нельзя отрицать наличия семы итеративности в оттенке значения, выделяемом СБГ: "// Владеть каким-л. языком, изъясняться. *Почепские по-хохлацки говорют.*" [там же]. Не выявляется сема итеративности при обозначении глаголом конкретно наблюдаемого действия типа: *Слышу, говорит он мне что-то.*

Сема итеративности является потенциальным элементом значения ряда прилагательных и существительных, мотивированных глаголом ***говорить***. Ср. следующие фрагменты словарных статей 4-го выпуска СБГ:

ГОВО'РКИЙ... и **ГОВОРК'ОЙ**... 1. Словоохотливый, разговорчивый. *Я баба такая говоркая, что со мной говорить не переговорить; Есть люди говоркие, много знают, много говорют.*

ГОВОРНО'Й... Владеющий устной речью. *Он был говорной, а вот спужался и онемел.* [СБГ, 1984, с. 30].

Существительные ***говорок, говорун*** и ***говоруха*** имеют значение "тот, кто любит поговорить": *Та тоже говорок, и мужик у ей говорок, это говорки; Дед ваш говорун; Это говоруха тебе наговорит мерку.* [Там же].

Ситуации, в создании которых принимают участие предикаты класса, характеризуются оттенками модальных значений. Ср.: *Он говорит = Он умеет, может говорить.* Можно выделить целый ряд глаголов, в структуре значения которых в узуальных ситуациях совмещаются значения итеративности и модальности: ***петь, плясать, ткать, вязать, валять*** (валенки) и т.п.

Можно предположить, что сема итеративности проявляется на самой отдаленной периферии значения тех глаголов, которые употребляются с модальными глаголами-связками ***мочь*** и ***уметь***. Ср.: *Круг могут вылечить* (= часто вылечивают – *И.С.*), *а экзему – нет; У нас соседка ведьмовать умела* (= часто или регулярно ведьмовала – *И.С.*).

Широко представлены в говорах Брянской области лексические средства выражения характеризованной повторяемости.

Характеризация повторяемости (а точнее – интервалов между повторяющимися действиями) может происходить двумя способами: 1) по признаку регулярности/нерегулярности (Р/НР) и 2) по признаку частотности/ нечастотности (Ч/НЧ).

Две пары этих признаков приводятся во многих работах, посвященных повторяемости, и в большинстве из них устанавливает-

ся зависимость признака Ч/НЧ от признака Р/НР. Так, например, Е.Х. Люшинская, Г.И. Панова и Л.П. Рощина отмечают невозможность сочетания признаков Ч/НЧ с признаком Р при нормальном взаимодействии Ч/НЧ с НР [Люшинская, 1977; Панова, 1979; Рощин, 1969].

Однако, на наш взгляд, отношения между признаками Р/НР и Ч/НЧ иные. Р/НР – признаки, отражающие объективные свойства любого реально повторяющегося действия, а именно: равномерность/неравномерность интервалов между повторяющимися действиями; Ч/НЧ – субъективная характеристика действия, оценка его повторяемости (регулярной или нерегулярной) с точки зрения говорящего [Смирнов, 1995].

Основным средством выражения регулярной повторяемости является наречие *регулярно*: *Люди денежные, регулярно обеспечиваются*; *Регулярно алименты платили.*

Очень употребительны в подобных ситуациях наречия, мотивированные существительными (*весной, зимой, днем, ночью* и т.п) и синонимичные им предложно-падежные конструкции: *Весной Десна разливалась*; *Весною просекешь берёзку, чтоб засвистела, берут берёзовик.*

Для выражения строгой регулярности используются кванторные, по терминологии Е.В. Падучевой [Падучева, 1985], местоимения ***каждый, кажный, всякий*** в сочетании с существительными, обозначающими временные отрезки (*день, ночь, год* и т.п.): *Угодки – какой день умер, каждый год справляют*; *У нас черногузы приписные: кажный год одни прилетают.* Для передачи значения обязательной (строгой) регулярности в брянских говорах используются наречия *кажидён* и *кажидённо* (ежедневно): *Зимой кажидён печку топили*; *Колхозные машины кажидённо ходют.*

Значение нерегулярной повторяемости чаще всего передается литературными наречиями ***иногда, временами*** и диалектными образованиями ***годом, годами***, употребляющимися в значении “не каждый год, непостоянно” [СБГ, 1984, с. 30]. Ср.: *Иногда свиньи болеют чумой, скулорожей*; *Сеголетний год временами мне плохо*; *Орехи ж бывают годом, год бывает, год – нет*; *Майские жуки годом бывают*; *Яблоки годами родятся.*

Значения Ч/НЧ выражается наречиями *часто, редко* и их производными. Ср.: *На талаку нас часто летом посылали, но денег*

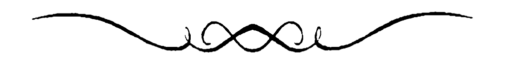
за неё не платили, только кормили три раза, Гришка частёхонько приезжает, Деревенцы наши редко в город ездют.

Особо отметим те случаи, когда значение частотной повторяемости ситуации в целом создается с помощью количественного наречия *много.* Например: *На этого человека много жалилися.* Возможна следующая трансформация данного высказывания: этого человека часто жалели. Ср. также: *Председатель колхоза много меня пытает* (часто спрашивает – *И.С.*), *даже со вниманием.* Приведенные примеры позволяют сделать вывод о наличии в семантической структуре данного слова потенциальной семы повторяемости.

Максимальной частотностью повторяющегося действия отличаются ситуации, выражаемые высказываниями с наречиями ***всегда, вечно, постоянно***: *Какушка и в утро, и всегда какуеть.*

Таковы основные структурные типы актуализационных реализаций семы повторяемости, отражаемые Словарем брянских говоров и его Картотекой.

Таким образом, можно отметить, что использование в лексикографической практике методики функционального анализа позволяет более полно отразить семантическую структуру диалектного слова.

МОДАЛЬНЫЕ СЛОВА И ЧАСТИЦЫ В БРЯНСКИХ ГОВОРАХ*

Анализируемые здесь лексические средства выражения отношения говорящего к высказываемому ограничиваются рассмотрением группы вводно-модальных слов и ряда отдельных частиц, зафиксированных на территории Брянщины и привносящих в высказывание значения (и их оттенки) различной степени возможности/невозможности, уверенности/неуверенности и т.п. Это вводно-модальные слова: ***верно, возможно, вправду, знать, значит, кажись, конечно, может, наверно, правда, ясно*** и некоторые др., — и частицы: ***вроде, навроде, небось, неужель, нешто*** и некоторые др.

"И анализ текста в целом, и исследования функционирования в нем отдельного предложения, — пишет С.Г. Ильенко, — не могут быть предприняты без учета смыслового радиуса действия синтаксической категории и прежде всего семантического радиуса такой категории, как предложение" [Ильенко, 1981, с. 135]. Как показывает диалектный материал, в подавляющем большинстве случаев без учета семантического радиуса действия невозможно понять даже смысл конкретного предложения, в состав которого входит модальное слово или частица. Например: *Вон какой пушистый котеночек, лохматый. Вон побёг. От сибирской кошки,* ***наверно*** (1)[36]; *Танька выходит эта и говорит: "Не жалко тебе дерюгу резать, мешки латать?" Я говорю: "Так они, все одно, пропадут теперь. Кому оно надо?" Вот теперь она ж,* ***правда****, пропала* (2); *— Народу у нас было много, а сейчас поразъехались. В городе-то два выходных дают, а тут без выходных. — А как же!* ***Конечно****, без выходных* (3); *Ой, девки, глядите! И солнце светить, и дождь идет. Этот*

 Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда согласно проекту 96-04-06407.

[36] Все приводимые здесь примеры были собраны автором во время диалектологических экспедиций 1987—1990 годах в деревнях Манцурово и Рябчевск Трубчевского района Брянской области.

дождь у нас грибовой зовется. От его, ***значит,*** *лучше грибы растут* (4) и т.п.

Своеобразное исключение здесь составляют лишь сложные предложения, в одной из частей которых имеется лексическое средство выражения модальности. Ср.: *Ты вон сидишь, пишешь все за нами,* ***знать,*** *и мы что не так говорим* (5); *А вот русские все* ***вроде,*** *а говорим не равно* (6). Случаи подобного употребления встречаются крайне редко. Однако эти "исключения" носят чисто условный характер, поскольку в приведенных примерах наиболее важным и значимым оказывается нечто совершенно иное. Нетрудно заметить, что все приведенные текстовые фрагменты, включающие в свой состав лексические средства выражения модальности, обладают ярко выраженной двухчленной структурой. Одно или несколько предложений (в единичных случаях – часть сложного предложения) задают определенную ситуацию, выражают какую-либо мысль, описывают что-либо и т.п., представляя собой некую специфическую тезу. Предложение (реже – часть сложного предложения), включающее в свой состав лексический модальный квалификатор (вводно-модальное слово или частицу), обычно завершает всю конструкцию, и его содержание всегда оказывается обусловленным тем, о чем говорится в тезе, то есть такой текстовый фрагмент оказывается построенным по схеме: "**мысль (ситуация) – оценка (отношение говорящего)**" Как это ни парадоксально, но подобным свойством, выраженным с различной степенью отчетливости, обладают практически все зафиксированные примеры.

Что же касается "различной степени отчетливости", то она оказывается зависимой от конкретной речевой ситуации и определяется той или иной формой выражения рассматриваемых конструкций. В соответствии с этим можно выделить два основных случая подобного употребления.

1. Наиболее ярко двухкомпонентность анализируемой структуры проявляется в диалоге, когда один из собеседников высказывает какую-либо мысль, а другой подвергает ее сомнению или, напротив, подтверждает сказанное. Например:

– А где чайник, ты не видишь?

– На кухне.

– А ***нешто*** *там?* (7)

– *А вот колды раньше были. Вредили. А сейчас нема никого. Уже старух этих нету, кто умеет.*
– *А раньше умели.* ***Правда,*** *делали ж.*
– *Ну,* ***конечно,*** *делали.* (8)

Сюда же примыкает и пример № 3. Иногда в качестве средства, стимулирующего реализацию лексического способа выражения модальности, может использоваться прямой вопрос, отвечая на который, один из говорящих или каждый из собеседников строит различные предположения, выражает уверенность (неуверенность) в чем-либо и т.п. Ср.:

– *Кто это идет?*
– ***Вро́де*** *Валька.*
– ***Неужель*** *Валька приехала?! Что-то я ее не угадываю.* (9)

– *Пойдешь завтра в рыбу?*
– *А заглот есть?*
– ***Вроде*** *есть.* (10)

Аналогичная ситуация встречается и в том случае, когда диалог передается в пересказе, то есть используются конструкции с прямой речью. Ср.: *С сельсовета эта пришла во и говорит: "Во, бабуля, во хорошо работаешь ты тут!" А я говорю: "****Правда,*** *девонька, работаю"* (11); *Когда пришла рассчитываться, директор говорит: "Я просто удивился, что, какая твоя молодость, и ты не побоялась, дескать, на такую работу на тяжелую" "А что ж, – говорю, –* ***конечно,*** *не побоялась!"* (12). Та же тенденция проявляется и в монологе, который построен по образцу диалога, когда говорящий, рассуждая, задавая риторические или прямые вопросы и тут же отвечая на них, как бы разговаривает сам с собой. Ср.: *Ну, и сейчас можно хлеб спечь. А то не можно?* ***Конечно,*** *можно* (13); *Она-то с Рябчевска. Давно уж у нас живет. А вот с откули ее мужик был? С далечи,* ***кажись*** (14); *Чьи же это поехали?* ***Може,*** *Тихоновы?* ***Вроде*** *не. У Тихоновых белая* ***вроде*** *машина* (15). Таким образом, интересующая нас конструкция встречается здесь в трех разновидностях: в форме 1) прямого, 2) косвенного и 3) внутреннего диалога.

2. В монологической речи преобладающими оказываются случаи, когда конструкция состоит из нескольких предложений, а модальноокрашенное предложение находится в постпозиции. Например: *Уже давно так скотину не держат, как раньше. Ничего*

нема. Где там кто корову держит, и все. Ленятся, ничего нет. Лет 20, ***знать,*** *нет* (16); *Все платье поистрепалось и грязное. Космачи аж черные. А* ***вроде*** *недавно стирала* (17); *Сегодня чегой-то крепко жарко. Все парит, парит. Дождь,* ***наверно,*** *будет после обеда* (18); *Не знаю, откули он приехал, не спрашивала я. Даже с Украины,* ***может*** (19). Сюда же относятся и примеры № 1-2, 4, 30-56. Наряду с этим в единичных случаях встречаются употребления, когда предложение, включающее в свой состав лексическое средство выражения модальности, предшествует тезе, находится в препозиции, а все конструкция оказывается как бы "перевернутой" Ср.: *Мать,* ***ясно,*** *меня уж не жалеет. Во вон мать моя, все за внуками бегает* (20); ***Конечно,*** *вы к нашему молоку не приучены. У вас в городе молоко другое* (21); *Летом,* ***конечно,*** *дела хорошо идут. Летом тепло всегда. Солнышко светит* (22). Эти же две разновидности – с прямым и обратным порядком следования компонентов – встречаются и в ситуации, когда мы имеем дело с отдельным сложным предложением. Ср., прямой: *Волос седой стал, сивый, а* ***возможно,*** *породы такой* (23); *У нас климат хороший,* ***правда,*** *погода часто меняется* (24); *Тады ни больниц, ничего, а у ей,* ***верно,*** *воспаление было* (25). Сюда же относится пример № 5. Обратный порядок следования компонентов: *Давайте,* ***правда,*** *"Косарики" споим, сенокос же пришел* (26); *А он* ***навроде*** *на того парня пошибается: и кофта у него такая, и штаны тож серенькие* (27). Как видно из примеров, независимо от порядка следования компонентов, сохраняется главное – обусловленность или зависимость части, содержащей модальную оценку. Наконец, в отдельных случаях предложение с модальным словом или частицей может находится в интерпозиции. Например: *Не хочет сынок меня в свои дела поверять. А* ***неужто*** *я глупая,* ***неужто*** *не почую! Не такая уж стара я, чтоб не понять* (28); *Щас-то мы того году картохи доедаем. Да* ***наверно,*** *скоро уж побогачим. Огурцы пойдут, помидоры, картохи молодые подрастут* (29). В последнем случае кажущаяся трехчленность конструкции создается за счет того, что вся структура завершается предложением (иногда – частью сложного предложения), подтверждающим или усиливающим предшествующее модальное значение, то есть второй компонент в плане содержания становится более насыщенным. Остается добавить, что, за исключением первой разновидности, все остальные, приведенные здесь, встречаются крайне редко. В общем же виде необходимо различать

лишь случаи: с а) прямым и б) обратным порядком следования компонентов рассматриваемой структуры, понимая, что дифференциация этих разновидностей проводится по сугубо формальному признаку.

Как уже отмечалось, содержание предложения, обладающего модальной окрашенностью, обусловлено тем, о чем говорится в тезе. Диалектный материал позволяет выделить пять видов упомянутой обусловленности, каждый из которых включает две разновидности, определяемые общим характером модального значения в каждом конкретном случае. Для удобства предложения, содержащие модальный квалификатор со значением допустимости, возможности и т.п. будем называть "предполагаемое", а предложение с квалификатором, имеющим значение уверенности, убежденности и т.п. – "утверждаемое" Следующие ниже названия выделяемых разновидностей используются чисто условно и выражают лишь самый общий характер отношений между компонентами, наблюдаемый в данных структурах.

I. Допущение.

1. Содержание тезы допускает, не противоречит высказыванию предполагаемого. Например: *Ходила к соседке, а ее и нет. **Наверно**, в поле была* (30); *Белоголовец – травка такая. Скот его ест. **Вроде** и людям дают от желудку, от язвы* (31); *Ой, кака прибрана Настасья-то идет! Вся в новом платье! **Небось** на свадьбу собралась* (32); *Жала девка житечко, притомилася, на чужую сторононочку задивилася. Все хлопцы на улице, а моего нема. **Верно**, у моего милого болит голова* (33); *Давно что-то баб нема. Ушли с утра – и нету! **Может**, где застоились кыло магазину* (34). К этой же подгруппе относятся и примеры № 1, 7, 9, 10, 14, 15, 17-19, 23, 27-29.

2. Утверждаемое мыслится в качестве приемлемого исключения из того, о чем говорится в тезе. Например: *У нас яблок много: целых три сорта. Эти белый налив называются. Они самые ранние, хорошие, вкусные. Я их люблю дуже. **Правда**, падают много* (35); *Лес у нас раньше богатый был. Как пойдешь, так всего потихоньку наберешь. А теперь ничего нету. **Правда**, ведерко ягод на зиму наваришь* (36); *У нас летом хорошо. Погода всегда така хороша бывает. Тёпло. Я люблю лето. Бывает, **конечно**, что и дождь какой хлынет* (37). Сюда же и пример № 8.

II. Пояснение.

Содержание тезы распространяется предполагаемым или утверждаемым пояснением.

1. Предполагаемое пояснение: *Девки, вы щас зайдите к баб-кам. Они ужо ослобонились, **наверно**, после покоса* (38); *Ой, су-сетка, пошли в магазин. Туды, **кажись**, хлеба потянули* (39).

2. Утверждаемое пояснение: *Я внучку больше люблю, чем дочку. Ну так, **конечно**, внучка меньше, она и жалчише* (40); *Жар-ко было – пить крепко хотелось. Вот я полведра и хватанул. Не-большое, **правда**, ведерко было* (41). Сюда же и примеры № 4, 20-22, 26.

III. Вывод.

1. Предполагаемое мыслится как допустимый, возможный вы-вод из содержания тезы. Например: *Похож он на того парня, что я видала. Он **вроде** лез в магазин* (42); *Давно дождя не было. Все жа-ра и жара. **Наверно**, будет лето засушливое* (43); *Сегодня уже с де-дом на покос ходили. Он целый месяц хворал тут, с печки не сле-зал. А тут на днях получшал **вроде*** (44); *Наши котятки все гладкие, и шерсть у них короткая. А этот во пушистый. Сибирский, **наверно*** (45); *Раньше у меня еще лучше кот был. Красивый такой, серый. Да вот куды-то делся он. Недели две как нема. Уж больно хорош был! **Наверно**, уловил кто-то* (46).

2. Утверждаемое мыслится как вывод, устанавливающий до-стоверность содержания тезы. Например: *Живете в одном городе и друг дружку не знаете. И дочка моя так же живет. Ну, **конечно**, го-род это город* (47); *У моей старшей дочки свекор умер недавно. Позавтракал, откинулся на стул и сцепил кулаки. Вот так-то бы-вает! **Правда**, такая смерть тоже хорошо: легко он умер* (48); *Сей-час время не то, что было. Совсем другое сейчас время. Не дурак же сказал, что время на время не служит. Так, **вправду**, так и есть* (49). Сюда же относятся и примеры № 2, 3, 5, 11–13, 16.

IV. Следствие.

1. Предполагаемое мыслится по отношению к содержанию тезы в качестве реального следствия, реализующегося в той или иной степени. Например: *Ой, беда с этой погодой! Что ни день – то дождь. Ну, хучь плачь! Все сено ужс, **наверно**, попыло* (50).

2. Утверждаемое мыслится как прямое следствие из содержания тезы. Например: *Перед войной я всех коз продала. А мало выручила. Бедно ведь жили. Тогда,* ***конечно****, мало за них денег давали* (51).

V. Противопоставление.

Предполагаемое или утверждаемое противопоставляется тому, о чем говорится в тезе.

1. Противопоставление предполагаемого: *Красивые у нас места. Смотри, какие деревья, цветы! А у вас в городе* ***небось*** *дышать нечем* (52); *Мы это пральником называем. Все так говорят. А в другой деревне это,* ***может****, по-другому называют* (53); *Раньше много народу в деревне было. Это теперь все поразъехались. Здесь одни старухи остались. А вы* ***небось*** *рожденцы городские* (54). Сюда же и № 6, 25.

2. Противопоставление утверждаемого: *Мы сами не пекём хлеб. Мы ленимся. Готового покупаем, а его и сами, и курям, и свиньям даем. А свой-то вкусней,* ***конечно*** (55); *В городе живете и, кто у вас рядом есть, и не знаете. Все у вам тама так-то. А тута,* ***конечно****, всех знают, а как же, так-то о!* (56). Сюда же и пример № 24.

Предложенная дифференциация различных видов обусловленности, наблюдаемой в отношениях между компонентами анализируемой структуры, требует дополнительных комментариев и пояснений.

Так, предполагаемое абсолютно всегда по самой своей сути обладает тем или иным оттенком значения допущения, а утверждаемое в любом случае реализуется в качестве своеобразного вывода, к которому пришел говорящий. Поэтому критерий выделения первой подгруппы подразумевает ориентацию не на допущение вообще, в каком бы то ни было виде, а лишь на такое, которое представляется возможным или реальным только производителю речи, но в то же время не может быть выведено, не следует и т.п. из того, о чем говорится в тезе. С другой стороны, в третьей подгруппе также имеется в виду не вывод в самом широком смысле, а лишь тот, который предопределен содержанием тезы, основан на нем и с этой точки зрения представляется говорящему сомнительным или достоверным.

Здесь же необходимо конкретизировать и принцип, положенный в основу разграничения подгрупп III (вывод) и IV (следствие). Само содержание следствия представляется реальным по отношению к объективной действительности, и модальной оценке подвергается только степень реализации того, о чем говорится. Вывод же, напротив, может и не соответствовать реальности, и его достоверность/недостоверность обусловлена лишь пониманием и отношением к ней говорящего.

Наконец, в отмеченных разновидностях I—V, проиллюстрированных ограниченным числом примеров, уже и сейчас наблюдается некоторая разнородность материала, определяемая таким фактором, как характер направленности, адресация предполагаемого или утверждаемого. Нетрудно заметить, что допущение, как правило, реализуется в качестве “объяснения для себя”, то есть говорящий высказывает нечто, принимаемое на веру им же самим. Пояснение в большинстве случаев адресуется собеседнику: говорящий пытается убедить в чем-либо или зародить сомнение у слушающего. Вывод, следствие и противопоставление допускают как одну, так и вторую направленность утверждаемого или предполагаемого. Характер и направленность адресации модально окрашенного компонента также могут быть положены в основу последующей внутренней дифференциации материала в составе каждой из выделенных подгрупп.

Таким образом, анализ диалектного материала позволяет утверждать следующее:

1) определение модального статуса простого предложения, включающего в свой состав модальные слова или частицы, не может быть осуществлено без учета его семантического радиуса действия;

2) группа предложений (реже отдельное сложное предложение), ограниченных семантическим радиусом действия предложения с лексическим модальным квалификатором, имеет ярко выраженную двухкомпонентную структуру: “**теза (мысль, ситуация и т.п.) — оценка (отношение говорящего)**”;

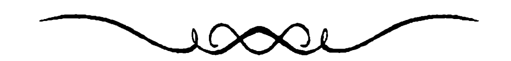
3) данная структура обычно встречается в форме монологического фрагмента, реже — в трех разновидностях: а) прямой, б) косвенный и в) внутренний диалог;

4) модальная оценка всегда обусловлена тезой и, как правило, находится в постпозиции; препозиция модальной оценки не

влияет на семантические отношения между компонентами и встречается крайне редко;

5) характер отмеченной обусловленности поддается дальнейшей дифференциации и позволяет выделить пять возможных разновидностей: а) допущение, б) пояснение, в) вывод, г) следствие и д) противопоставление; каждый из выделенных случаев представлен двумя подвидами, определяемыми общим значением модальной оценки (предполагаемое или утверждаемое);

6) существенным критерием для дальнейшего внутреннего разграничения упомянутых случаев обусловленности может служить направленность адресации предполагаемого или утверждаемого ("на себя" или на слушающего).

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ УСТНОЙ РЕЧИ В ДИАЛЕКТНОМ СЛОВАРЕ*

Социально-культурная и лингвистическая ценность диалектных словарей во многом определяется общей стратегией переработки языкового материала, который собирается различными способами. Наиболее распространенный "метод непосредственного наблюдения" предусматривает запись живой речи носителей диалекта по определенной программе (на "бумагу" или магнитофонную ленту). В ряде случаев диалектолог вынужден "восстанавливать" запись по памяти.

При декодировании записи возникает целый ряд сложностей, поскольку устную спонтанную речь трудно перевести в форму письменного текста. Совмещение в устной речи нескольких способов (каналов) передачи информации во многом обусловливает принципиальную невозможность адекватной передачи устной речи средствами письменной. Кроме этого следует учитывать необратимость устного коммуникативного акта и его нелинейный характер [Гаспаров, 1978].

Для носителя диалекта характерно спонтанное (неподготовленное) протекание общения. В устной речи коррелируют вербальный и невербальный компоненты. Невербальная внутренняя программа в большей степени проявляется при непосредственном общении. Она наиболее экономна и эффективна. Результаты эмпирического анализа свидетельствуют, что невербальный компонент в речи носителя диалекта чаще всего опережает собственно вербальную информацию.

Диалектная речи ситуативно обусловлена. В устной речи разрушаются границы между фразами. Речь строится по определенной программе собирателя, который задает тему и "ведет" общение. Собиратель может выступать как в роли активного собесед-

---

* © Н.Л. Шубина, 1999. Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда согласно проекту 96-04-06407

ника, так и в роли наблюдателя. И в том и другом случае при структурировании словарных статей составитель выбирает стратегию смысловой компрессии живого материла. Именно поэтому составитель словаря вынужден контекст употребления конкретного слова конструировать: он свертывает информацию и выбирает способ ее репрезентации, что отвечает основной задаче речевого материала, включенного в словарную статью. Многое зависит от установки собирателя: он выбирает то, что соответствует его задаче.

Реконструкция значения слова во многом зависит от качества записи и декодирования устной речи. Следует при этом учитывать существование значений в индивидуальном сознании, которые не выражены вербально. Собиратель интуитивно устанавливает так называемый "неструктурированный смысл" слова и, таким образом, "проектирует" определенные параметры словарной статьи.

Тенденция современной лингвистики, обращенная на исследование функционирования языковых единиц в условиях реальной языковой коммуникации определила новые ракурсы в изучении и описании слова, его природы, семантической структуры, текстообразующих функций и потенций. В связи с этим и в лексикографической практике ориентация на адекватное отражение речевой практики диктует комплексное и многоаспектное описание слова. Несмотря на большой положительный опыт диалектной лексикографии, наблюдается стремление переосмыслить способы репрезентации слова в словаре.

По мнению Н.Ю. Шведовой, "многоаспектное описание слова (применительно к словарю – словарная статья) является не чем иным, как определенным образом организованной совокупностью специально препарированных его окружений разного характера. Это описание можно назвать показом контекстной среды слова, контекстной системой, репрезентирующей такую среду" [Шведова, 1982, с. 144]. Различаются три типа контекста: синтагматический, классификационный и индивидуальный. Если первый тип контекста "непосредственно отражает реальные связи в тексте как постоянно повторяющиеся единичные данности", то контекст класса определяет место слова в кругу близких ему единиц. На индивидуальный контекст "опираются те детализирующие элементы толкования, которые приписываются слову на основании его употреблений в определенных содержательных отрезках и не входят в круг

показателей, отвлекаемых от классной принадлежности слова или от его синтагматических связей" [Шведова, 1982, с. 146].

Таким образом, задача многоаспектного описания слова в словаре должна решаться путем полного и всестороннего исследования отношений слова с другими единицами класса, его реализации в речи с учетом лингвистических и экстралингвистических условий, в которых слово функционирует.

Методы раскрытия семантической структуры слова не ограничиваются формированием схемы словарной статьи, конструированием последовательности значений и толкований значений слова.

Особое значение приобретает собственно языковой материал, помещаемый в словарную статью, так называемый контекст употребления, который извлекается из более сложного образования – **коммуникативного контекста**, включающего не только вербальный компонент, но и невербальный.

Лексикографическая интерпретация слова допускает описание смысла слова, его толкование в "нулевой позиции" (без контекста, в изолированном употреблении). При этом составители словаря учитывают наличие у читателя обязательных фоновых знаний, языковой и речевой компетентности. Однако главным и исключительно тонким инструментом анализа семантической структуры слова, на наш взгляд, является контекст употребления слова.

Следует отметить, что способ толкования значений слова путем набора абсолютно всех контекстов, в которых слово употребляется, кажется, на первый взгляд, наиболее полным и объективным способом толкования. Между тем опора на интуицию читателя, который извлекает значение слова из контекста, не может быть объективной базой в установлении смыслового спектра слова.

На наш взгляд, в словаре должны быть использованы разные способы презентации содержательной структуры слова с учетом цели, назначения и типа словаря. Однако для лексикографической практики, особенно в процессе подготовки словарной картотеки, имеет большое значение полное обследование текстов употребления. В словарь же помещаются только те контексты, в которых языковая единица полностью выявляет свое значение. Контекст в словаре понимается как "сочетание семантически реализируемого слова с необходимым и достаточным для реализации смысла лексическим окружением" [Бабкин, 1977, с. 28].

Нет сомнений в том, что "контекст в той степени, в которой он отражает синтагматические зависимости, характеризующие слова как единицы языка, не создает "контекстных значений", противоречащих "собственным" лексическим значениям слов" [Шмелев, 1973, с. 158–159]. Но при этом нельзя не учитывать, что слова в зависимости от условий реализации могут обладать определенной степенью воздействия на окружающий контекст. Последний же не только диагностирует или актуализирует семантику слова, но и участвует в формировании коммуникативной перспективы, поскольку он является своеобразным микроконтекстом, определенным образом структурированным. В связи с этим возникла острая необходимость определения механизма действия словарной иллюстрации в организации многоаспектного описания слова.

Особую значимость данная проблема приобрела в диалектной лексикографии. И это не случайно, поскольку диалект, с одной стороны, это самостоятельно функционирующая языковая система, а с другой – особая система коммуникации, характеризующаяся спонтанностью речевых реализаций, отсутствием функционально-стилистической стратификации.

Как правило, составитель словарной статьи при описании диалектного слова опирается на устно-речевые конструкции, отталкиваясь от письменно-литературной схемы, принятой в языке. Получается своеобразное моделирование диалектной речи. А между тем в ней отсутствуют многие типизированные структуры литературной речи, не совпадают границы фраз, отличается ритмико-интонационная организация высказывания, которая в литературной речи подвергается особого рода членению и акцентированию. Известны попытки составителей диалектных словарей "оттолкнуться" от устно-литературной речи при моделировании диалектной. Действительно, диалектная и устная кодифицированная речь имеют единую устно-речевую основу, однако между ними существует весьма существенная разница, которая выражается в наличии особых приемов построения фразы, движения тона и актуального членения, ритмической организации, паузирования. Следует отметить также, что в говорах "существует особая экстралингвистическая система, ситуативно недоговариваемого, эллиптически опускаемого, тематически ясного, обусловленного типическими условиями общения" [Лаптева, 1969, с. 27].

Примечательно и то, что на речь носителя диалекта воздействуют условия, при которых велась запись, поскольку чаще всего это монологическое повествование по тематическому заданию диалектолога. Именно поэтому приобретают особую ценность те записи, которые фиксируют диалогическую речь носителя говора.

Таким образом, составитель диалектного словаря вынужден решать целый комплекс проблем лингвистического и экстралингвистического характера. Наиболее актуальным является вопрос о конструировании контекста в словарной статье не только в соответствии с задачами словаря, но и особенностями устной диалектной речи.

Думается, что традиционный прием моделирования диалектной речи в словарной статье может быть оправдан при описании стилистически нейтральной лексики. Вполне понятно стремление составителя словаря представить наиболее полное толкование слова, опираясь прежде всего на научную презентацию слова. И тогда функция контекста употребления однозначна и традиционна. Ср.: ***глухомонь*** "многолюдное место, оторванное от культурного центра; захолустье" (*Глухомонь – глухое места*); ***горельник*** "лес, испытавший в прошлом воздействие огня, пожара" (*В гарельнику дровы*). Это происходит, видимо, потому, что лексикограф при конструировании словарных статей сталкивается с проблемой разграничения толкования значения слова и определения понятия, что вынуждает автора словарной статьи к искусственному привлечению контекста употребления (см., например: ***Дрянноватый*** "не очень хороший" (*Дриннаватъя карова*); ***Дудоля*** "соска" (*Где твая дудоля?*).

Что касается такого пласта лексики, который охватывается понятием "эмоциональная", то он требует только "живого" контекста, поскольку оценка принадлежности слова к эмоциональному пласту лексики зависит от субъективного фактора. Именно контекст проявляет наиболее ярко и рельефно эмотивный компонент значения слова. В качестве иллюстрации этого положения рассмотрим функцию контекста в следующей словарной статье СБГ: ***гусарик*** "ухажер, поклонник" (*Нашла гусарика, с шпаной скрутилась*). Словарная статья организована по традиционной модели: толкование слова и контекст употребления. Однако именно контекст является в толковании ключевым. В приведенном в качестве примера высказывании содержится определенная информа-

ция (объективно-модальный аспект) и выражается субъективное отношение говорящего к объекту высказывания (субъективно-модальный аспект). Само высказывание подчеркивает коммуникативную значимость описываемого слова. Порядок слов (*нашла гусарика*), введение эмоционально окрашенной лексики (*шпана, скрутилась*) оказывает целенаправленное и преднамеренное оптимальное воздействие на слушающего. Таким образом, субъективно-модальное значение данного слова определяется только через контекст.

В ряде случаев контекст становится более важным (а иногда и основным) и действенным в репрезентации смысловой неоднозначности слова, чем толкование. Ср.: ***герой*** "лицо, чем-н. обратившее на себя общее внимание" (*Ишь, герой пришла, гляди-ка!*). Особое значение в диагностике значения слова приобретает в данном случае прием акцентирования. Значение не эксплицировано лексико-грамматическим материалом высказывания. Именно ритмико-интонационная организация фразы обусловливает подчеркивание собой коммуникативной направленности слова *герой*. Наличие лексического акцентуатора (частицы) прогнозирует негативный, оттенок значения слова. В результате толкование слова находится в известном противоречии с контекстом употребления.

Вероятно, в диалектном словаре особо следует обращать внимание на такие элементы высказывания, которые приводят к изменению коммуникативно-прагматического содержания высказывания. Речь идет прежде всего о частицах, поскольку они в устно-разговорной речи полифункциональны. Особенно характерна их особенность маркировать рематическую часть высказывания.

Автор диалектного словаря не может не учитывать тот факт, что читатель уже имеет определенный "запас знаний", а поэтому читатель, как правило, сам моделирует языковую ситуацию, в которой действует слово. И в этом смысле выбор иллюстративного материала должен определяться целым рядом факторов. Так, в словарной статье ***гарно*** дается толкование "много, вдоволь" и приводится контекст употребления (*Выпей гарна*). На основе уже имеющегося "запаса" фоновых знаний, подкрепленных последующей словарной статьей ***гарный*** ("приятный на вид, красивый", "приятный на вкус"), читатель "домысливает" толкование слова ***гарно*** (тем более контекст в данном примере "нулевой"). В этом

случае необходим, вероятно, более широкий контекст живой диалогической речи.

Это положение относится и к тем словам, в которых под влиянием контекстных связей происходит смысловое наращение. Так, в слове ***голопузый*** отмечалось во всех толковых словарях значение "с голым, неприкрытым животом (о детях)" Под влиянием более широкого контекста (в ряде случаев ситуативного) наращение в смысловой структуре уже обозначилось. Об этом свидетельствует и художественная литература: голопузый в значении "нищий, бедный" Контекст употребления в СБГ маркирует "уточненное" значение (ср. словарную статью **голоногий**): *Раньше детей было помногу, они ходили голопузые.*

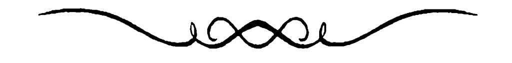
Весьма спорным и противоречивым в словарях остается отражение разных коммуникативно-модальных типов высказывания. Известно, что для вычленения коммуникативно значимого компонента в диалектной речи используются специальные приемы линейно-динамической организации высказывания. К ним относятся особый словопорядок, специальные фразеологизированные конструкции, необычное членение высказывания. В результате ценные конструкции способны передать не только эксплицитное значение слова в соответствии с его толкованием, но и имплицитное, связанное с определенной интенцией говорящего и условием коммуникации. Ср.: ***гомонок*** (*Гомони, гомони, гомонок*); ***горемычка*** (*Настояла горемычки своей – выпьешь – куда твоё лекарство*); ***голопупка*** (*Не ягоды, а зелёные голопупки!*).

Именно наличие фоновых знаний у читателя диалектного словаря приводит к появлению имплицитной информации в толковании того или иного диалектного слова. Причем к фоновым знаниям мы относим не только лексическую "осведомленность", но и грамматическую, синтаксическую, поскольку проецирование в сознании читателя типизированных конструкций оказывает определенное воздействие на моделирование диалектной речи (Ср.: ***гавчить*** (*Буде тебе гавчит! Во собака брехливая! Иди ты, не гавани*); ***гамбить*** (*Куда наша Олечка гамбит, все набиваешь, чтоб больше было? На шею машину повесить?*).

Задача диалектолога осложняется и тем, что сам он не свободен от влияния системы литературного языка. Ему приходится решать вопрос; включать или не включать в словарную статью те структуры, которые отражают специфические для диалогической

диалектной речи принципы построения высказывания, например, особую членимость фраз. Очевидно, специфической проблемой можно считать и отражение в словаре тематически ситуативного контекста.

Таким образом, в многоаспектном описании слова следует учитывать соотношение (взаимообусловленность) контекста толкования и контекста употребления диалектного слова. Весьма существенным становится набор разных типов контекстов, включая неупорядоченные построения, случайно возникшие в речи носителя диалекта с сохранением коммуникативно-модальных особенностей речи. Все это позволит отразить в диалектном словаре культурно-историческое значение диалектного слова.

НАЗВАНИЯ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ СОВРЕМЕННОЙ БРЯНЩИНЫ*

Топонимикон любого региона – и живой организм, постоянно обновляющийся, расширяющийся, и окаменевшая лава, вобравшая свидетельства древнейших времен. Несмотря на то, что первое летописное упоминание о населенном пункте, локализуемом на территории современной Брянщины, относится к 1096 году (*Олегъ же выйде и-Стародуба, и приде Смолиньску, и не прияша его смоляне, и иде к Рязаню.*)[37], в топонимиконе области сохранились и более древние следы. Так, от языческой эпохи остались такие названия, как ***Трубечи, Смелиж, Вщиж, Хотмирово, Причиж, Немедь*** и некоторые др. В эпоху Киевской Руси и феодальных княжеств возникли названия ***Брянск, Севск, Карачев, Воробиина, Трубчевск, Княгино, Осовик*** и многие др. Названия ***Салтановка, Башкир, Карачиж, Алымово, Чаянка, Заулье, Орменка*** и т.п. до сих пор звучат отголосками татаро-монгольского ига, а ***Католин, Литиж, Кистер, Витовка, Литовня*** и подобные напоминают о том времени, когда Брянщина входила в состав Литовского государства[38].

Однако наиболее интенсивное возникновение новых населенных пунктов и, соответственно, появление новых названий начинает происходить в XV–XVIII веках в связи с развитием производства и строительством мануфактур, фабрик и заводов. Так, например, в это время местные болотные руды и древесный уголь активно использовались для производства железа. Поселения, возникавшие на месте добычи железной руды обычно называли ***Рудня***. Так появились, распространенные по всей территории области

---

* © А.Ю. Кожевников, 1999. Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда согласно проекту 96-04-06407

[37] См.: [Повесть временных лет, 1978, с. 240].

[38] См.: [Губанов, 1970, с. 239–240].

многочисленные: ***Рудня, Рудное, Рудянка, Рудня-Терехова, Палужская Рудня, Рудня-Цата*** и т.п., а также: ***Завод-Корецкий, Кольцов Завод*** и т.п.[39] В XVI–XVII веках на территории современной Брянщины было широко распространено производство поташа, изготовлявшегося из древесного угля и необходимого для получения пороха, стекла, мыла и других изделий[40]. Поскольку Брянщина в те времена была еще повсеместно покрыта лесами, то ***буды*** (первоначально – лесные поселения отдельных владельцев) получили распространение по всей территории края. Так появились многочисленные названия типа: ***Буда, Буды, Будочка, Буда-Погощь, Буда-Улица, Зарюховская Буда, Петрова Буда*** и т.п., а поселения, в которых занимались исключительно производством стекла: ***Гута, Гута-Корецкая, Гутка-Муравинка, Денисова Гута, Шемякина Гута*** и др. В это же время появляются и названия по роду занятий жителей. Такие поселения назывались ***слободами и посадами: Толмачево, Супонево, Струговка, Курковичи*** и под.

В XVIII–XIX веках начинают активно появляться названия, образованные от имен, фамилий и прозвищ владельцев-помещиков или же первых поселенцев: ***Андреевка, Антоновка, Васильевка, Кондратьино, Марьино, Титовка, Юрково*** и многие др., а в начале XX века, особенно в первые послереволюционные годы, по вполне понятным причинам, появляется большое количество меморативов: ***Новая Жизнь, Красный Пахарь, Волна Революции, пос. Ленина, Новый Мир, Ленинский Уголок*** и т.п.

Продолжительность существования топонимов нередко обусловливает заметные фонетические и структурно-грамматические изменения названий, в результате которых один и тот же ойконим в устном, а часто и в письменном употреблении, можно встретить в виде несовпадающих вариантов. Чаще всего это фонетические варианты, наблюдаемые у большинства ойконимов Брянщины. Например: ***Алисовка / Олисовка; Ольшаница / Альшаница; Алешенка / Олешенка / Олешенька*** и т.п. В сохранившихся письменных памятниках и свидетельствах можно встретить значительное количество подобных примеров. Так, русские летописи, исторические документы памятники сохранили для нас 6 вариантов наименования города Трубчевск: ***Трубежскъ, Трубецкъ, Трубечь, Трубчевск, Трубческы, Трубческъ*** и более 20 наименований города *Брянск:*

[39] См.: [Волхов, Кизимова, 1964, с. 73–75].
[40] См.: [Пасекунов, 1970, с. 181].

Бранскъ, Брынь, Брянескъ, Брянск, Брянскъ-Северный, Брянческъ, Бряньскъ, Дбрянескъ, Дебрянскъ, Дебряньскъ, Добрянескъ, Добрянскъ, Добряньскъ, Добряньсцъ, Дубрянскъ, Дъбрянескъ, Дъбрянскъ, Дъбряньскъ, Дьбрянескъ, Дьбрянскъ, Дьбряньскъ, Дябрянець[41] и некоторые другие.

В момент возникновения и закрепления за каким-либо объектом любой топоним мотивирован. По наличию или отсутствию связи вновь возникающих названий с ранее существовавшими принято выделять ойконимы первичной, непервичной и смешанной номинации. Первичные топонимы возникают вне конкретной связи с названиями других объектов и без непосредственной опоры на то или иное из ранее существовавших наименований. Топонимы непервичной номинации представляют собой результат переноса названия с объекта на объект. В большинстве случаев они связаны с так называемой топонимической метонимией, обусловленной пространственной смежностью объектов. На основе смешанной номинации обычно возникают составные названия, в которых один компонент обусловлен переносом ранее существовавшего названия, а второй — самостоятелен и первичен (например: ***Большая Деремна, Вторые Городцы, Верхняя Слобода, Нижние Куриничи*** и т.п.).

С этимологической точки зрения, ойконимический пласт современной Брянщины довольно прозрачен, и все названия, встречаемые на данной территории могут быть представлены в виде двух, приблизительно равных в количественном отношении, групп: а) отонимные ойконимы и б) отапеллятивные ойконимы.

I. **Отонимные ойконимы** составляют 48,9% от общего числа ойконимов Брянщины. Эти названия могут быть представлены в виде четырех основных подгрупп.

1. **Ойконимы, образованные от антропонимов**. Названия, входящие в эту подгруппу, образованы от личных имен, фамилий или прозвищ людей, связанных с именуемым объектом по рождению, деятельности, когда-либо владевших данным населенным пунктом и т.п. Сюда относятся практически все названия на *-ов/-ев, -ова/-ева, -ово/-ево; -ин/-ина/-ино; -иха/ -уха/-аха* (встречаются крайне редко); *-ичи, -аны/-яны* (отвечают ф. мн.ч. соответствую-

[41] См.: [Книга Большому Чертежу, 1950, с. 56–101; Никонов, 1966, с. 66; Нерознак, 1983, с. 175–176; Кожевников, 1995, с. 94–100; Падин, 1975, с. 19; Тихонов, 1980, с. 8].

щих антропонимов); *-овка/-евка, -инка/-ынка*, а также ряд названий, образованных при помощи суффикса *-ск-* (***Александровск, Андреевск, Федоровск*** и т.п.), и наиболее затемненная малочисленная группа ойконимов, образованных при помощи суффикса *-jь-*, утратившего свою продуктивность еще в средние века (***Будагощь, Радогощь*** и т.п.)[42]. Данная подгруппа является наиболее продуктивной – 40,1% от общего количества названий.

Александровка
Алексеевка
Алешенка
Андреевка
Антоновка
Барановка
Батуровка
Богатырево
Борисово
Бородино
Борщево
Бочарово
Василевка
Вишневский
Владимировка
Воробьевка
Герасимовка
Глуховка
Гордеевка
Грибовка
Гриневка
Гудовка
Даниловка
Денисовка
Дмитровка
Дубровский
Елисеевичи
Емельяновка
Жуковка
Жуково
Зайцевский
Ивановка
Ивашково
Казаново
Казинка
Калинин
Калиновка
Карповка
Кирилловка
Козловка
Комаровка
Кореневка
Кукуевка
Лебедин
Лемяшовка
Липовка
Макаровка
Малышевка
Мамаевка
Матреновка
Медведев
Михайловка
Надинка
Николаевка
Ольговка
Осколково
Павловка
Петровский
Поповка
Романовка
Рябчевка
Семеновка
Сергеевка
Сидоровка
Тарасовка
Тереховка
Троицкий
Успенский
Федоровка
Федьковка
Фроловка
Харитоново
Хохловка
Цуриково
Чижовка
Шевцов
Ширяевка
Шушерово
Щербаковка
Юрасовка
Юрасово
Яковлева
Ярцево
и многие др.

2. **Ойконимы, образованные от гидронимов**. Все входящие в эту подгруппу ойконимы (6% от общего количества) образованы от названий рек, озер, водоемов и т.п., находящихся в непосредственной близости с именуемым объектом. Основной и преобладающей моделью номинации в данном случае является топоними-

[42] Подробнее об этом см.: [Горбачевич, 1965, с. 38; Жучкевич, 1980, с. 91–94].

ческая метонимия, то есть прямой перенос названия с объекта на объект без какого-либо изменения. Однако в единичных случаях данная модель может осложняться дополнительной префиксацией (обычно уточняющей территориальную приуроченность: ***Сена — Засенье, Снов — Засновье*** и т.п.) или суффиксацией (обычно — уменьшительный суффикс *-к-*: ***Любышь — Любышка, Немерь — Немерька*** и т.п.). Также в единичных случаях от гидронима может образовываться и составное название: ***Рог — Красный Рог, Марица — Марица-Хутор, Орлия — Орлия-Слобода*** и т.п.

Балдыж	Журавка	Любегощь	Понура	Трубеж
Бежань	Задня	Милечь	Причиж	Турейка
Белая	Засенье	Мыленка	Псурь	Туросна
Бобрик	Засновье	Навля	Рассуха	Угость
Болотня	Знобь	Неверь	Ревны	Унеча
Быстрая	Ивот	Немерка	Речица	Уручье
Вабля	Ивоток	Немерь	Свень	Усож
Виженка	Иловица	Нерусса	Севск	Устарь
Волотымь	Ипуть	Овстуг	Синявка	Фошня
Гбень	Иржачь	Ольшанка	Снежеть	Хормынка
Глинка	Каменка	Орлия	Сновское	Хотуша
Глыбочка	Крапивна	Особенка	Снопоть	Цинка
Горожанка	Кубань	Песочня	Сосновка	Чаянка
Госама	Кутец	Подывотье	Старь	Черня
Десна	Летча	Подыпутье	Столбунка	Язвица
Дорогинь	Литиж	Поконь	Студенец	Ясенок
Жеча	Любахна	Понебель	Суземка	и др.

3. **Ойконимы образованные от названий других населенных пунктов**. Наименования, представленные в данной подгруппе, составляющей 2,4% от общего количества, образованы от названий населенных пунктов, находящихся в непосредственной территориальной близости с именуемым объектом. Подавляющее большинство ойконимов данной подгруппы образовано по одной топонимической модели: ***Новый*** (***Новая, Новое, Новые***) или ***Ново...*** + название соседнего или близкорасположенного, обычно — входящего

в тот же административно-территориальный район, населенного пункта. В единичных случаях здесь может использоваться и цифровая нумерация: "Старое название" **+ *2-й* (*2-я, 2-е*)**. Часто появление подобных названий приводит к изменению первичных ойконимов. Такое "переименование" происходит по той же топонимической модели, но в качестве первого компонента в этом случае используется обычно прилагательное ***Старый*** (***Старая, Старое, Старые***) или топоформант ***Старо...***. В отдельных случаях подобная "топонимическая антонимия" может основываться и на иной ориентации: *верхний/нижний, большой/малый* и т.п.

Большая...
Акулова
... Деремна
Ловчая
Лутна
Большие...
Козки
Подосинки
Щербиничи
Большой Кривец
Великая...
Ловчая
Топаль
Удобна
Верхнее Бунево
Верхние...
Авчухи
Вилки
Новоселки
Верхний Городец
Верхняя...
Бунева
Злобинка
Лубянка
Вышняя Злобинка
Городище 2-е
Ивановка 2-я
Макусы 2-е
Малая...
Акулова
Лутна
Островня
Подосинка
Семеновка
Топаль
Удобна
Малые...
Козки
Подосинки
Щербинки
Малый Кривец
Молодая Салынь
Нижнее Бунево
Нижние...
Авчухи
Вилки
Новоселки
Нижний Городец
Нижняя...
Бунева
Злобинка
Лубянка
Новая...
Буда
Витичка
Кочева
Милечь
Надва
Погощь
Рудня
... Улица
Новоалексеевка
Нововеселый
Новограбовка
Новодубровск
Новое...
Гатьково
Задубенье
Каплино
Лавшино
Узкое
Новокрасный
Новокульнево
Новомлынка
Новоямское
Новые...
Авчухи
Выселки
Катичи
Ключи
Файки

Холевичи	Кашовка	Бобовичи
Новый...	Кочева	Ивайтенки
Варин	Погощь	Холевичи
Городец	Рубча	Чешуйки
... Добрик	Старое...	Юрковичи
Ропск	Гатьково	Старый...
Хутор	Задубенье	Дроков
Передний Городец	Каплино	Кривец
Средний Городец	Староновицкая	Ропск
Старая...	Старые...	и некоторые др.

Приведенные выше названия следует, однако, отличать от некоторых меморативов и этнотопонимов типа: ***Новая Жизнь, Новый Свет, Новосоветское, Новая Эстония*** и т.п.

4. **Прочие отонимные ойконимы**. Названия данной подгруппы составляют 0,4% от общего количества и представляют собой самую малочисленную подгруппу. Основное отличие данных названий от представленных выше заключается в том, что здесь именуемый объект не имеет непосредственной связи с объектом – носителем первичного имени. Среди этих названий обнаруживаются образованные от широкоизвестных космотопонимов (***Марс, Юпитер***), макротопонимов (***Сахалин, Крым***), астионимов (***Иерусалимское, Новая Москва, Радица-Самара***), гидронимов (***Балтика, Дунаевщина***), дримонимов (***Брянск***) и т.п. Преобладающая модель таких образований – топонимическая метонимия.

Балтика	Крымок	Сахалин
Брянск	Марс	Черкасская
Иерусалимское	Могилевцы	Черкассы
Казань	Новая Москва	Юпитер
Крым	Радица-Самара	и некоторые др.

II. **Отапеллятивные ойконимы** составляют 36,5% от общего количества названий населенных пунктов Брянщины. Эти названия могут быть представлены в виде пяти основных подгрупп.

1. **Ойконимы, отражающие природные особенности объекта**. Названия данной подгруппы составляют 16,5% от общего числа названий и отражают следующие природные особенности объекта:

а) растительный ландшафт; б) рельеф местности; в) гидрологическое своеобразие местности; г) характер почвы.

А. Ойконимы, отражающие растительный ландшафт, окружающий объект номинации (6,9% от общего количества названий), образованы от диалектных и литературных названий лесных массивов или других видов зеленых насаждений, а также от названий древесных пород, трав, цветов и т.п. Характерной особенностью ойконимов, образованных от названий древесных пород, является то, что они в данном случае оказываются образованными не от названий широко распространенной в данном районе породы дерева, а напротив, от породы, единично встречающейся, выделяющейся среди других распространенных и служащей заметным ориентиром в данной местности.

Березка	Дубровка	Кут	Садовая
Березовая	Елань	Лески	Сады
Березовка	Еловка	Лесное	Сосенки
Борок	Ельня	Липки	Сосновка
Великий Бор	Заборье	Мерин Лес	Стародуб
Веселый Гай	Залесье	Ольховка	Хвощевка
Гай	Зеленая Роща	Осиновка	Черемуха
Гайское	Зеленый Гай	Платовый Дуб	Яблонька
Гущи	Зеленый Клин	Подборье	Яблоня
Дубки	Клинцы	Подлесный	Ягодное
Дубрава	Красный Бор	Роща	и многие др.

Б. Ойконимы, отражающие рельеф местности, составляют 5% от общего числа названий. В плане первичной номинации данные ойконимы связаны с диалектными и литературными названиями отдельных объектов рельефа поверхности и нередко являются яркой характеристикой именуемого поселения по одному из заметных его признаков. Часто данные ойконимы образуются путем прямого перехода географического апеллятива в оним.

Бугры	Горки	Заложье	Крутой Ров
Верхи	Дольск	Заполье	Круча
Высокое	Житная Поляна	Копаль	Курганье
Глыбочка	Загорье	Красная Горка	Ложки
Горицы	Займище	Краснополье	Лугань

Лужки
Ляды
Нива
Низы
Окоп
Перекоп
Полужье
Поляны
Разрытое
Ровки
Смычки
Степь
Суходолье
Угорье
Удолье
Узровье
Холмечи
Холмовая
Холмы
Червонный Яр
Чистое Поле
Ямное
Ясная Поляна
и многие др.

В. Ойконимы, отражающие гидрологическое своеобразие местности, составляют на территории Брянщины 3,5% от общего числа названий. Ойконимы данной группы образованы от литературных и диалектных названий рек, ручьев, озер, болот и прочих гидрологических объектов. Сюда же отнесены и названия с корнем *-вод-*. Как правило, данные названия отражают реальную соотнесенность носителя с природным гидрологическим объектом. Обычно такие названия образованы путем прямого перехода гидрологического апеллятива в оним, хотя иногда такой переход может осложняться дополнительной префиксацией и суффиксацией (***Заболотье, Заозерье, Заречье, Подозерье*** и т.п.).

Беловодка
Бережок
Высокий Ключ
Галая Лужа
Гать
Желтоводье
Заболотье
Заречье
Заустье
Кипень
Колодезки
Крупец
Лужа
Лучки
Мокрое
Мошки
Озерище
Прудки
Рековой
Синезерки
Синь Колодец
Струск
Трубчевск
Черноводка
Черный Ручей
Чистые Лужи
Широкая Лужа
и др.

Г. Ойконимы, отражающие характер почвы, представляют весьма малочисленную подгруппу и составляют 1,1% от общего числа названий. Эти ойконимы образованы от диалектных и литературных названий различных типов почв. Возникновение таких названий, как правило, всегда обусловлено преобладанием данного типа почвы в данной местности.

Бутовск
Глинки
Глинное
Гнилуша
Грязивец
Запесочье
Землица
Каменец
Камень
Меловое
Меловье
Пески
Песочня
Песчанка
Чернятичи
и др.

2. **Ойконимы, отражающие тип, назначение или особенности расположения объекта**. Данные названия составляют 7,8% от общего количества и представлены тремя основными подгруппами: а) ойконимы, отражающие тип носителя; б) ойконимы, отражающие назначение носителя; в) ойконимы, отражающие особенности расположения носителя.

А. Ойконимы, отражающие тип носителя, составляют на территории Брянщины 4,3% от общего числа. Названия, входящие в эту подгруппу образованы от литературных и диалектных названий различных типов поселений. Наиболее распространенные названия данной группы это: ***Слобода, Двор, Хутор*** (а также составные ойконимы, включающие одно из этих названий в качестве компонента) и ойконимы с корнем *город-*.

Белый Поруб	Гумны	Новоселье	Слободка
Варжев Хутор	Дворцы	Починок	Теремошка
Гнездиличи	Зайцев Двор	Селец	Хутор
Городец	Новина	Селище	Хуторовка
Городище	Новое Место	Сельцо	Юрасов Хутор
Городок	Новоселки	Слобода	и др.

Б. Ойконимы, отражающие назначение носителя, составляют 2, 2% от общего количества ойконимов. Чаще такие названия связаны с первичной номинацией и, как правило, возникают на основе простых апеллятивов, переходящих в ойконимы в условиях конкретной топонимической ситуации. Наиболее распространены среди них следующие: ***Буда, Гута, Рудня*** (а также составные названия, включающие в свой состав один из этих компонентов).

Буда	Кольцов Завод	Подрудня
Буды	Лесничество	Порубы
Бумажная Фабрика	Лесозавод	Рубча
Высшая Мельница	Откормсовхоз	Рудня
Горартель	Пасека	Совхоз
Гута	Пахань	Станок
Завод-Корецкий	Пенькозавод	Цементный
Загон	Плавня	и некоторые др.

В. Ойконимы, отражающие особенности расположения носителя, составляют 1,3% от общего количества названий населенных пунктов Брянщины. Данные ойконимы образованы от литературных и диалектных названий дорог, мостов, бродов, переправ, границ и т.п., вблизи которых расположен носитель. Сюда же отнесены названия, отражающие расположение носителя на месте вырубки, пожара и т.п.

Большак	Жаги	Пальники	Погорелое
Ввозы	Завалипутье	Пальцо	Рубеж
Горень	Круглое	Перевоз	Увозы
Граница	Мостище	Перегон	Улица
Долгос	Мостки	Переход	Шоссейный
Дороги	Ожаги	Погар	и др.

3. **Меморативы, экклезио- и агиотопонимы**. Названия данной подгруппы составляют на территории области 7,5% от общего количества. Эти названия – совершенно особый тип ойконимов. Сюда попадают названия, данные в честь идей, идеологических понятий, исторических событий, революционных праздников, деятелей современности, которые непосредственно не были связаны с именуемым объектом, и т.п. а также ойконимы, образованные от названий мест совершения обрядов, от названий церквей и монастырей, религиозных и культовых праздников и обрядов, от имен святых и т.п. Агиотопонимы и экклезиотопонимы возникали в основном в дореволюционное время и сохранились лишь в единичных случаях (из-за переименований, происходивших в первые годы Советской власти). Меморативы возникали в советское время и присваивались в основном большим совхозам, колхозам и населенным пунктам, расположенным рядом с ними.

Архангельский	Волна Революции	Заря
Благовест	Восточная Заря	Коллективист
Богородицино	Гигант	Коммуна
Большевик	Доброволец	Красная Заря
Борец	Добровольская	Красная Звезда
Буденный	Дружба	Красное Знамя
Буревестник	Единение	Краснознаменный
Верный Путь	Желанный	Красный Восток

Красный Отпускник	Первое Мая	Рождественское
Ленина	Первомайский	Степана Разина
Ленинский	Победа	Троицко-Никольский
Ленинский Уголок	Прогресс	Ульянов Рай
Майский	Профинтерн	Чапаев
Новая Жизнь	Путь Ленина	Энергия
Новосоветский	Рабочая Кадра	и некоторые др.
Новый Свет	Революционный Свет	
Октябрьский		

4. **Ойконимы, образованные от наименований живых существ**. Данные названия составляют 4,3% общего количества и могут быть представлены двумя основными подгруппами: а) ойконимы, образованные от названий человека, группы людей, профессии, рода занятий и т.п.; б) ойконимы, образованные от названий животных, рыб, птиц и т.п.

А. Ойконимы, образованные от названий человека, группы людей, профессии, рода занятий и т.п., составляют 2,6% от общего числа. Ойконимы данной подгруппы представляют особый интерес в социально-историческом плане, а также являются богатым краеведческим материалом. Большая часть этих названий возникла в XIV–XVII веках[43], но возникали они и позже, то есть не образуют единого хронологического пласта. Практически все названия данного типа связаны с первичной номинацией.

Бочары	Дятьково	Кузнецы	Сеятель
Девичье	Женск	Курчичи	Солдатская
Дегтярь	Казачий	Мирские	Сураж
Деды	Ковалевщина	Огородники	Хлебороб
Дровосеки	Кожемяки	Пастушье	Ямская
Дятьковичи	Косары	Пушкари	и др.

Б. Ойконимы, образованные от названий животных, рыб, птиц и т.п., составляют на территории Брянщины 1,7% от общего количества. Многие из этих ойконимов образованы в языческую эпоху от названий почитавшихся животных. Часто к этой группе

[43] См.: [Губанов, 1970, с. 243].

ошибочно относят многочисленные ойконимы на *-овка/-евка* (***Акуловка, Волковка, Муравьевка*** и т.п.), образованные от фамилий и прозвищ людей.

Барсуки	Козловчик	Майский Жук	Соловьи
Быки	Коростель	Медведи	Телец
Вепрец	Кулики	Муравей	Щучье
Воловня	Лебяжье	Орел	Яловка
Журавка	Лосинец	Пчела	и др.

5. **Этнотопонимы**. Это одна из самых малочисленных групп ойконимов области, составляющая 0,4% от общего числа названий. Все ойконимы данной группы образованы от этнонимов. В частности, названия ***Литовка, Литовни*** и т.п. были образованы во время вхождения Брянщины в состав Литовского государства; ойконим ***Северец*** образован от названия древнего славянского племени, а названия ***Новая Эстония, Латышовка*** образованы в XIX веке выходцами из Прибалтики.

Казанское	Литовка	Новая Эстония	Северец
Латыши	Литовник	Прусская	Украинец
Латышовка	Литовск	Русский	и др.

За пределами данных групп остается около 14,6% ойконимов современной Брянщины. Это прежде всего названия, отнесение которых к той или иной из названных групп допустимо, но представляется по ряду причин сомнительным и не вполне обоснованным (около 5%; ***Быстра, Гуры, Комаричи*** и т.п.); названия с прозрачной этимологией, образующие самостоятельные малочисленные (по 3-4 элемента в каждой) подгруппы (около 3,6%; ***Горчаки, Гроза, Засуха, Плаха*** и т.п.), а также ойконимы, этимология которых затемнена, а топооформленность не позволяет судить о характере происхождения (около 6%), например:

Ардонь	Боюры	Гощь	Жеведа
Атракань	Витовка	Граки	Жлудки
Байтары	Врянцы	Деремна	Забрама
Барики	Вщиж	Довжик	Зартый
Бибики	Вынгебессы	Дрогач	Ирига

Ирпэ
Кипти
Кокоты
Косеват
Лобки
Лотаки
Магор
Малфа
Мглин
Могорь
Наверты
Нечуи
Обтень
Олефин
Осов
Панебель
Пацинь
Почеп
Ректа
Робск
Рымани
Савок
Сенча
Сигор
Смилиж
Снетхарь
Сумиль
Сусняч
Теменичь
Тоненыки
Трокинья
Тусики
Тютюры
Узлич
Упорой
Упрусы
Фанзоновщина
Фольварок
Харабочи
Хацунь
Хотен
Чаусы
Чемлыж
Чет
Шалудки
Шамры
Шеверды
Шеламы
Шиичи
Ширки
Шняки
Щань
Щепет
Ятвиж
Яцковичи
и др.

БРЯНСКИЕ ГОВОРЫ В ИССЛЕДОВАНИЯХ АСПИРАНТОВ И ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ КАФЕДРЫ РУССКОГО ЯЗЫКА РГПУ им. А.И.Герцена*

Работа по изучению брянских говоров (полевые экспедиции, сбор и обработка материалов, изучение и теоретическое осмысление словарного состава, издание Словаря брянских говоров), начатая профессором В.И. Чагишевой, продолжается и сейчас ее учениками и коллегами.

Под руководством В.И. Чагишевой на филологическом факультете ЛГПИ (в настоящее время – РГПУ) им. А.И. Герцена долгое время работал студенческий диалектологический кружок, а также проблемная группа "Диалектная лексикология и лексикография", возглавляемая в настоящее время профессором В.А. Козыревым. До 1990 года студенты, аспиранты и преподаватели кафедры русского языка ежегодно выезжали на территорию Брянщины в диалектологические экспедиции. В период с 1996 по 1998 годы творческим коллективом преподавателей кафедры (научный руководитель В.И. Козырев) осуществлялась реализация научного проекта "Лексика брянских говоров", работа над которым была поддержана Российским гуманитарным научным фондом (проект № 96-04-06407).

Результат этой многолетней работы – изданные кафедрой русского языка 5 выпусков Словаря брянских говоров (1976–1988), 5 сборников "Брянские говоры" (1968–1985), сборники научных трудов "Диалектное слово в лексикографическом аспекте" (1986) и "Диалектное слово в лексико-системном аспекте" (1989), несколько монографических исследований и большое количество научных статей, опубликованных в других сборниках, а также настоящая коллективная монография. На базе собранных материалов написаны десятки дипломных работ[44], защищено более 20 кандидатских

---

* © Составление и комментарий: А.Ю. Кожевников, В.Д. Черняк, 1999. Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда согласно проекту 96-04-06407.

[44] Об этом см., например: [Демидова, 1978, с. 78–82].

диссертаций[45]. С 1996 года начата работа по созданию компьютерной базы данных Словаря брянских говоров, составлены полный и дифференциальный (включающий только диалектизмы) словники Картотеки, а также разработаны принципы и подготовлены к печати 3 тома Словаря брянских говоров, являющегося словарем дифференциального типа (в отличие от издававшегося ранее словаря полного типа).

Своеобразным отражением проводившейся работы является и предлагаемая ниже библиография, включающая основные труды Н.П. ринковой, В.И. Чагишевой, В.А. Козырева, аспирантов и преподавателей, а также отдельных исследователей, когда-либо сотрудничавших с кафедрой русского языка филологического факультета РГПУ им. А.И. Герцена.

Библиография

1. *Алексеева Е.В. Буба¹ – буянить* // СБГ. Вып. II. – Л., 1980.
2. *Алексеева Е.В. Вонета – ворок* // СБГ. Вып. III. – Л., 1983.
3. *Аркадьева Т.Г. Библиотека – бичук, бляВенький – бляшка, бот – бояться* // СБГ. Вып. I. – Л., 1976.
4. *Аркадьева Т.Г.* К характеристике словарного состава брянских говоров (структурно-семантические соотношения слов в словообразовательном гнезде) // Брянские говоры. – Л., 1978.
5. *Аркадьева Т.Г. Ведать – вершочница* // СБГ. Вып. II. – Л., 1980.
6. *Аркадьева Т.Г. Вибрировать – видющий, впад – впятех* // СБГ. Вып. III. – Л., 1983.
7. *Аркадьева Т.Г. Грыжа¹ – грясть* // СБГ. Вып. IV. – Л., 1984.
8. *Аркадьева Т.Г.* Семантическое расщепление этимологически родственных слов в брянских говорах // Брянские говоры: Диалектное слово и аспекты его изучения. – Л., 1985.
9. *Аркадьева Т.Г. Де-де – дедушка* // СБГ. Вып. V. – Л., 1988.
10. *Аркадьева Т.Г.* Этимологические гнезда слов в диалектной лексической системе // Диалектное слово в лексико-системном аспекте. – Л., 1989.

[45] См.: [Балясникова, 1978, с. 75–78], а также прилагаемую библиографию.

11.*Бабешкина Т.А.* Лингво-этнографические данные как средство определения диалектных зон // Принципы и методы лексико-грамматических исследований. – Л., 1973.

12.*Бабешкина Т.А.* Семантика географических апеллятивов в брянских говорах // Брянские говоры. Вып. III. – Л., 1975.

13.*Бабешкина Т.А. Бац – баять, бом – боровок²* // СБГ. Вып. I. – Л., 1976.

14.*Бабешкина Т.А.* Термин и апеллятив // Вопросы диалектологии. – Л., 1976.

15.*Балясникова Л.А.* Лексико-семантическое развитие слов с этимологическим корнем *доб-* (из истории корнеслова русского языка): Автореф. дисс. канд. филол. наук. – Л., 1974.

16.*Балясникова Л.А.* Из лексических связей славянских языков (доба) // Брянские говоры. Вып. III. – Л., 1975.

17.*Балясникова Л.А.* Закономерности семантического развития слов в литературном языке и говорах // Вопросы диалектологии. – Л., 1976

18.*Балясникова Л.А.* Брянские говоры в исследованиях аспирантов кафедры русского языка ЛГПИ им.А.И.Герцена // Брянские говоры. – Л., 1978.

19.*Балясникова Л.А.* Изменение значений слова и пути деэтимологизации родственных образований в литературном языке и говорах // Брянские говоры. – Л., 1978.

20.*Балясникова Л.А. Вика – вищать, во¹, волнение – волоцкий, вон¹, вон², ворон – воцовый* // СБГ Вып. III. – Л., 1983.

21.*Балясникова Л.А. Габка – глажевья, гланги – глубь* // СБГ Вып. IV. – Л., 1984.

22.*Балясникова Л.А., Демидова Г.И.* Самостоятельные слова или варианты? // Исследования по семантике. – Уфа, 1984.

23.*Балясникова Л. А.* Информативные возможности Словаря брянских говоров в кругу словарей исторического цикла // Брянские говоры: Диалектное слово и аспекты его изучения. – Л., 1985.

24.*Балясникова Л.А.* Отсылочные определения в диалектном словаре // Диалектное слово в лексикографическом аспекте. – Л., 1986.

25.*Балясникова Л.А. Дуже, дюже – духомор* // СБГ. Вып. V. – Л., 1988.

26.*Батожок Н.И. Враг¹ – вуля* // СБГ. Вып. III. – Л., 1983.

27. *Батожок Н.И. Гомон – гоцать* // СБГ. Вып. IV. – Л., 1984.
28. *Батожок Н.И.* Семантическая реконструкция в диалектном словаре // Международный симпозиум по проблемам этимологии, исторической лексикологии и лексикографии. – М., 1984.
29. *Батожок Н.И.* Праславянский слой в лексике брянских говоров // Брянские говоры: Диалектное слово и аспекты его изучения. – Л., 1985.
30. *Батожок Н.И.* Диалектный словарь как источник лингвогеографического изучения региона // Диалектное слово в лексикографическом аспекте. – Л., 1986.
31. *Батожок Н.И. Драбилы – дрочичек* // СБГ. Вып. V. – Л., 1988.
32. *Батожок Н.И.* Leksykalne i semantyczne aspekty analizy porównawczej blisko pokrewnych gwar. – Olsztyn, 1988.
33. *Батожок Н.И.* Powiazania Gwar Briańskich w Świete Zjawisk Fonetycznych (na podstawie atlasu fonetycznego języka rosyjskiego). – Olsztyn, 1989.
34. *Батожок Н.И.* Брянские говоры в восточнославянском диалектном ландшафте: Пространственные и временные параметры. – СПб., 1994.
35. *Богданова М.В. Желубок – жеребятник²,* *жирней – жлуктить* // СБГ. Вып. V. – Л., 1988.
36. *Бойцов С.А. Губа¹ – гырчать, гирчать* // СБГ. Вып. IV. – Л., 1984.
37. *Бойцов С.А.* Устойчивые сравнения в брянских говорах // Брянские говоры: Диалектное слово и аспекты его изучения. – Л., 1985.
38. *Бойцов С.А.* Устойчивые сравнения в брянских говорах: Автореф. дисс. канд. филол. наук. – Л., 1986.
39. *Бойцов С.А.* Устойчивые сравнения в диалектном словаре // Диалектное слово в лексикографическом аспекте. – Л., 1986.
40. *Бойцов С.А. Давать, даваться, даден, дать¹ – даться, друг¹ – дудырем* // СБГ. Вып. V. – Л., 1988.
41. *Бойцов С.А.* Структурная организация диалектных устойчивых сравнений // Диалектное слово в лексико-системном аспекте. – Л., 1989.
42. *Бойцова Е.О. Дежа, дёжа¹ – декохта* // СБГ. Вып. V. – Л., 1988.
43. *Бойцова Е.О.* Способы лексикографической интерпретации расчлененности значения диалектного слова // Диалектное слово в лексикографическом аспекте. – Л., 1986.

44. *Бойцова Е.О.* Структура значения диалектного слова и ее отражение в региональном словаре (на материале конкретных имен существительных в брянских говорах): Автореф. дисс. канд. филол. наук. – Л., 1988.
45. *Бочкарева И.А. Дол – донцо* // СБГ. Вып. V. – Л., 1988.
46. Брянские говоры: Материалы и исследования по диалектологии (к изучению брянских говоров): УЗ ЛГПИ им.А.И.Герцена. Т. 325. – Л., 1968.
47. Брянские говоры. Вып. II: УЗ ЛГПИ им.А.И.Герцена. Т. 452. – Л., 1971.
48. Брянские говоры. Вып. III. – Л., 1975.
49. Брянские говоры. – Л., 1978.
50. Брянские говоры: Диалектное слово и аспекты его изучения. – Л., 1985.
51. *Булахов М.Г* Козырев Владимир Алексеевич // "Слово о полку Игореве" в литературе, искусстве, науке: Краткий энциклопедический словарь. – Минск, 1989.
52. *Василенко Г.Л. Выкаблучиваться – вымякнуть* // СБГ. Вып. III. – Л., 1983.
53. *Власова Г.А.* Некоторые названия женской одежды в говорах Брянской области // Брянские говоры: Материалы и исследования по диалектологии (к изучению брянских говоров): УЗ ЛГПИ им.А.И.Герцена. Т. 325. – Л., 1968.
54. *Гарбузова Е.П.* Имя существительное в говоре. (К вопросу о взаимодействии литературного языка и диалектов) // УЗ Орловского ПИ. Т. 21. Вып. 6. – Орел, 1962.
55. *Гарбузова Е.П.* Заметки об имени прилагательном в говоре Клинцовского района Брянской области // Краткие очерки по русскому языку: Материалы 5-й науч.-метод. конф. объединения кафедр рус. яз. вузов Центрально-Черноземной зоны. – Воронеж, 1964.
56. *Гарбузова Е.П. Жаловаться – жарчей, живенький – жигун* // СБГ. Вып. V. – Л., 1988.
57. *Герд А.С.* Имена существительные с суффиксами *-ух-а* и *-уш-а* в русских народных говорах // Псковские говоры. 1: Тр. 1-й псковской диалектологической конф. 1960. – Псков, 1962.
58. *Герд А.С.* Из лексических связей брянских говоров с другими славянскими диалектами // Брянские говоры: Материалы и ис-

следования по диалектологии (к изучению брянских говоров): УЗ ЛГПИ им. А.И. Герцена. Т. 325. – Л., 1968.

59. *Герд А.С.* Из словообразования брянских говоров // Брянские говоры: Материалы и исследования по диалектологии (к изучению брянских говоров): УЗ ЛГПИ им. А.И. Герцена. Т. 325. – Л., 1968.

60. *Герд А.С.* Из истории брянских названий рыб // Брянские говоры. Вып. II: УЗ ЛГПИ им. А.И. Герцена. Вып. 452. – Л., 1971.

61. *Герд А.С.* Из словообразования брянских говоров. (Имена существительные с суффиксами с детерминативом *G) // Брянские говоры. Вып. III. – Л., 1975.

62. *Гринкова Н.П.* К вопросу о влиянии великорусских говоров на пограничные украинские // Изв. по рус. яз. и словесн. АН СССР. Т. 2. Кн. 1. – М., 1930.

63. *Гринкова Н.П.* Монографическое изучение диалектов как материал для истории языка // УЗ ЛГПИ им. А.И. Герцена. Т. 20. – Л., 1939.

64. *Гринкова Н.П.* В помощь собирателям материалов для диалектологического атласа русского языка // В помощь организаторам экспедиций и собирателям материалов для диалектологического атласа русского языка: Сб. инструктивно-метод. ст. – Вологда, 1948.

65. *Гринкова Н.П.* Изучение языка колхозной деревни // Изв. ОЛЯ. Т. 7. 1948. Вып. 5.

66. *Гринкова Н.П.* Собирание материалов по новым явлениям в языке колхозников (Методическая записка.) // Изв. ОЛЯ. Т. 8, 1949. Вып. 5.

67. *Гринкова Н.П.* Областные слова в словарном составе современного русского языка // УЗ ЛГПИ им. А.И. Герцена. Т. 111. – Л., 1955.

68. *Гринкова Н.П.* Об областных словах в современном литературном русском языке // УЗ ЛГПИ им. А.И. Герцена. Т. 122. – Л., 1956.

69. *Гринкова Н.П.* Из истории областных слов русского языка. 1. // УЗ ЛГПИ им. А.И. Герцена. Т. 130. – Л., 1957.

70. *Гринкова Н.П.* Из истории областных слов русского языка. 2 // УЗ ЛГПИ им. А.И. Герцена. Т. 144. – Л., 1958.

71. *Дементьева Т.В.* Метрологическая лексика брянских говоров: Автореф. дисс. канд. филол. наук. – Л., 1981.

72.*Дементьева Т.В.* Наименования народных мер ткачества в брянских говорах // Брянские говоры: Диалектное слово и аспекты его изучения. – Л., 1985.
73.*Демидова Г.И.* Именное склонение в брянских говорах // Брянские говоры: Материалы и исследования по диалектологии (к изучению брянских говоров): УЗ ЛГПИ им. А.И. Герцена. Т. 325. – Л., 1968.
74.*Демидова Г.И.* Склонение имен прилагательных в брянских говорах // Брянские говоры. Вып. II: УЗ ЛГПИ им. А.И. Герцена. Т. 452. – Л., 1971.
75.*Демидова Г.И.* Компаративные словоформы и их контекст в диалекте // Языковые единицы и контекст. – Л., 1973.
76.*Демидова Г.И.* О подаче сравнительной степени прилагательных и наречий в областном словаре (на материале картотеки Словаря брянских говоров) // Брянские говоры. Вып. III. – Л., 1975.
77.*Демидова Г.И. Бгал – бибикать* // СБГ. Вып. I. – Л., 1976.
78.*Демидова Г.И.* Словоформы существительных в функции обращения (на материале брянских говоров) // Вопросы диалектологии. – Л., 1976.
79.*Демидова Г.И.* Брянские говоры в исследованиях студентов ЛГПИ им. А.И. Герцена // Брянские говоры. – Л., 1978.
80.*Демидова Г.И.* Числительные **два, две** в истории брянских говоров // Брянские говоры. – Л., 1978.
81.*Демидова Г.И. В, вес – веять* // СБГ. Вып. II. – Л., 1980.
82.*Демидова Г.И. Высадить – вытыкать* // СБГ Вып. III. – Л. 1983.
83.*Демидова Г.И. Глуд – голяшня* // СБГ Вып. IV – Л., 1984.
84.*Демидова Г.И.* Лексико-семантические и грамматические особенности числительных в брянских говорах // Брянские говоры: Диалектное слово и аспекты его изучения. – Л., 1985.
85.*Демидова Г.И. Дуна – дятловин* // СБГ. Вып. V – Л., 1988.
86.Диалектное слово в лексикографическом аспекте. – Л., 1986.
87.Диалектное слово в лексико-системном аспекте. – Л., 1989.
88.*Дмитриева Л.К.* Из словаря брянских говоров // Брянские говоры: Материалы и исследования по диалектологии (к изучению брянских говоров): УЗ ЛГПИ им. А.И. Герцена. Т. 325. – Л. 1968.
89.*Дробленкова Н.Ф.* Козырев Владимир Алексеевич // Энциклопедия “Слово о полку игореве” В 5-ти т. – Т. 3. – СПб., 1995.

90.*Засульская К.М.* Некоторые особенности глагольных форм настоящего времени в говорах Клинцовского района Брянской области // Материалы 8-й научной конференции преподавателей института. – Новозыбков, 1964.
91.*Зельцер В.И.* Из лексических связей брянских говоров (на материале речной и рыболовецкой лексики // Брянские говоры: Материалы и исследования по диалектологии (к изучению брянских говоров): УЗ ЛГПИ им. А.И. Герцена. Т. 325. – Л., 1968.
92.*Иванова А.И.* Простое предложение в говорах Брасовского района Брянской области: Автореф. дисс. канд. филол. наук. – Л., 1953.
93.*Иванова А.И.* Из истории диалектных слов // Вопросы языкознания: УЗ ЛГПИ им. А.И. Герцена. Т. 248. – Л., 1963.
94.*Иванова А.И.* О Словаре брянских говоров // Брянские говоры. Диалектное слово и аспекты его изучения. – Л., 1985.
95.*Иванова В.А.* Особенности употребления некоторых глаголов в русских говорах // УЗ ВПИ. Вып. 14. – Волгоград, 1961.
96.*Иванова В.А.* Беспредложные конструкции в южнорусских говорах (На материале говоров Брянской области) // Материалы VI межобластной конф. языковедов Поволжья. – Ульяновск, 1962/
97.*Ильенко С.Г.* Грамматика в словарях (грамматические ориентации в современных толковых словарях) // Диалектное слово в лексикографическом аспекте. – Л., 1986.
98.*Ильенко С.Г., Черняк В.Д.* Надежда Павловна Гринкова (к столетию со дня рождения) // РЯШ. 1995. № 4.
99.*Казакова Т.Е.* Глаголы-синонимы в диалектной лексической системе: Автореф. дисс. канд. филол. наук. – Л., 1983.
100.*Казакова Т.Е.* Семантическая диффузность в диалекте // Брянские говоры: Диалектное слово и аспекты его изучения. – Л., 1985.
101.*Казакова Т.Е.* Семантический оттенок и его отражение в диалектных словарях // Диалектное слово в лексико-системном аспекте. – Л., 1989.
102.*Карпов А.К. Вход – выверять* // СБГ. Вып. III. – Л., 1983.
103.Картотека Словаря брянских говоров (КСБГ). – Словарный кабинет им. проф. В.И.Чагишевой фил. ф-та РГПУ им. А.И.Герцена.

104.*Клименко Т.И. Жерелка – жжечка, жор – жупка* // СБГ. Вып. V. – Л., 1988.

105.*Кобытева М.Н. Жарынь – жданики, жигучечка – жириться* // СБГ. Вып. V. – Л., 1988.

106.*Кожевников А.Ю.* Лексикографические источники топонимики (К вопросу о происхождении астионима *Брянск*) // Диалектное слово в лексикографическом аспекте. – Л., 1986.

107.*Кожевников А.Ю.* Лексические средства выражения модальности в брянских говорах // Диалектное слово в лексико-системном аспекте. – Л., 1989.

108.*Кожевников А.Ю.* Лексические средства выражения модальности в брянских говорах: Автореф. дисс. канд. филол. наук. – Л., 1990.

109.*Кожевников А.Ю.* Брянск, Дьбряньскъ... дьбрь? // РР. 1995. № 5.

110.*Кожевников А.Ю.* Ойконимы Брянщины в историческом аспекте // Русистика: лингвистическая парадигма конца XX века: Материалы науч. конф., посвященной 80-летию фил. ф-та РГПУ им. А.И. Герцена и 75-летию проф. С.Г.Ильенко (*С.-Петербург, 17-19.11 1998 г.*). – СПб., 1999.

111.*Козловская Н.В.* Прагматическая информация в Словаре брянских говоров // Русистика: лингвистическая парадигма конца XX века: Материалы науч. конф., посвященной 80-летию фил. ф-та РГПУ им. А.И. Герцена и 75-летию проф. С.Г.Ильенко (*С.-Петербург, 17-19.11 1998 г.*). – СПб., 1999.

112.*Козырев В.А.* Некоторые брянские параллели в лексике "Слова о полку Игореве" // II Межвуз. студенч. науч. филол. конф. в ЛГПИ им. А.И. Герцена. – Л., 1969.

113.*Козырев В.А.* "Заря свет запала..." (заметка к тексту "Слова о полку Игореве") // Брянские говоры. Вып. II: УЗ ЛГПИ им. А.И. Герцена. Вып. 452. – Л., 1971.

114.*Козырев В.А.* Диалектная лексика как материал к толкованию неясных мест древнерусских текстов ("Слово о полку Игореве") // Слово в лексико-семантической системе языка: Программа и краткое содержание докладов XIV науч.-методич. конф. преподавателей ЛГПИ. – Л., 1972.

115.*Козырев В.А.* К диалектологическому комментарию текста "Слова о полку Игореве" // XXV Герценовские чтения в ЛГПИ им. А.И. Герцена. Филол. науки. Лингвистика. – Л., 1972.

116. *Козырев В.А.* О роли диалектных материалов в изучении древнерусских текстов // Принципы и методы лексико-грамматических исследований. Ч. 2. – Л., 1972.
117. *Козырев В.А.* Словарные параллели к лексике "Слова о полку Игореве" в современных брянских и других народных говоров: Автореф. дисс. канд. филол. наук. – Л., 1973.
118. *Козырев В.А.* Словарные параллели к лексике "Слова о полку Игореве" в современных брянских и других народных говорах // Брянские говоры. Вып. III. – Л., 1975.
119. *Козырев В.А.* "Слово о полку Игореве" и современные русские народные говоры // РР. 1975. № 5.
120. *Козырев В.А. Банда – бахчичка* // СБГ. Вып. I. – Л., 1976.
121. *Козырев В.А.* Лексика современных русских народных говоров как материал к толкованию текста "Слова о полку Игореве" // Проблемы русской диалектологии. – Л., 1976.
122. *Козырев В.А.* Словарный состав "Слова о полку Игореве" и лексика современных русских народных говоров // Тр. отд. др.-рус. лит-ры Ин-та рус. литературы АН СССР. Т. XXXI. – Л., 1976.
123. *Козырев В.А.* Использование лексики русских народных говоров в изучении "Слова о полку Игореве" // Слово как предмет изучения. – Л., 1977.
124. *Козырев В.А. Бравский – брящать* // СБГ. Вып. II. – Л., 1980.
125. *Козырев В.А. Вкапывать – внучушка, вышиться – вянуть* // СБГ. Вып. III. – Л., 1983.
126. *Козырев В.А.* Слово и его варианты как объект региональной лексикографии (на материале брянских говоров) // Лексико-семантические связи слов в русском языке. – Л., 1983.
127. *Козырев В.А. Граб[1] – грушня* // СБГ. Вып. IV. – Л., 1984.
128. *Козырев В.А.* Лексика современных русских народных говоров. – Л., 1984
129. *Козырев В.А.* Сопоставление исторического и диалектного словарей // Международный симпозиум по проблемам этимологии, исторической лексикологии и лексикографии: Тезисы докладов. – М., 1984.
130. *Козырев В.А.* Брянские говоры в исследованиях проф. В.И. Чагишевой // Диалектное слово и аспекты его изучения. – Л., 1985.

131.*Козырев В.А.* Омонимия в Словаре брянских говоров // Брянские говоры: Диалектное слово и аспекты его изучения. – Л., 1985.

132.*Козырев В.А.* Сопоставление исторического и диалектного словарей // ВЯ. 1985. № 3.

133.*Козырев В.А.* Диалектная лексикология на современном этапе. – Л., 1986.

134.*Козырев В.А.* Древнерусская лексика в словарном составе брянских говоров // Лексический состав брянских говоров: Межвуз. сб. науч.тр. – Л., 1986.

135.*Козырев В.А.* Инструкция Словаря брянских говоров // Лексический состав брянских говоров: Межвуз. сб. науч. тр. – Л., 1986.

136.*Козырев В.А.* Словарь брянских говоров как региональный словарь полного типа // Лексический состав брянских говоров: Межвуз.сб. науч. тр. – Л., 1986.

137.*Козырев В.А.* Типология вариантов слов в брянских говорах // Лексический состав брянских говоров: Межвуз. сб. науч. тр. – Л., 1986.

138.*Козырев В.А.* Тождество слова как проблема диалектной лексикографии // Диалектное слово в лексикографическом аспекте. – Л., 1986.

139.*Козырев В.А. Дескать – дичь, догадаться – дождаться, доживать – докучно* // СБГ. Вып. V. – Л., 1988.

140.*Козырев В.А.* Лексика брянских говоров как объект изучения. – Л., 1988.

141.*Козырев В.А.* Изучение брянских говоров в проблемной группе ЛГПИ им. А.И. Герцена под руководством В.И. Чагишевой // Диалектное слово в лексикосистемном аспекте: Межвуз. сб. науч. тр. / ЛГПИ. – Л., 1989.

142.*Козырев В.А.* Реконструкция значения древнерусского слова и система словарей исторического цикла // Historia i wspolczesnosc w jezyku rosyjskim i literaturze:Materiaiy z miedzynarodowej konferencji naukowej. – Olsztyn, 1989.

143.*Козырев В.А.* Древнерусский текст и современность // Wissenschaftliche Zeitschrift. – Jahroang 34, 1990.

144.*Козырев В.А., Балясникова Л.А., Батожок Н.И.* Словарь брянских говоров как источник лингвогеографических и историко-

лексикологических исследований // Диалектная лексика, 1989: Сб. науч. тр. — Л.: Наука, 1991.

145.*Козырев В.А., Черняк В.Д.* Диалектные словари как инструмент формирования лингвистически компетентной языковой личности // Языковое образование и воспитание языковой личности в школе и в вузе: Материалы межвуз. семинара. – СПб., 1995.

146.*Козырев В.А.* Н.П.Гринкова и региональная лексикография // Лингвистические чтения, посвященные 100-летию со дня рождения проф. Н.П.Гринковой. (С.-Петербург,13-14 сентября 1995 г.). Тезисы докладов и сообщений. – СПб.: Изд-во СПбУЭФ, 1995.

147.*Козырев В.А., Черняк В.Д.* Словарь брянских говоров и его информативный потенциал // Вопросы региональной лексикологии и ономастики. – Вологда, 1995.

148.*Козырев В.А.* Лексика “Слова о полку Игореве” в современных славянских языках и диалектах // Bialostocki przeglad kresowy. Tom IV: Slowianszczyzna w badaniach filologicznych Bialystok: Uniwersytet Warszawski, 1996.

149.*Козырев В.А.* Гомогенная омонимия в диалектном словаре // Актуальные проблемы функциональной лексикологии. – СПб., 1997.

150.*Козырев В.А., Черняк В.Д.* Словарь – зеркало меняющегося времени // Русистика: лингвистическая парадигма конца XX века. Материалы научной конф., посвященной 80-летию филол. ф-та РГПУ им. А.И. Герцена и 75-летию проф. С.Г.Ильенко (*С.-Петербург, 17-19.11 1998 г.*). – СПб., 1999.

151.*Кольчев А.* Охотники за словами: Ленинградцы в экспедициях // Ленинградская правда. 1975. 19 сент.

152.*Корованенко Т.А.* Семантические основы выделения многозначных слов и омонимов в диалектном словаре (на материале Словаря брянских говоров) // Исследования по исторической семантике. – Калининград, 1980.

153.*Корованенко Т.А.* Специфика семантических структур с функциональной общностью значений и их отношение к категории омонимии (на материале диалектной лексики) // Теория и практика современной лексикографии. – Л., 1984.

154.*Корованенко Т.А. Доба – доволя* // СБГ Вып. V. – Л., 1988.

155.*Королькова А.В.* Фонетико-морфологические особенности говоров Жуковского р-на Брянской обл. (К изучению курско-орловских говоров): Автореф. дисс. канд. филол. наук. – Л., 1953.
156.*Королькова А.В.* Вторичная приставка по- у перфективных глаголов типа посписать (на материале брянских говоров) // УЗ ЛГПИ им. А.И. Герцена. Т. 248. – Л., 1963.
157.*Королькова А.В.* К характеристике глагольного словообразования брянских говоров // Брянские говоры: Материалы и исследования по диалектологии (к изучению брянских говоров): УЗ ЛГПИ им. А.И. Герцена. Т. 325. – Л., 1968.
158.*Королькова А.В.* Унификация глагольных основ и ее результаты в брянских говорах // УЗ ЛГПИ им. А.И. Герцена. Т. 373. – Л., 1968.
159.*Королькова А.В.* Категория наклонения глагола в брянских говорах // Вопросы грамматики русского языка: XIII науч.-метод. конф. Северо-Западного объединения кафедр рус. яз. – Л., 1970.
160.*Королькова А.В.* О категории залога в брянских говорах // Брянские говоры. Вып. II: УЗ ЛГПИ им. А.И. Герцена. Т. 452. – Л., 1971.
161.*Королькова А.В.* К вопросу о лексической синонимии в диалектах (на материале глагольной синонимии в брянских говорах) // XXV Герценовские чтения. Филол. науки. – Л., 1972.
162.*Королькова А.В.* К вопросу об общих и частных значениях категории наклонения (на материале брянских говоров) // Функциональный анализ грамматических категорий. – Л., 1973.
163.*Королькова А.В. Большак – болячка* // СБГ Вып. I. – Л., 1976.
164.*Королькова А.В.* К характеристике синонимических рядов в брянских говорах // Вопросы русской диалектологии. – Л., 1976.
165.*Королькова А.В.* Соотношение инфинитива глагола и глагольных форм лица в брянских говорах // Брянские говоры. – Л., 1978.
166.*Королькова А.В. Бы – бясло, ваба – ванька* // СБГ. Вып. II. – Л., 1980.
167.*Королькова А.В. Вобраться – водяной, водяный, вытыкаться – вышить* // СБГ Вып. III. – Л., 1983.
168.*Королькова А.В. Дли, для, до, если, еще, ещё* // СБГ Вып. V. – Л., 1988.

169.*Кузнецова О.Д.* К началу издания Словаря брянских говоров // Брянские говоры: Диалектное слово и аспекты его изучения. – Л., 1985.

170.*Кукушкина О.Б.* К истории слов гололедица, гололед, колоть, ветля // Брянские говоры. Вып. II: УЗ ЛГПИ им. А.И. Герцена. Вып. 452. – Л., 1971.

171.*Куликова И.С.* Экспрессивное и эмоциональное в диалектном слове (на материале Словаря брянских говоров) // Брянские говоры: Диалектное слово и аспекты его изучения. – Л., 1985.

172.*Куликова И.С.* Слова с образной экспрессией в диалектном словаре // Диалектное слово в лексикографическом аспекте. – Л., 1986.

173.*Куликова И.С. Жизнь, жизня, жисть, жить* // СБГ. Вып. V. – Л., 1988.

174.*Куликова И.С.* Коннотативная семантика диалектного слова и диагностический контекст (на материале Словаря брянских говоров) // Диалектное слово в лексико-системном аспекте. – Л., 1989.

175.*Курганская Н.И.* Лексика гончарного промысла говоров Брянской области: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Л., 1981.

176.*Лобова Ю.Б.* Взаимодействие глаголов говорения с глаголами других семантических классов (на материале брянских говоров) // Диалектное слово в лексико-системном аспекте. – Л., 1989.

177.*Лозинская Т.П. Жевака – желтяк, жмак – жом* // СБГ. Вып. V. – Л., 1988.

178.*Малышева А.М. Вывести – выйти* // СБГ. Вып. III. – Л., 1983.

179.*Михалев Г.И.* Полисемия относительных прилагательных в брянских говорах // Диалектное слово в лексико-системном аспекте. – Л., 1989.

180.*Михалев Г.И.* Регулярная полисемия относительных прилагательных в брянских говорах: Автореф. дисс. канд. филол. наук. – Л., 1990.

181.*Небера К.М.* Безударные гласные звуки в говоре западной части Клинцовского района Брянской области (с. Ущерпье и деревни: Веприн и Писаревка) // Изв. ВГПИ. Т. 42. – Вологда, 1962.

182.*Небера К.М.* Одна из особенностей личных форм глагола в говорах Клинцовского района Брянской области // УЗ ОПИ. Т. 21. Вып. 6. – Орел, 1962.

183. *Небера К.М.* Говоры Клинцовского района Брянской области. (Фонетико-морфологический очерк): Автореф. дисс. канд. филол. наук. – М., 1964.
184. *Новицкая И.С. А[1] – аюшка* // СБГ. Вып. I. – Л., 1976.
185. *Новицкая И.С. Вар – вдрызг* // СБГ. Вып. II. – Л., 1980.
186. *Новицкая И.С. Вынать, вынять – выряживать* // СБГ. Вып. III. – Л., 1983.
187. *Новопокровская В.Н.* О качестве h в Брянских говорах XVII века // УЗ Липецкого ПИ. Вып. 4. – Воронеж, 1965.
188. *Новопокровская В.Н.* О лабиализации ***а*** в ***о*** под ударением в брянских говорах XVII века // Материалы науч.-теоретич. конф. – Минск, 1965.
189. *Осятинская Е.В. Ж[1], ж[2], же[1], же[2]* // СБГ. Вып. V. – Л., 1988.
190. *Пеньковский А.Б.* Об одном ассимилятивном изменении шипящих в говорах Западной Брянщины // УЗ ЛГПИ им. А.И. Герцена. Т.202. – Л., 1959.
191. *Пеньковский А.Б.* О некоторых последствиях усвоения мягкого ***ч*** в переходных говорах Западной Брянщины // УЗ ЛГПИ им. А.И. Герцена. Т. 248. – Л., 1963.
192. *Пеньковский А.Б.* Переходные говоры Западной Брянщины как источник исторической диалектологии // Тезисы докладов на IX диалектологическом совещании 15-18 мая 1963 г. – М., 1963.
193. *Пескова Н.С.* Названия народных музыкальных инструментов в брянских говорах // Брянские говоры: Диалектное слово и аспекты его изучения. – Л., 1985.
194. *Пескова Н.С.* Названия народных музыкальных инструментов в говорах русского языка: Автореф. дисс. канд. филол. наук. – Л., 1987.
195. *Петренко Л.П.* Названия хозяйственных построек в брянских говорах (гумно, овин, рига, осеть) // Брянские говоры: Материалы и исследования по диалектологии (к изучению брянских говоров): УЗ ЛГПИ им. А.И.Герцена. Т. 325. – Л., 1968.
196. *Пойда О.Б.* Лексико-семантическая группа с опорным словом ветер (на материале брянских говоров) // Брянские говоры: Диалектное слово и аспекты его изучения. – Л., 1985.
197. *Пойда О.Б. Дождевина, дожжовина – дожжавый, допахивать – доярство* // СБГ Вып. V – Л., 1988.

198. *Пойда О.Б.* Лексико-семантические связи слов, называющих явления природы, в брянских говорах: Автореф. дисс. канд. филол. наук. – Л., 1988.
199. *Пойда О.Б.* Лексико-семантические связи слов признаковой семантики в брянских говорах (ЛСГ “Погода”) // Диалектное слово в лексико-системном аспекте. – Л., 1989.
200. *Резцов В.В.* Метафорическое значение глагола и принципы его описания в диалектном словаре // Диалектное слово в лексикографическом аспекте. – Л., 1986.
201. *Резцов В.В. Дойти, доходить, ество – ечик* // СБГ Вып. V. – Л., 1988.
202. *Резцов В.В.* Семантическая структура диалектного глагола в лексикографическом аспекте: Автореф. дисс. канд. филол. наук. – Л., 1988.
203. *Резцов В.В.* Регулярная полисемия диалектного глагола и ее типы // Диалектное слово в лексико-системном аспекте. – Л., 1989.
204. *Родионова А.М.* Лексика говоров Навлинского района Брянской области: Автореф. дисс. канд. филол. наук. – Л., 1956.
205. *Родионова А.М.* Лексика говоров Навлинского района Брянской области в системе русских диалектов // УЗ ЛГПИ им. А.И. Герцена. Т.130. – Л., 1957.
206. *Родионова А.М.* Восточнославянская лексика говоров Навлинского района Брянской области // УЗ ЛГПИ им. А.И. Герцена. Т. 144. – Л., 1958.
207. *Родионова-Нащокина А.М.* Глаголы с корнем *-сел-* в брянских говорах (по материалам картотеки Брянского областного словаря) // Программа и тезисы докладов к 7-й науч.-метод. конф. Сев.-Зап. зонального объединения каф. рус. яз. пед. ин-тов. – Л., 1965.
208. *Родионова-Нащокина А.М.* Глаголы с корнем *-сел-* в брянских говорах. (По материалам картотеки Брянского областного словаря 1952-1965) // Брянские говоры: Материалы и исследования по диалектологии (к изучению брянских говоров): УЗ ЛГПИ им. А.И. Герцена. Т. 325. – Л., 1968.
209. *Родионова-Нащокина А.М.* Из истории брянских слов общеславянского происхождения // Брянские говоры: Материалы и исследования по диалектологии (к изучению брянских говоров). – Л., 1968.

210. *Родионова-Нащокина А.М.* Наречия в брянских говорах (по материалам Брянского областного словаря) // УЗ ЛГПИ им. А.И. Герцена. Т. 373. – Л., 1968.

211. *Родионова-Нащокина А.М.* Иноязычная лексика в брянских говорах // Брянские говоры. Вып. II: УЗ ЛГПИ им. А.И. Герцена. Т. 452. – Л., 1971.

212. *Родионова-Нащокина А.М.* Об особенностях фонетики говоров Брянской области // Брянские говоры. Вып. III. – Л., 1975.

213. *Рыжкова Л.А.* Слова с корнем *-доб-* в русском языке // Брянские говоры. Вып. II: УЗ ЛГПИ им. А.И. Герцена. Вып. 452. – Л., 1971.

214. Словарь брянских говоров (СБГ). Вып. 1. *А – бояться.* – Л., 1976; Вып. 2. *Бравский – взлезать.* – Л., 1980; Вып. 3. *Взлезть – вянуть.* – Л., 1983; Вып. 4. *Г.* – Л. 1984; Вып. 5. *Д – Ж.* – Л., 1988. (Под ред. В.И.Чагишевой – Вып. 1-3; В.А.Козырева – Вып. 2-5.)

215. *Смирнов И.Н.* Выражение обычности действия в высказываниях с формами настоящего времени (на материале брянских говоров) // Брянские говоры: Диалектное слово и аспекты его изучения. – Л., 1985.

216. *Смирнов И.Н.* Семантическая структура наречия *всегда* и ее отражение в словарях (К вопросу о функционально-грамматической характеристике многозначного слова) // Диалектное слово в лексикографическом аспекте. – Л., 1986.

217. *Смирнов И.Н. Длина – длиться, дмать – дно, Евдокея – ерыхнуть* // СБГ Вып. V. – Л., 1988.

218. *Смирнов И.Н.* Лексические средства выражения итеративности в брянских говорах // Диалектное слово в лексико-системном аспекте. – Л., 1989.

219. Список печатных работ профессора Н.П.Гринковой // УЗ ЛГПИ им. А.И.Герцена. Т. 248. – Л., 1963.

220. *Сугоняева Г.М. Глаз – глазуха* // СБГ. Вып. IV. – Л. 1984.

221. *Суетенко В.Н.* Из наблюдений над некоторыми словами в брянских говорах // Брянские говоры: Материалы и исследования по диалектологии (к изучению брянских говоров): УЗ ЛГПИ им. А.И. Герцена. Т. 325. – Л., 1968.

222. *Суетенко В.Н.* К истории слов со значением бедро в брянских говорах // УЗ ЛГПИ им. А.И.Герцена. Т. 362. – Л., 1968.

223. *Суетенко В.Н.* Слова око и глаз в брянских говорах // УЗ ЛГПИ им. А.И. Герцена. Т. 373. – Л., 1968.
224. *Суетенко В.Н.* Название частей человеческого тела в брянских говорах: Автореф. дисс. канд. филол. наук. – Л., 1969.
225. *Суетенко В.Н.* Об одной лексико-семантической группе слов в брянских говорах (*тыл, потылица, затылок*) // Брянские говоры. Вып. II: УЗ ЛГПИ им. А.И.Герцена. Т. 452. – Л., 1971.
226. *Суетенко В.Н.* О некоторых семантических сдвигах в лексике // Вопросы диалектологии. – Л., 1976.
227. *Суетенко В.Н.* К изучению семантики диалектных слов **воля – зоб** в брянских говорах // Брянские говоры. – Л., 1978.
228. *Суетенко В.Н.* Из истории семантики стилистических синонимов в брянских говорах // Брянские говоры: Диалектное слово и аспекты его изучения. – Л., 1985.
229. *Сулименко Н.Е.* Способы толкования имен прилагательных в диалектном словаре // Диалектное слово в лексикографическом аспекте. – Л., 1986.
230. *Терешина Л.А.* Обрядовая лексика в брянских говорах // Брянские говоры: Материалы и исследования по диалектологии (к изучению брянских говоров): УЗ ЛГПИ им. А.И. Герцена. Т. 325. – Л., 1968.
231. *Хазова Г.М.* Семантические диалектизмы в говоре (Опыт синхронной классификации): Автореф. дисс. канд. филол. наук. – Л., 1975.
232. *Хрымова М.Б.* К истории фонетики западнорусских говоров // Брянские говоры. Вып. III. – Л., 1975.
233. *Чагишева В.И.* Говоры восточного побережья озера Ильмень: Автореф. дисс. канд. филол. наук. – Л., 1949.
234. *Чагишева В.И.* К изучению курско-орловских говоров (Наблюдения над говорами Суземского района Брянской области) // УЗ ЛГПИ им. А.И. Герцена. Т. 92. – Л., 1953.
235. *Чагишева В.И.* О самостоятельной работе студентов в научных кружках (из опыта работы диалектологического кружка) // УЗ ЛГПИ им. А.И.Герцена. Т. 124. – Л., 1956.
236. *Чагишева В.И.* К вопросу о plusquamperfecte в северорусских диалектах // УЗ ЛГПИ им. А.И. Герцена. Т. 140. – Л., 1957.
237. *Чагишева В.И.* О брянских говорах (По материалам экспедиций ЛГПИ им. А.И. Герцена 1951-1953 годов) // УЗ ЛГПИ им. А.И. Герцена. Т. 130. – Л., 1957.

238. *Чагишева В.И., Гринкова Н.П.* Практические занятия по диалектологии. – Л., 1957.
239. *Чагишева В.И.* Практические занятия по диалектологии в системе подготовки преподавателя-словесника // УЗ ЛГПИ им. А.И. Герцена. Т. 139. – Л., 1957.
240. *Чагишева В.И.* Взаимодействие местных диалектов и литературного языка в советскую эпоху // УЗ ЛГПИ им. А.И.Герцена. Т. 152. – Л., 1958
241. *Чагишева В.И.* Изучение склонения имен существительных в условиях местного диалекта. – Л., 1958.
242. *Чагишева В.И.* Итоги работы диалектологических экспедиций кафедры русского языка в Вологодской области (1950, 1954-1956) // УЗ ЛГПИ им. А.И.Герцена. Т. 173. – Л., 1958.
243. *Чагишева В.И.* К вопросу о судьбе "ѣ" в севсрорусских говорах // УЗ ЛГПИ им. А.И.Герцена. Т. 144. – Л., 1958.
244. *Чагишева В.И.* Надежда Павловна Гринкова // РЯШ. 1961. № 3.
245. *Чагишева В.И.* Об одном из значений предлога *от* в говоре села Журиничи Брянского района Брянской области // Тезисы докладов на VIII диалектологическом совещании 15-18 мая 1961 г. – М., 1961
246. *Чагишева В.И.* О словаре восточной Брянщины // Псковские говоры. Вып. 1. – Псков, 1962.
247. *Чагишева В.И.* Творческий путь Н.П.Гринковой // УЗ ЛГПИ им. А.И.Герцена. Т. 248. – Л., 1963.
248. *Чагишева В.И.* Брянская область в истории и лингвистике // Брянские говоры: Материалы и исследования по диалектологии (к изучению брянских говоров): УЗ ЛГПИ им. А.И. Герцена. Т. 325. – Л., 1968.
249. *Чагишева В.И.* К вопросу о категории среднего рода в местных говорах // Псковские говоры. II. – Псков, 1968.
250. *Чагишева В.И.* Семантика слов с приставкой *су-* в русских говорах // Юбилейная науч.-метод. конф. Сев.-Зап. зонального объединения кафедр рус. яз. – Л., 1969.
251. *Чагишева В.И.* К изучению синтаксиса простого предложения в местных говорах (о конструкциях со вторым винительным падежом) // Брянские говоры. Вып. II: УЗ ЛГПИ им. А.И. Герцена. Т. 452. – Л., 1971.

252. *Чагишева В.И.* К изучению диалектной фразеологии // Слово в лексико-семантической системе языка. – Л., 1972.
253. *Чагишева В.И.* К изучению семантики диалектных фразеологизмов (на материале брянских говоров) // Брянские говоры. Вып. III. – Л., 1975.
254. *Чагишева В.И.* Место диалектологии в лингвистическом образовании студента // Преподавание русского языка в педагогическом институте. – Л., 1975.
255. *Чагишева В.И. Болотина – больной, борода – босякойство* // СБГ. Вып. I. – Л., 1976.
256. *Чагишева В.И., Козырев В.А.* Русская диалектология. – Л., 1976.
257. *Чагишева В.И.* Фразеологизмы и другие устойчивые словосочетания в речи одного лица // Вопросы русской диалектологии. – Л., 1976.
258. *Чагишева В.И.* Изучение брянских говоров за 60 лет // Брянские говоры. – Л., 1978.
259. *Чагишева В.И.* К изучению источников и способов образования диалектных фразеологизмов // Брянские говоры. – Л., 1978.
260. *Чагишева В.И.* К изучению лексико-семантических отношений в говорах // Проблемы грамматики, словообразования и лексики сибирских говоров. – Красноярск, 1978.
261. *Чагишева В.И.* К изучению лексико-семантических отношений в говорах // Формирование значения лексических и фразеологических единиц. – Курск, 1979.
262. *Чагишева В.И.* Названия прорубей в говорах Брянской области // Рэгіянальныя традыцыі ва усходнеславянскіх мовах, літаратурах і фальклоры. – Гомель, 1980.
263. *Чагишева В.И. Воевать – волна^2, волочба – волястый* // СБГ. Вып. III. – Л., 1983.
264. *Черняк В.Д.* Семантически сближенная глагольная лексика в лексической системе диалекта (на материале Словаря брянских говоров) // Брянские говоры: Диалектное слово и аспекты его изучения. – Л., 1985.
265. *Черняк В.Д.* Синонимический способ толкования в диалектном словаре // Диалектное слово в лексикографическом аспекте. – Л., 1986.
266. *Черняк В.Д. Деламши – деляночка* // СБГ. Вып. V. – Л., 1988.

267. *Черняк В.Д.* Каузативные глаголы и их лексикосистемные связи (на материале брянских говоров) // Диалектное слово в лексико-системном аспекте. – Л., 1989.

268. *Черняк В.Д.* Антропоцентрические аспекты изучения лексической синонимии в брянских говорах // Русистика: лингвистическая парадигма конца XX века: Материалы науч. конф., посвященной 80-летию филол. ф-та РГПУ им. А.И. Герцена и 75-летию проф. С.Г.Ильенко (*С.-Петербург, 17-19.11 1998 г.*). – СПб., 1999.

269. *Чистякова Л.М.* Некоторые особенности употребления падежей и предлогов в говорах восточной Брянщины // Брянские говоры: Материалы и исследования по диалектологии (к изучению брянских говоров): УЗ ЛГПИ им. А.И. Герцена. Т. 325. – Л., 1968.

270. *Чистякова Л.М.* Слова с корнем *лет-* в брянских говорах // Брянские говоры. Вып. II. Ученые записки ЛГПИ им. А.И. Герцена. Т. 452. – Л., 1971.

271. *Чистякова Л.М. Боб – болонь*[2] // СБГ. Вып. I. – Л., 1976.

272. *Чистякова Л.М. Вживаться – взлезать* // СБГ. Вып. II. – Л., 1980.

273. *Чистякова Л.М. Взлезть – взяться* // СБГ. Вып. III. – Л., 1983.

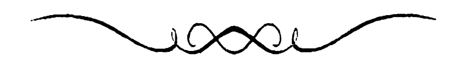
274. *Чистякова Л.М. Да*[1] *– двухэтажный* // СБГ. Вып. V. – Л., 1988.

275. *Шубина Н.Л.* Лексикографическая интерпретация контекста употребления слова (на материале Словаря брянских говоров) // Диалектное слово в лексико-системном аспекте. – Л., 1989.

276. *Шубина Н.Л.* Устная речь в словарной статье диалектного словаря // Русистика: лингвистическая парадигма конца XX века: Материалы науч. конф., посвященной 80-летию филол. ф-та РГПУ им. А.И. Герцена и 75-летию проф. С.Г.Ильенко (*С.-Петербург, 17-19.11 1998 г.*). – СПб., 1999.

277. *Щепина Е.Н.* Общенародное слово в диалектной системе (на материале имен существительных в брянских говорах): Автореф. дисс. канд. филол. наук. – СПб., 1992.

278. *Щепина Е.Н.* Семантическая структура общенародного слова в говоре // Ядерно-периферийные отношения в области лексики и фразеологии. – Новгород, 1992.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Апресян Ю.Д.* Прагматическая информация для толкового словаря // Прагматика и проблемы интенсиональности. – М., 1988.
2. *Апресян Ю.Д.* Коннотации как часть прагматики слова // Избранные труды. Т. 2: Интегральное описание языка и системная лексикография. – М., 1995.
3. *Арбатский Д.И.* Толкования значений слов. Семантические определения. – Ижевск, 1977.
4. *Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. – М., 1998.
5. *Бабенко Л.Г.* Глаголы комплексной полипрозитивной семантики // Русская глагольная лексика: пересекаемость парадигм. Памяти Эры Васильевны Кузнецовой. – Екатеринбург, 1997.
6. *Бабкин А.М.* Слово в контексте и в словаре // Современная русская лексикография. – Л., 1977.
7. *Балли Ш.* Французская стилистика. – М., 1961.
8. *Балясникова Л.А.* Брянские говоры в исследованиях аспирантов кафедры русского языка ЛГПИ им. А.И. Герцена // Брянские говоры. – Л., 1978.
9. *Балясникова Л.А.* Информативные возможности Словаря брянских говоров в кругу словарей исторического цикла // Брянские говоры: Диалектное слово и аспекты его изучения. – Л., 1985.
10. *Баранникова Л.И.* К вопросу о диалектной синонимии // Вопросы стилистики. Вып. 1. – Саратов, 1962.
11. *Батожок Н.И.* Брянские говоры в восточнославянском диалектном ландшафте: Пространственные и временные параметры. – СПб., 1994.
12. *Билева Н.Б.* Глагольная метафора в диалектной речи // Живое слово в русской речи Прикамья. – Пермь, 1982.
13. *Блинова О.И.* Мотивационные отношения слов в диалекте // Проблемы грамматики, словообразования и лексики сибирских говоров. – Красноярск, 1978.
14. *Блинова О.И.* Языковое сознание и вопросы теории мотивации // Язык и личность. – М., 1989.

15. *Бондарко А.В.* Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. – Л., 1983.
16. *Бондарко А.В.* Временная локализованность // Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л., 1987.
17. *Боровикова Н.А.* Регулярная многозначность в лексико-семантичес-ких группах глаголов: Автореф. дисс. канд. филол. наук. – Воронеж, 1985.
18. *Брагина А.А.* Синонимы и их истолкование // ВЯ. 1978. № 6.
19. *Брагина А.А.* Синонимы в русском языке. – М., 1980.
20. *Брагина Л.А.* Синонимические отношения в лексике и словарная статья // Современная русская лексикография. – Л., 1981.
21. *Булыгина Т.В., Шмелев А.Д.* Пространственно-временная локализация как суперкатегория предложения // ВЯ. 1989. № 3.
22. *Бытева Т.И.* Опыт сравнительного анализа семантических отношении в одной тематической группе // Проблемы грамматики, словообразования и лексики сибирских говоров. – Красноярск, 1978.
23. *Васильев Л.М.* Семантика русского глагола. Глаголы речи, звучания, поведения. – Уфа, 1981.
24. *Васильев Л.М.* Семантическая категория оценки и оценочные предикаты // Исследования по семантике: Семантические категории в русском языке. – Уфа, 1996.
25. *Васильева А.Н.* Курс лекций по стилистике русского языка (Общие понятия стилистики. Разговорно-обиходный стиль речи). – М., 1976.
26. *Виноградов В.В.* Русский язык. Грамматическое учение о слове. – М., 1947.
27. *Винокур Т Г* Закономерности стилистического использования языковых единиц. – М., 1980.
28. *Винокур Т.Г* К характеристике говорящего. Интенция и реакция // Язык и личность. – М.,1989.
29. *Волхов В., Кизимова С.* Брянщина индустриальная. – Брянск, 1964.
30. *Галкина-Федорук Е.М.* Об экспрессивности и эмоциональности в языке // Сб. ст. по языкознанию. Проф. МГУ, академику В.В.Виноградову. – М., 1958.
31. *Гаспаров Б.М.* Устная речь как семиотический объект // Семантика номинации и семиотика устной речи. Лингвистическая

семантика и семиотика 1: Уч. зап. Тарт. гос. ун-та, вып 442. – Тарту, 1978.

32. *Гаспаров Б.М.* Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. – М., 1996.

33. *Герд А.С.* Диалект – региолект – простречие // Русский язык в его функционировании: Тезисы докладов междунар. конф. – М., 1998

34. *Горбачевич К.С.* Русские географические названия. – М.-Л., 1965.

35. *Григорьев В. П.* Поэтика слова. – М., 1979.

36. *Губанов Л.М.* История в географических названиях // Памятники истории и культуры Брянщины. – Брянск, 1970.

37. *Гюйо М.* Происхождение идеи времени. – СПб, 1899.

38. *Демидова Г.И.* Брянские говоры в исследованиях студентов ЛГПИ им. А.И. Герцена // Брянские говоры. – Л., 1978.

39. Диалектологический атлас русского языка (Центр Европейской части СССР) (ДАРЯ). Вып. I. – М., 1986; Вып. II. – М., 1991; Вып. III. – М., 1996.

40. *Дурново Н.Н.* Введение в историю русского языка. – М., 1969.

41. *Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н.* Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. – М., 1981.

42. *Елина В.П.* Лексика внешнего облика человека в псковских говорах // Псковские говоры. Вып. 1. – Псков, 1962.

43. *Жучкевич В.А.* Общая топонимика. – Минск, 1980.

44. *Захарова К.Ф., Орлова В.Г.* Диалектное членение русского языка. – М., 1970.

45. *Зиндер Л.Р.* Общая фонетика. – Л., 1960.

46. *Ильенко С.Г.* О семантическом радиусе действия предложения в тексте // Теория языка. Методы его исследования и преподавания. – Л., 1981.

47. *Ильенко С.Г.* Творческий путь Надежды Павловны Гринковой // Лингвистические чтения, посвященные 100-летию со дня рождения проф. Н.П.Гринковой: Тезисы докладов. – СПб., 1995.

48. История русской лексикографии. – СПб., 1998

49. *Казакова Т.Е.* Семантическая диффузность в диалекте // Брянские говоры: Диалектное слово и аспекты его изучения. – Л., 1985.

50.Картотека Словаря брянских говоров (КСБГ). – Словарный кабинет им. проф. В.И.Чагишевой филол. ф-та РГПУ им. А.И. Герцена.

51.*Кизимов Ю.А.* Земли и народы России в XIV–XV вв. – М., 1984.

52.*Кильдибекова Т.А.* Глаголы действия в современном русском языке. Опыт функционально-семантического анализа. – Саратов, 1985-а.

53.*Кильдибекова Т.А.* Функционально-семантическая категория каузальности в русском языке // Исследования по семантике. – Уфа, 1985-б.

54.*Киселевский А.И.* Синонимические средства и тавтология в определениях толковых словарей // Теоретические проблемы семантики и ее отражения в одноязычных словарях. – Кишинев, 1982.

55.Книга Большому Чертежу. – Л., 1950.

56.*Коготкова Т.С.* О некоторых особенностях диалектной лексики в связи с устной формой ее существования // Славянская лексикография и лексикология. – М., 1966.

57.*Кожевников А.Ю.* Брянск, Дьбряньскъ... дьбрь? // РР. 1995. № 5.

58.*Кожина М.Н.* Стилистика русского языка. – М., 1977.

59.*Козырев В.А.* Словарный состав “Слова о полку Игореве” и лексика современных русских народных говоров // Тр. отд. др.-рус. лит-ры Ин-та рус. литературы АН СССР Т. XXXI. – Л., 1976.

60.*Козырев В.А.* Лексика современных русских народных говоров. – Л., 1984

61.*Козырев В.А.* Брянские говоры в исследованиях проф. В. И. Чагишевой // Диалектное слово и аспекты его изучения. – Л., 1985.

62.*Колшанский Г.В.* Контекстная семантика. – М., 1980.

63.*Комлев Н.Г* Компоненты содержательной структуры слова. – М., 1969.

64.*Корованенко Т.А.* Семантика и прагматика в толковом словаре // Лингвистическая прагматика в словаре: виды реализации, способы описания / Под ред. Г.Н.Скляревской. – СПб., 1997.

65.*Королькова А.В.* К характеристике синонимических рядов в брянских говорах // Вопросы русской диалектологии. – Л., 1976.

66.*Кузнецов П.С.* Русская диалектология. – М., 1952.

67.*Кузнецова Э.В.* Русские глаголы "приобщения объекта" как функционально-семантический класс слов: Автореф дисс. канд. филол. наук. – М., 1974.
68.*Кузнецова Э.В.* Лексикология русского языка. – М., 1982.
69.*Кузнецова Э.В., Кусова М.Л.* Глагольная антонимия как проявление системных отношений в лексике // Проблемы научной семантики. – Свердловск, 1984.
70.*Куликова И.С.* Экспрессивное и эмоциональное в диалектном слове // Брянские говоры: Диалектное слово и аспекты его изучения. – Л., 1985.
71.*Лаврентьева Н.Б.* К вопросу о принципе классификации глагольных метафор (на материале говоров Новосибирской области) // Лексика и фразеология русских говоров Сибири. – Новосибирск, 1982.
72.*Лаптева О.А.* Литературная и диалектная разновидности устноразговорного синтаксиса и перспективы их сопоставительного изучения // ВЯ. 1999. № 1.
73.*Ларин Б. А.* Лекции по истории русского литературного языка (X – середина XVIII века). – М., 1975.
74.*Левковская К.А.* Теория слова. Принципы ее построения и аспекты изучения лексического материала. – М., 1962.
75.*Люшинская Е.Х.* Функционально-семантическое поле кратности глагольного действия в современном французском языке: Автореф. дисс. канд. филол. наук. – М., 1977.
76.*Маслов Ю.С.* Вид и лексическое значение глагола в современном русском языке // Очерки по аспектологии. – Л., 1984.
77.*Мурзин Л.Н.* Парадигмы и классы слов // Типы языковых парадигм. – Свердловск, 1990.
78.*Нерознак В.П.* Названия древнерусских городов. – М., 1983.
79.*Никонов В.А.* Краткий топонимический словарь. – М., 1966.
80.*Новиков Л.А.* Антонимия и словари антонимов. Вступ. ст. // Львов М.Р. Словарь антонимов русского языка: Около 2000 антонимических пар / Под ред. Л.А.Новикова. – М., 1978.
81.Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х годов / Под ред. Котеловой Н.З. и Сорокина Ю.С. – Изд. 2-е. – М., 1973.
82.Опыт диалектологической карты русского языка в Европе / Сост. Н.Н.Дурново, Н.Н.Соколов, Д.Н.Ушаков. – М., 1915.

83. *Оссовецкий И.А.* Лексика современных русских народных говоров. – М., 1982.
84. *Падин В.А.* Трубчевск. – Тула, 1975.
85. *Падучева Е.В.* Высказывание и его соотнесенность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений). – М., 1985.
86. *Панова Г.И.* Выражение повторяемости действия в современном русском языке: Автореф. дисс. канд. филол. наук. – Л., 1979.
87. *Пасекунов Е.С.* Исторические памятники // Памятники истории и культуры Брянщины. – Брянск, 1970.
88. *Пескова Н.С.* Названия народных музыкальных инструментов в брянских говорах // Брянские говоры: Диалектное слово и аспекты его изучения. – Л., 1985.
89. *Петрищева Е.Ф.* Об эмоциональной окрашенности слов в современном русском языке (опыт лингвистического эксперимента) // Развитие лексики современного русского языка. – М, 1965.
90. *Петрищева Е.Ф.* Стиль и стилистические средства // Стилистические исследования. – М., 1972.
91. Повесть временных лет // Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы. XI – начало XII века. – М., 1978.
92. *Пойда О.Б.* Лексико-семантическая группа с опорным словом ветер (на материале брянских говоров) // Брянские говоры: Диалектное слово и аспекты его изучения. – Л., 1985.
93. *Попкова Л.М.* К вопросу об употреблении глаголов звучания в псковских говорах // Лексический атлас русских народных говоров: Материалы и исследования. 1994. – СПб., 1996.
94. *Попова Т.В.* Способы глагольного действия и лексико-семантические группы глаголов // Русская глагольная лексика: пересекаемость парадигм. Памяти Эры Васильевны Кузнецовой. – Екатеринбург, 1997.
95. *Потапова Н.П.* Глаголы со значением обработки предмета в предложении // Классы слов в синтагматическом аспекте. – Свердловск, 1986.
96. *Потебня А.А.* Из записок по русской словесности. – Харьков, 1909.

97.*Потебня А.А.* Основы поэтики // Вопросы теории и психологии творчества. Т. 2. Вып. 2. – Харьков, 1910.
98.*Преображенский А.Г.* Этимологический словарь русского языка. Т. 1. – М., 1910-1914.
99.Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1-5. – Л., 1967-1983.
100.*Раков Г.А.* Диалектная лексическая синонимия и проблемы идеографии. – Томск, 1988.
101.*Рапов О.М.* Княжеские владения на Руси в Х – первой половине XIII в. – М., 1977.
102.*Расторгуев П.А.* Словарь народных говоров Западной Брянщины: Материалы для истории словарного запаса говоров. – Минск, 1973.
103.*Рогожникова Р.П.* Варианты слов в русском языке. – М., 1966.
104.*Рощина Л.П.* Способы выражения повторяемости действия в современном русском языке: Автореф. дисс. канд. филол. наук. – М., 1969.
105.Русская грамматика (РГ). Т. I-II. – М., 1980.
106.*Самойлов Д.* Язык – это плоть жизни // ЛГ. 17 ноября 1972.
107.*Сахарный Л.В.* Лингвистическая прагматика и лексикография: взгляд психолингвиста // Лингвистическая прагматика в словаре. – СПб, 1997.
108.*Селиверстова О.Н.* Второй вариант классификационной сетки и описание некоторых предикативных типов русского языка // Семантические типы предикатов. – М., 1982.
109.*Скляревская Г.Н.* Языковая метафора в словаре. Опыт системного описания // ВЯ. 1987. № 4.
110.*Скляревская Г.Н.* Прагматика и лексикография // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность. – М., 1995.
111.*Скляревская Г.Н.* Реальный и ирреальный мир в толковом словаре // Семантика и коммуникация. – СПб, 1996.
112.*Скляревская Г.Н.* К вопросу о прагматической информации в толковом словаре: возможны ли прагматические пометы // Лингвистическая прагматика в словаре: виды реализации, способы описания. – СПб., 1997.
113.Словарь брянских говоров (СБГ). Вып. 1–5. – Л., 1976-1988.
114.Словарь русских народных говоров (СРНГ) / Гл. ред. Ф.П. Филин. Вып. 1–-32. – Л., 1965-1998 (изд. продолжается).

115.Словарь русского языка: В 4-х т. (МАС) / Под ред. А.П. Евгеньевой. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М., 1981-1984.

116.Словарь современного русского литературного языка. Т. 1. – М.; Л., 1948.

117.*Смирнов И.Н.* Выражение обычности действия в высказываниях с формами настоящего времени (на материале брянских говоров) // Брянские говоры: Диалектное слово и аспекты его изучения. – Л., 1985.

118.*Смирнов И.Н.* Взаимодействие лексических и грамматических значений как разноуровневых единиц функционально-семантического поля в брянских говорах // Лексический состав брянских говоров / ВНТИ Центр. № ГР 01.84.0 035498; Инв. № 02.86.0 087277. – М., 1986.

119.*Смирнов И.Н.* Типы временной нелокализованности действия в русском языке (на материале высказываний с формами настоящего и простого будущего времени): Автореф. дисс. канд. филол. наук. – Л., 1987

120.*Смирнов И.Н.* Значение интервала и его выражение в русском языке // Slavische Sprachwissenschaft und Interdisziplinaritt. № 1 / Specimina Philologiae Slavicae. Band 106. Munchen, Verlag Otto Sagner. 1995.

121.*Смолина К.П.* Семантическая эволюция слова *скарб* в восточнославянских языках // История русского языка и лингвистическое источниковедение. – М., 1987.

122.*Соболева П.А.* Способы глагольного действия и словообразовательные разряды глаголов // Слово в грамматике и словаре. – М., 1984.

123.*Сороколетов Ф.П.* Областные словари и диалектная лексикология // ВЯ. 1981. № 3.

124.*Сороколетов Ф.П.* Диалектный словарь в системе словарей национального языка // Теория и практика русской исторической лексикографии. – М., 1984.

125.*Степанов Ю.С.* Язык и метод. К современной философии языка. – М., 1998.

126.*Стернин И.А.* Проблема анализа структуры значения слова. – Воронеж, 1979.

127.*Сулименко Н.Е.* Фрагмент тезауруса и тематическая сетка текста // Лексическая семантика. – Свердловск, 1991.

128. *Телия В.Н.* Коннотативная семантика языковых единиц. – М., 1988.
129. *Тихонов Н.* Десять веков Трубчевска. – Тула, 1980.
130. *Трубачев О.Н.* Этимологическая лексикография и история культуры // Русский язык и современность: Проблемы и перспективы развития русистики. Доклады. Ч.1. – М., 1991.
131. *Уитроу Дж.* Естественная философия времени. – М., 1964.
132. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. I-IV: пер. с нем. и доп. О.Н.Трубачева / Под ред. и с предисловием Б.А.Ларина. – 2-е изд., стер. – М., 1986.
133. *Федоров Л.Л.* Типология речевого воздействия и его место в структуре общения // ВЯ. 1991. № 6.
134. *Филин Ф.П.* Проект "Словаря русских народных говоров" – М.; Л., 1961.
135. *Филин Ф.П.* Очерки по теории языкознания. – М., 1982.
136. *Харченко В.К.* Разграничение оценочности, образности, экспрессии и эмоциональности в семантике слова // РЯШ. 1976. № 3.
137. *Харченко В.К.* Взаимодействие коннотативных признаков, созначений в семантике слова // Лексические и грамматические компоненты в семантике языкового знака. – Воронеж, 1983.
138. *Харченко В.К.* Образность в семантике слова // РЯШ. 1984. № 3.
139. *Хидекель С.С., Кошель Г.Г* Природа и характер языковых оценок // Лексические и грамматические компоненты в семантике языкового знака. – Воронеж, 1983.
140. *Чагишева В.И.* К изучению курско-орловских говоров (Наблюдения над говорами Суземского района Брянской области) // УЗ ЛГПИ им. А.И.Герцена. Т. 92. – Л., 1953.
141. *Чагишева В.И.* О брянских говорах (По материалам экспедиций ЛГПИ им. А.И. Герцена 1951-1953 годов) // УЗ ЛГПИ им. А.И. Герцена. Т. 130. – Л., 1957.
142. *Чагишева В.И.* О словаре восточной Брянщины // Псковские говоры. Вып. 1. – Псков, 1962.
143. *Чагишева В.И.* Творческий путь Н.П.Гринковой // УЗ ЛГПИ им. А.И.Герцена. Т. 248. – Л., 1963.
144. *Чагишева В.И.* Брянская область в истории и лингвистике // УЗ ЛГПИ им. А.И. Герцена. Т. 325. – Л., 1968.
145. *Чагишева В.И.* Изучение брянских говоров за 60 лет // Брянские говоры. – Л., 1978.

146.Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности. – М., 1991.

147.*Черепнин Л.В., Пашуто В.Т.* Образование русского цетрализованного государства в сравнительно-историческом аспекте (XVI–XVII вв.) // Вопросы методологии исторического исследования. Теоретические проблемы истории феодализма. – М., 1981.

148.*Черняк В.Д.* Каузативные глаголы и их лексикосистемные связи (на материале брянских говоров) // Диалектное слово в лексико-системном аспекте. – Л., 1989-а.

149.*Черняк В.Д.* Проблема синонимии и лексико-грамматическая классификация слов. – Л., 1989-б.

150.*Чудинов А.П.* О регулярном характере контекстуального варьирования значений каузативных глаголов // Проблемы глагольной семантики. – Свердловск, 1984.

151.*Чудинов А.П.* Регулярная многозначность в глагольной лексике. – Свердловск, 1986.

152.*Шаховский В.И.* Лексикография и коннотативная семантика // Лексические и грамматические компоненты в семантике языкового знака. – Воронеж, 1983.

153.*Шведова Н.Ю.* Типы контекстов, конструирующих многоаспектное описание слова // Русский язык. Текст как целое и компоненты текста. XI. – М.,1982.

154.*Шелякин М.А.* Категория вида и способы действия русского глагола: Теоретические основы. – Таллин, 1983.

155.*Шелякин М.А.* Способы действия в поле лимитативности // Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. — Л., 1987.

156.*Щерба Л.В.* О частях речи в русском языке // Избранные работы по русскому языку. – М., 1957.

157.*Щерба Л.В.* Опыт общей теории лексикографии // Языковая система и речевая деятельность. – Л., 1974.

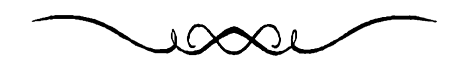
158.*Шиловский В.И.* Проблема разграничения экспрессивности и эмотивности как семантических категорий стилистики // Проблемы семасиологии и лингвостилистики. Вып. 2. – Рязань, 1972.

159.*Шмелев Д.Н.* Очерки по семасиологии русского языка. – М., 1964.

160. *Шмелев Д.Н.* Проблемы семантического анализа лексики. – М., 1973.

161. *Шмелев Д.Н.* Современный русский язык. Лексика. – М., 1977.

Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под ред. О.Н.Трубачева. – Вып. 1-24. (ЭССЯ). – М., 1974-1997 (изд. продолжается).

ОГЛАВЛЕНИЕ

ДИАЛЕКТНАЯ ЛЕКСИКОЛОГИЯ И ЛЕКСИКОГРАФИЯ: БРЯНСКИЕ ГОВОРЫ

К 90-летию проф. В.И. Чагишевой

Коллективная монография

Корректура *Л.Г. Савельевой*

Лицензия № 021216 от 29.04.1997

Подписано в печать 26.04.99 г. Формат 60 × $84^{1}/_{16}$. Гарнитура Таймс.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Объем: 13,5 уч.-изд. л.;
13,5 усл. печ. л. Тираж 300 экз. Заказ № 132.
Издательство РГПУ им. А.И. Герцена. 191186, С.-Петербург,
наб. р. Мойки, 48

РТП РГПУ им. А.И. Герцена. 191186, С.-Петербург, наб. р. Мойки, 48